ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4/2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

✧

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

✧

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Пылин А.Г., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

✧

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.
председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.
член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.
доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве РФ

Александрова О.А.
доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.
доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.
член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН

Буторина О.В.
член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН

Валентей С.Д.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.
доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики инноваций экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.
доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.
доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным науками (ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.
доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.
доктор экономических наук, руководитель научного направления Института экономики РАН

Музычук В.Ю.
доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некипелов А.Д.
академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. *Л*омоносова

Прокапало О.М.
доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института экономических исследований *Д*ВО РАН

Рубинштейн А.Я.
доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.
член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития науки РАН

Шабунова А.А.
доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 4/2023

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 11.09.2023
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 3553-23

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
https://vestnik-ieran.ru

© НП
Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Ленчук Е.Б., Филатов В.И.
Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации 7

Домнина И.Н.
«Включенность» преференциальных зон в систему стратегирования пространственного развития: проблемы и ограничения 25

Козлова С.В., Грибанова О.М.
Институциональная среда управления государственным имуществом в современных реалиях 45

ФИНАНСЫ

Виноградова О.С., Картаев Ф.С.
Выявление процикличности методом спектрального анализа 65

Львова О.А.
Оценка состояния бизнеса в рамках антикризисного управления: подходы для собственника, кредитора, арбитражного управляющего и инвестора 89

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Коргун И.А.
Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея: приоритеты и последствия для стабильности в Восточной Азии 112

Клавдиенко В.П.
Возобновляемая энергетика Китая: тенденции, новации, перспективы 134

Васильченко А.Д., Логвинов Д.В., Семенова А.А.
Неценовые факторы спроса на импорт пшеницы в странах Северной Африки 157

Четверикова А.С.
Трансформация инвестиционных связей стран Прибалтики и Польши 181

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Сударев Д.А.
Оценка влияния факторов политической природы на ошибки прогнозов доходов федерального бюджета России 197

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Lenchuk E.B., Filatov V.I.
Strategic Planning as a Tool for Reducing Uncertainty in Conditions of Global Economic Transformation..... 7

Domnina I.N.
"Inclusion" of Preferential Zones in the System of Spatial Development Strategy: Problems and Limitations 25

Kozlova S.V., Gribanova O.M.
Institutional Environment of State Property Management in Current Realities 45

FINANCE

Vinogradova O.S., Kartaev F.S.
Identification of Procyclicality by Spectral Analysis..... 65

Lvova O.A.
Business Evaluation Within Crisis Management: Approaches for Owners, Creditors, Insolvency Practitioners and Investors..... 89

WORLD ECONOMY

Korgun I.A.
Republic of Korea's Indo-Pacific Strategy: Priorities and Repercussions for Regional Stability in East Asia..... 112

Klavdienko V.P.
Renewable Energy in China: Trends, Innovations, Prospects 134

Vasilchenko A.D., Logvinov D.V., Semenova A.A.
Non-Price Demand Factors for Wheat Imports in North African Countries..... 157

Chetverikova A.S.
Transformation of Investment Ties of Baltic States and Poland 181

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

Sudarev D.A.
Assessment of the Impact of Political Factors on Federal Budget Revenue Forecast Accuracy in Russia 197

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.Б. ЛЕНЧУК
доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
руководитель научного направления ФГБУН Институт экономики РАН

В.И. ФИЛАТОВ
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ СНИЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье обосновывается объективная необходимость использования инструментов стратегического планирования для парирования вызовов и угроз в условиях возрастания неопределенности, создаваемой текущей геополитической и геоэкономической ситуацией, и перехода к новой, конкурентной модели развития. В этой связи авторы акцентируют внимание на сущности стратегического планирования, механизмах его реализации в условиях рыночной экономики, на определении основных методологических подходов к выстраиванию этого процесса на системной основе. Проанализированы основные недостатки и узкие места как методологического, так и содержательного, а также организационного характера, которые не позволяют сформировать полноценную систему стратегического планирования и имплементировать ее в систему государственного управления в России. На основе проведенного анализа авторами сформулированы первоочередные направления совершенствования системы стратегического планирования.

Ключевые слова: *стратегическое планирование, целеполагание, индикативное планирование, архитектура документов стратегического планирования, национальные проекты, стратегия социально-экономического развития.*

УДК: 338.26.015, 338.262

EDN: BGPATE

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_7_24

Введение

Беспрецедентная санкционная атака на российскую экономику, которая активизировалась с началом СВО на Украине, сформировала новую геоэкономическую реальность для России, выразившуюся в отсечении отечественной экономики от мировой финансовой системы, закрытии доступа на международные рынки для основных видов экспортной продукции, запрете на поставки в страну передовых технологий, высокотехнологичной продукции и комплектующих для различных секторов экономики. Несмотря на то, что России удалось выдержать первый санкционный удар, и основные экономические показатели за 2022 г. свидетельствуют о том, что отечественная экономика сумела адаптироваться к внешним вызовам благодаря мерам, принимаемым государством, введенные ограничения, несомненно, могут иметь отложенные и более глубокие негативные последствия. Экономические санкции как раз и направлены на подрыв технологической мощи нашего государства и инвестиционных процессов в российской экономике, что снижает потенциал классических драйверов ее роста и ведет к падению ее конкурентоспособности. Все это, в свою очередь, усиливает опасность попадания страны в затяжную стагнацию.

Преодоление такой угрозы лежит в плоскости структурных и технологических преобразований в национальной экономике, по сути, меняющих вектор и модель экономического развития. Прежде всего экономическая политика государства должна быть направлена на обеспечение технологического суверенитета страны и опираться на разработку и освоение прорывных технологий, на активизацию инновационной деятельности, которые позволят повышать конкурентоспособность российской экономики, завоевывать новые формирующиеся рынки, полномасштабно и системно решать задачи социально-экономического развития, повышая благосостояние и качество жизни населения. При этом сложившаяся геополитическая обстановка требует перехода к новой модели развития в достаточно динамичном темпе.

Этот непростой путь требует временных затрат и концентрации значительных ресурсов, что, безусловно, предполагает возрастание роли государства в проведении последовательной экономической политики, обеспечивающей структурно-технологическую модернизацию экономики и формирование новой, конкурентной модели развития, выступающей в качестве ее целевого ориентира. Причем практическое решение этой масштабной задачи «требует согласованного взаимодействия государства, бизнеса и общества в рамках общей целевой установки, что предполагает повышение эффективности государственного регулирования, укрепление стратегических и проектных начал в экономике и, прежде всего, их ядра – стратегического планирования» [1, с. 37].

Следует отметить, что в последнее десятилетие в России принят целый ряд нормативных документов, закрепляющих основные организационные рамки использования института стратегического планирования. Напомним, что в 2014 г. был принят Федеральный закон №172-ФЗ «О государственном стратегическом планировании в Российской Федерации», в 2021 г. – «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования». Однако «стратегическое планирование так и не стало концептуальной основой для формирования экономической политики государства и выстраивания системной работы органов государственной власти» [2, с. 106]. Ссылаясь на неопределенность, государственные органы власти продолжают акцентировать свое внимание на стабилизационных планах, не заглядывая дальше краткосрочного горизонта планирования. Вместе с тем, при отсутствии закрепленных в ФЗ-172 базовых документов стратегического планирования, и прежде всего Стратегии социально-экономического развития на долгосрочную перспективу, общее количество документов стратегического планирования – прогнозов, концепций, стратегий, программ, – постоянно увеличивается. При этом они слабо увязаны между собой по целевым установкам и задачам и охватывают разные временные рамки, что нарушает главный принцип планирования – принцип системности. Но, пожалуй, самое главное – это то, что до сих пор нет четкого ответа на вопрос о том, какова же должна быть методология этого процесса.

В этой связи следует еще раз остановиться на рассмотрении сущности стратегического планирования, механизмах его реализации в условиях экономики рыночного типа и на определении основных методологических подходов к выстраиванию этого процесса.

Объективные предпосылки повышения роли стратегического планирования в условиях неопределенности

Актуальность инструмента стратегического планирования в обеспечении динамичного экономического роста возрастает сегодня не только для России, но и для других стран. Прежде всего это обусловлено необходимостью решать масштабные задачи, связанные с последствиями борьбы с пандемией, с климатической повесткой дня и энергетическим переходом на ВИЭ, с проблемами перехода на новый технологический базис, формируемый четвертой промышленной революцией, украинским кризисом и т. п. Решение этих сложных задач, в том числе с использованием новых IT-технологий, связано и с рисками, требует масштабных инвестиций и координации деятельности многих экономических агентов, что невозможно осуществить только рыночными методами. Можно полностью согласиться с М. Мац-

цукато, которая отмечает, что сегодня без государства «у нас нет шансов на то, чтобы справиться со структурными вызовами XXI в. или запустить технологические и организационные изменения, необходимые для долгосрочного устойчивого и справедливого роста» [3, с. 43].

Именно государство должно выступить сегодня в качестве активного игрока на «поле экономики», выполняя при этом роль не только борца с «провалами рынка», но и активного двигателя к социально-экономическому развитию России, открывающего возможности для роста нашей национальной экономики, вовлекая в этот процесс частный бизнес и при этом беря все бремя рисков на себя. Важнейшими инструментами для реализации государством такой роли становятся стратегическое планирование, которое позволяет определить стратегические цели и приоритеты развития экономики и направлять инвестиции в нужные отрасли, а также соответствующая уровню решаемых задач система государственного управления, которая будет способствовать реализации стратегических планов и обеспечивать эффективное управление экономикой.

В настоящее время во всей мировой экономике происходит рост неопределенности. «Конкуренция основных центров силы – США, Китая, Европы и др. – ведет к существенной перестройке мировых товарных потоков» … к возрождению торговых войн и протекционизма… «повышаются издержки, связанные с разрывом цепочек поставок» [4, с. 25]. В этих условиях стратегическое планирование может рассматриваться как инструмент снижения уровня неопределенности.

В контексте сложившегося на сегодняшний день экономического положения России основная задача государства – противостоять международным санкциям. Она требует умения решать текущие задачи в условиях СВО, а также создавать условия и предпосылки для формирования конкурентной модели развития в будущем, согласовывая краткосрочные действия с долгосрочными целями. При этом разработка обоснованных представлений о возникающих геоэкономических и технологических трендах, в том числе и их оценка, и о будущем месте и роли национальной экономики становится важнейшим фактором снижения негативного влияния неопределенности на формирование социально-экономической политики страны. Инструментом снижения неопределенности при конструировании будущего России выступает стратегическое планирование, рассматриваемое как процесс определения долгосрочных целей социально-экономического развития и инструментов их достижения. Их совокупность должна формировать стержень социально-экономической политики государства, которое определяет вектор развития страны.

Растущая конкурентная борьба, прежде всего в технологической сфере, предопределила появление нового тренда развития – экономической, технологической и финансовой суверенизации, позволяющих

странам – лидерам в сфере высоких технологий закрепить свое превосходство и успех. Этот процесс требует в первую очередь формирования мощного человеческого капитала и научно-технологической базы. В частности, как отмечал в своих работах Ж. Сапир, «вопрос экономического суверенитета в настоящее время стал центральной проблемой для многих стран, и рыночные механизмы не могут дать удовлетворительного ответа на вопрос, как его достичь» [5, с. 58]. Все большее количество западных стран сегодня в своей экономической политике используют инструменты стратегического планирования.

Для России достижение экономического и технологического суверенитета также будет происходить в условиях большой неопределенности, формируемой как внешними, так и внутренними факторами, характеристика которых довольно подробно дается в ряде работ [4; 6]. В частности, отмечается, что «такая неопределенность порождает серьезные вызовы и требует активной, но при этом осмотрительной и взвешенной политики для защиты экономических интересов российских рыночных участников и государства на соответствующих рынках» [4, с. 28], которая предполагает реализацию определенного комплекса приоритетных национальных проектов, их ресурсное обеспечение, формирование соответствующей институциональной среды.

Вместе с тем, несмотря на вроде бы бесспорность аргументов в пользу использования инструментов стратегического планирования как фактора экономического роста в современных геополитических и геоэкономических условиях, российские органы власти продолжают «молиться» на рыночную экономику, не допуская возможности усиления роли государства в обеспечении структурной и технологической перестройки в рамках перехода к новой модели развития. Так, на ПМЭФ-2023 глава ЦБ России Э. Набиуллина отмечала, что «наша экономика на глазах очень хорошо перестраивается. И не надо ее трогать. Есть риски вмешательства. Не надо государству здесь проявлять слишком большую активность. Соблазн управлять структурной перестройкой российской экономики может привести к подавлению частной инициативы и возвращению к Госплану»[1].

Тем не менее в последние годы в стране активизировалась дискуссия по вопросам необходимости возвращения плановых начал в экономику России и развитие стратегического планирования [7; 8; 9]. В то же время и есть и откровенные противники, которые в основном связывают планирование с возвращением к административно-директивному планированию и восстановлению Госплана «советского образца». В этой связи целесообразно еще раз вернуться к вопросу о том, о каком же планировании идет речь.

[1] https://www.rbc.ru/economics/15/06/2023/648ab8ad9a7947f53f2fdb2c.

Стратегическое планирование в рыночной экономике

Возвращаясь к дискуссии о целесообразности возрождения практики планирования в рамках текущих глобальных и внутренних вызовов и высказываемых в этой связи опасений по поводу возрождения директивного планирования и восстановления Госплана «советского образца», можно отметить, что общего понимания о том, что такое стратегическое планирование и какова методология его использования в рыночной экономике, пока не сложилось.

Следует напомнить, что, согласно определениям 172-ФЗ, стратегическое планирование понимается как «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития»[2]. Принципиальным отличием стратегического планирования является то, что оно должно рассматриваться как процесс, а другим его отличием является системность, основанная на взаимной увязке его правовых, экономических, институциональных и иных компонентов [10].

В частности, в работе А.А. Дынкина и В.Д. Миловидова выделяются три концептуальных подхода к стратегическому планированию. «В первом случае авторы рассматривают планирование как процесс, вычленяя в нем отдельные стадии и стремясь выработать механизмы и инструменты, повышающие его эффективность на каждом этапе. Во втором случае внимание уделено уровням и институтам планирования: выделяется, например, государственный уровень (или публичный), уровень негосударственных, в том числе предпринимательских организаций (корпоративный уровень), личный или индивидуальный уровень (не имеет формальной организации, носит добровольный характер). В третьем случае основной акцент делается на планировании ресурсов, прежде всего человеческих, или человеческого капитала» [6, с. 8]. Таким образом, авторы подчеркивают, что стратегическое планирование является комплексным и системным.

Важнейшим этапом стратегического планирования является установление долгосрочных целей, определяющих общий курс социально-экономического развития страны. Однако модель планирования достижения поставленных целей может быть разная: в системе централизованного планирования – директивная, в системе рыночной экономики – индикативная. Основные отличия данных моделей наглядно представлены в таблице, составленной известным французским экономистом Ж. Сапиром.

[2] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

Таблица

Основные отличия моделей централизованного и индикативного планирования

	Централизованное планирование	**Индикативное планирование**
Тип собственности	Преимущественно государственная собственность	Смешанная экономика с государственной собственностью для зарождающихся или стратегических отраслей, а также зон провалов рынка
Природа цен	Цены фиксируются государством	В основном рыночные цены, но регулируемые государством цены на ряд товаров и услуг (энергия, транспорт)
Распределение ресурсов	В значительной мере централизованное	Рынок с государственным вмешательством в стратегические отрасли
Характер инвестиций	В значительной мере централизованный	Рынок с государственными льготами (субсидии, налоговые льготы и льготные кредиты для ограниченного числа отраслей)
Способ финансирования экономической деятельности	В основном государственные субсидии и бюджетные инвестиции	Самофинансирование инвестиций, банковские кредиты, ограниченное использование финансовых рынков
Банковская система	Монобанк	Многоуровневая банковская система с депозитным банком под контролем государства и строгим разделением депозитных и коммерческих банков
Режим текущей координации	Преимущественно плановый	Рынок
Режим долгосрочной координации	Полностью плановый	Рынок с государственными приоритетами и договорная координация
Агентство по планированию	Агентство центрального планирования (Госплан) с агентством ценообразования (Госкомцен) и агентством по распределению ресурсов (Госснаб)	Небольшое агентство, работающее в тесном сотрудничестве с министерствами, статистической службой и частным бизнесом
Способ реализации планирования	Административное принуждение	Финансовые стимулы. Ограниченные случаи принуждения
Внешняя торговля	Государственная монополия	Децентрализованная, но с протекционистскими правилами

Составлено по: [5].

В индикативной модели развития действие рыночных правил сохраняется. Частная собственность остается преобладающей, предприятия действуют в условиях рыночной конкуренции, покупки и продажи продукции, цены в основном остаются свободными. Координация экономической деятельности в краткосрочной перспективе предоставляется рынку, за исключением стратегически важных отраслей. Государство же определяет общий курс развития страны на среднесрочный и долгосрочный периоды, координируя деятельность участников рынка с помощью плановых и особых финансовых инструментов и механизмов, обеспечивает достижение стратегически важных целей развития.

В мировой практике накопилось немало положительных примеров, когда применение индикативного планирования позволило достичь значимых успехов в структурной и технологической перестройке экономики и выйти на устойчивую динамику экономического роста. В этом контексте следует отметить успешный опыт Франции, Японии, Южной Кореи, КНР, Индии [11].

В то же время противопоставление индикативного и директивного характера планирования не следует возводить в абсолют. Расширение программного подхода в управлении социально-экономическими процессами, которое охватывает не только традиционную сферу взаимоотношения государства и компаний военно-промышленного комплекса в рамках оборонного госзаказа, но и финансовую поддержку приоритетных структурных изменений в экономике, когда частные компании становятся получателями финансовых ресурсов для реализации конкретных проектов, усиливает директивный характер планирования.

Методологические «ниши» стратегического планирования

На состоявшемся 27 сентября 2021 г. заседании Совета Безопасности РФ президент РФ В.В. Путин подчеркнул необходимость совершенствования стратегического планирования в стране и сформулировал основные его направления. В частности, он отметил, что «государству нужна сбалансированная, единая, целостная система стратегического планирования, чтобы создавать современные, выверенные и нацеленные на конкретный результат планы и программы…»[3]. В этой связи, опираясь на сформулированные выше подходы к пониманию стра-

[3] Заседание Совета Безопасности по совершенствованию системы стратегического планирования в Российской Федерации 27 сентября 2021 г. http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3082.

тегического планирования, можно сформулировать целый комплекс проблем, которые на сегодняшний день не позволяют рассматривать его как системный процесс. Они довольно подробно анализировались авторами в своих предшествующих статьях [1; 2; 12], поэтому остановимся на наиболее проблемных местах этого процесса.

До сих пор не выстроена архитектура документов стратегического планирования, позволяющая реализовать основные принципы стратегического планирования – единства и целостности, преемственности и непрерывности, сбалансированности, прозрачности, ресурсной обеспеченности, ответственности участников этого процесса. Прежде всего следует отметить, что не сформирована сама система целеполагания федерального уровня, что проявляется в отсутствии базовых документов, определяющих общий курс социально-экономического развития страны. В то же время продолжает с огромной скоростью возрастать количество документов отраслевого, регионального и муниципального уровней, никак не связанных между собой и зачастую направленных на решение частных задач.

Должным образом не проработана сама методология стратегического планирования, позволяющая реализовывать этот процесс на системной основе, в виде последовательной разработки всей цепочки документов стратегического планирования (прогноз – стратегия – программа (план) – проект (конкретное задание)) и их реализации [2]. Не были разработаны инструменты и механизмы сопряжения поставленных целей и задач, обеспечения, согласованности и преемственности показателей в утвержденных документах стратегического планирования всех уровней, а также их увязки с ресурсным обеспечением, в том числе с параметрами бюджетной политики. Сложившаяся в стране практика бюджетного планирования практически полностью оторвана от стратегического управления. В результате этого федеральный бюджет становится документом, определяющим тактику управления, которая не соответствует ориентирам, установленным в системе стратегического планирования.

Не выстроен и механизм мониторинга, корректировки и актуализации показателей долгосрочного социально-экономического развития и их целевых значений в рамках всей системы стратегического планирования. Механизм актуализации показателей в достаточной мере реализуется только на уровне согласования целевых показателей национальных проектов и государственных программ.

Следует отметить, что формирование методологии стратегического планирования социально-экономического развития – это непосредственная функция Министерства экономического развития РФ. Однако комплексной работы в этом направлении практически не ведется. Созданный в структуре этого министерства Департамент стратегического планирования и мониторинга пытается решить

только отдельные задачи в процессе достижения национальных целей развития, мониторинга соблюдения основных принципов стратегического планирования, методического обеспечения разработки реализации и корректировки стратегии социально-экономического развития страны и т. д.[4]

Однако дело не только в работе Минэкономразвития России, которое отвечает лишь за координацию процессов стратегического планирования социально-экономического блока, а в том, что в структуре исполнительной власти отсутствует ведомство, которое несет всю полноту ответственности за разработку, корректировку и реализацию мер в рамках общенационального стратегического планирования в целом. Именно поэтому принимаемые в сфере стратегического планирования решения зачастую «зависают» и реализуются далеко не в полной мере.

В настоящее время весь процесс целеполагания перенесен на президентский уровень и выстраивается на основе ежегодного Послания Президента РФ Федеральному Собранию и указов президента РФ. Так, вместо разработки полноценной стратегии социально-экономического развития РФ был принят Указ Президента № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Возникает вопрос: насколько такой подход можно считать продуктивным? Авторы в [13] справедливо отмечают, что «разработка указов происходит достаточно в закрытом режиме, без привлечения тех органов, которые по букве закона должны принимать самое активное участие в подготовке и экспертизе высших документов стратегического планирования. В таких условиях «процесс целеполагания практически не опирается на оценки достигнутого уровня развития в различных областях, а также не учитывает условия, ограничения и доступные ресурсы для прогресса в этих сферах» [13, с. 34]. В результате такого подхода установленные в указах стратегические цели порой излишне амбициозны, нереалистичны и декларативны, зачастую не подкреплены реальными ресурсными возможностями. Это неоднократно подтверждалось результатами ежегодно проводимого Счетной Палатой РФ мониторинга, свидетельствующими о невысоком уровне достижения национальных целей, заложенных в Указе Президента РФ.

Важно отметить и то, что целевые установки указов имеют в основном социальную направленность, которые реализуются через соответствующие национальные проекты. Безусловно, заявленные социальные цели крайне важны, но для будущего развития страны этого явно недостаточно. Утвержденные во исполнение указов президента РФ и национальных проектов стратегические цели практически не затра-

[4] https://www.economy.gov.ru/material/departments/d36/.

гивают «производственный потенциал национальной экономики, который как раз и формирует предпосылки экономического роста и повышения глобальной конкурентоспособности страны. Кроме того, в Указе нет обоснования основных реформ и программ, механизмов и мероприятий, необходимых для достижения национальных целей развития РФ» [14, с. 27].

Новые подходы к стратегическому планированию

Определенным шагом в доработке системы стратегического планирования стало принятие *«Основ государственной политики в области стратегического планирования РФ» (далее – Основы)*, которые были утверждены Указом Президента РФ № 633 от 08.11.2021 г. В рамках этого документа был принят ряд положений, уточняющих логику стратегического планирования, позволяющих расшить наиболее узкие места, реализовать основные принципы стратегического планирования, заложенные в ФЗ-172, и придать системность процессу стратегического планирования. К наиболее важным можно отнести следующие моменты.

Установлен единый цикл стратегического планирования, который определяется сроком полномочий президента РФ, составляющим шесть лет. В рамках цикла обеспечивается строгая последовательность разработки и утверждения документов стратегического планирования, которая включает следующие этапы:

– *прогнозирование*, в рамках которого осуществляется прогнозная оценка основных направлений социально-экономического развития страны на долгосрочный период с учетом возможных рисков и угроз национальной безопасности;
– *целеполагание*, в рамках которого с учетом прогнозных разработок, формируются основные базовые документы стратегического планирования, определяющие национальные стратегические цели развития;
– *планирование и программирование*, в рамках которого органы государственного управления разрабатывают плановые и программные документы, направленные на реализацию основных национальных стратегических целей социально-экономического развития;
– *мониторинг и контроль* реализации документов стратегического планирования, осуществляемые с позиций достижения установленных в них целей и целевых показателей, а также ресурсной обеспеченности.

Важные изменения коснулись архитектуры документов стратегического планирования. Во-первых, была определена главенствующая

роль долгосрочных прогнозов в социально-экономической и научно-технологической сферах, как основы формирования стратегического планирования, целеполагания и социально-экономического прогнозирования. Во-вторых, в качестве базового документа на уровне целеполагания была закреплена Стратегия национальной безопасности РФ. Кроме того, уточнен перечень документов стратегического планирования – он дополнен национальными проектами.

Также в Основах акцентируется внимание на необходимости ресурсного обеспечения процесса достижения целей, зафиксированных в документах стратегического планирования, в том числе с использованием балансовых методов. В качестве основного инструмента стратегического планирования определено индикативное планирование, которое предполагает формирование взаимоувязанной системы показателей, характеризующих степень выполнения намеченных задач на каждом этапе процесса движения к заданным целям социально-экономического развития[5]. При этом механизм индикативного планирования позволяет сосредоточить имеющиеся ресурсы на определенных целях и видах деятельности, которые в краткосрочном периоде могут выглядеть недостаточно прибыльными [11, с. 6].

Особое внимание в Основах уделено усилению мониторинга и контроля за разработкой и реализацией стратегических документов планирования, прежде всего документов федерального уровня.

Еще одним важным положением Основ является создание единой цифровой информационно-аналитической платформы стратегического планирования, на основе которой должна осуществляться комплексная аналитическая обработка данных, оцениваться динамика реализации стратегических национальных приоритетов и документов стратегического планирования, обеспечиваться информационная поддержка участников стратегического планирования.

Вместе с тем из перечня документов целеполагания федерального уровня выпала стратегия социально-экономического развития на долгосрочную перспективу, разработка которой предусмотрена в ФЗ-172. В Основах лишь в обобщенном виде говорится о документах стратегического планирования, определяющих национальные цели развития. Однако с этим, пожалуй, категорически нельзя согласиться. В условиях обострившейся за последние годы геополитической и геоэкономической ситуации перед Россией поставлена очень важная задача – за достаточно короткий период времени сформировать новую, конкурентную модель развития. В этой связи разработка долгосрочной стра-

[5] Основы государственной политики в сфере стратегического планирования Российской Федерации. Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402915816/.

тегии социально-экономического развития как никогда важна. Именно она должна мобилизовать страну на решение важнейших структурно-технологических задач – обеспечения технологического суверенитета и выстраивания восточного вектора развития. Вместе с тем «причины и последствия изъятия указанной Стратегии из блока документов стратегического планирования нуждаются в серьезном осмыслении» [10, с. 15].

Актуальные направления совершенствования системы стратегического планирования

Как справедливо отмечает член-корр. РАН Г.Б. Клейнер, «создание в России эффективной системы стратегического планирования экономики представляет собой многоэтапный процесс, затрагивающий не только основы организации экономической деятельности на всех уровнях управления и взаимодействие между уровнями, но и развитие экономической теории, и изменения в мировоззрении экономических агентов» [15, с. 12]. Однако в текущей ситуации, в условии большого количества вызовов, для сохранения устойчивого развития экономики этот процесс, бесспорно, требует большей динамики, обеспечение которой в первую очередь потребует проявления политической воли и повышения эффективности государственной политики в сфере стратегического планирования.

Одной из первоочередных задач по совершенствованию системы стратегического планирования становится приведение в соответствие ФЗ-172 с новыми положениями Основ государственной политики в сфере стратегического планирования. Однако при этом многие положения Основ требуют конкретизации и дальнейшего методического сопровождения, поскольку даны лишь в постановочном виде. Так, должна быть сформирована и нормативно закреплена архитектура документов стратегического планирования, более детально разработана процедура обеспечения единого цикла стратегического планирования, мониторинга и контроля, сформирован инструментарий индикативного планирования и использования балансовых методов и т. д. Другими словами, в методологии стратегического планирования требуется заполнение целого ряда «ниш».

В плане обеспечения единого цикла стратегического планирования необходимо решить три группы задач: определить единые сроки действия для долгосрочных, среднесрочных и краткосрочных документов стратегического планирования, зафиксировать логическую последовательность действий при их формировании, разработать методологические подходы для обеспечения обязательной преемственности между ними. Учитывая, что новый политический цикл начнется в 2024 г., эти задачи требуют оперативного решения.

Следует отметить, что в упомянутых выше Основах в качестве базового документа стратегического планирования закреплена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в рамках которой обозначены основные стратегические угрозы, риски и вызовы социально-экономическому развитию страны. Однако в ней не определены пути противостояния этим вызовам, не отражено общее видение курса социально-экономического развития страны, по которому она должна развиваться в новых геополитических и геоэкономических реалиях.

Важнейшим этапом этого процесса должна стать разработка долгосрочной стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2035 г., которая должна определить желаемый вектор развития страны, целевые ориентиры структурного разворота российской экономики в новых условиях, раскрыть место России в евразийской системе разделения труда, обозначить приоритеты структурной модернизации российской экономики с учетом формирования новых воспроизводственных цепочек в восточном направлении [16, с. 17]. Стратегия должна стать основой для формирования документов стратегического планирования более низкого уровня. При этом в качестве главного инструмента реализации целей и задач, заложенных в данной стратегии, должны выступать государственные программы и проекты.

Вместе с тем, исходя из логики процесса стратегического планирования, долгосрочная стратегия – это документ, относящийся к процессу целеполагания, поэтому он не может рассматриваться в качестве исходного этапа процесса стратегического планирования. Как мы неоднократно отмечали в своих работах, «Выбор стратегических целей национального развития должен основываться на анализе возможных сценариев развития внешних (геополитических и геоэкономических) и внутренних условий, на оценке сложившихся трендов развития, возникших рисков и угроз для различных аспектов национального развития и ресурсных возможностей для их преодоления» [12, с. 16]. Это предъявляет новые требования к этапу прогнозирования, на котором должен проводиться глубокий стратегический анализ и прогноз основных доминирующих трендов социально-экономического и научно-технологического развития, оцениваться возможные сценарии геополитического и геоэкономического развития с позиции будущих угроз и рисков национальной безопасности страны. Таким образом, в условиях неопределенности и большого количества вызовов формирование вектора развития страны и представление о будущем образе государства должно опираться на комплекс долгосрочных прогнозов – бюджетного, прогноза социально-экономического развития, научно-технологического развития и т. п. [17].

Особо остро стоит вопрос сопряжения бюджетного планирования и стратегического планирования, который требует разработки особых методологических подходов, обеспечивающих согласование качественных параметров установленных целей в документах стратегического планирования с количественными финансовыми параметрами бюджетного планирования. Сегодня для бюджетного планирования характерно установление объемов финансирования конкретных категорий расходов в рамках годового временного горизонта и закрепление ключевых параметров финансирования на трехлетний бюджетный период, т. е. оно практически не заглядывает за среднесрочный и долгосрочный горизонты. В этой связи было бы целесообразно скорректировать временной горизонт бюджетного планирования с учетом целеполагания, обеспечив взаимосвязь между стратегическими целями и прогнозом доходных поступлений, с одной стороны, и планом бюджетных ассигнований, с другой, а также рассмотреть возможность формирования стратегической и оперативной частей бюджета.

Еще одним важным направлением совершенствования системы стратегического планирования в России является создание специального органа, который объединит и скоординирует усилия по выстраиванию этого процесса как в методологическом, так в содержательном и организационном планах. Сегодня эти функции в основном возложены на Минэкономразвития РФ, но, как отмечал Л.И. Абалкин, «у работников, занятых текущим регулированием и постоянной корректировкой показателей, и у разработчиков стратегических программ разный подход к видению проблем. Стратегия и тактика – это необходимые, но разрозненные элементы. Нельзя объединять в одном органе власти научное предвидение и прогнозирование с решением оперативного регулирования хозяйственной жизни» [18, с. 26].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И.* Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 11 (4). С. 35–47.
2. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России. В кн. Планирование в рыночной экономике: воспоминание о будущем. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2021. С. 105–111.
3. *Маццукато М.* Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе». М.: Высшая школа экономики, 2023. .
4. *Блохин А.А., Кувалин Д.Б.* Глобальные вызовы для системы стратегического планирования в России. // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3. С. 24–40.

5. *Сапир Ж*. Экономическое планирование: ренессанс забытой практики и возможности для России. Эксперт. 2023. № 4. С. 58–62.
6. *Дынкин А.А. Миловидов В.Д*. Наука дальновидности: как преуспеть в стратегическом прогнозировании и планировании // Проблемы прогнозирования. 2023. № 3. С. 6–22.
7. *Полтерович В.М.* Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада. // Журнал новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 238–244.
8. *Аганбегян А.Г*. О необходимости планирования в новой России // Вопросы политической экономии. 2021. № 2. С. 27–44.
9. *Глазьев С.Ю.* Стратегическое планирование как интегративный элемент в системе управления развитием. // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 14–19.
10. *Иванов О.Б., Бухвальд Е.М.* Новый этап в развитии государственной политики в сфере стратегического планирования. // ЭТАП: Экономическая Теория. Анализ. Практика. 2021. № 6. С. 7–23.
11. *Сапир Ж*. Станет ли плановая экономика нашим будущим? // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6. С. 6–26.
12. *Ленчук Е.Б., Филатов В.И*. Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 4. С. 9–26.
13. *Золотарева А.Б., Соколов И.А*. Актуальные вопросы стратегического планирования и аудита в современной России. // Проблемы прогнозирования. 2021. № 5. С. 21–45.
14. *Ленчук Е.Б.* Стратегическое планирование как инструмент социально-экономического развития России // Экономическое возрождение России. 2021. № 3 (69). С. 25–30.
15. *Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А., Карпинская В.А*. Стратегическое планирование в системе оптимизации национальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2022. № 3. С. 6–15.
16. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию. Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головнин, Е.Б. Ленчук. М., Институт экономики РАН, 2023.
17. *Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н.* Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // Модернизация, инновации, развитие. 2019. Т. 10. № 4. С. 440–456.
18. *Абалкин Л.И*. Стратегия: выбор курса. М., Институт экономики РАН, 2002.

REFERENCES

1. *Lenchuk E.B., Filatov V.I.* Strategic planning – the way toward sustainable development of the Russian economy // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. № 4. Pp. 35–47. (In Russ.).
2. Strategic planning as a tool of acceleration of social-economic development of Russia. In the book Planning in a market economy: Memories of the Future. SPb., 2021. (In Russ.).

3. *Mazzucato M.* The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. M.: HSE, 2023. (In Russ.).
4. *Blokhin A.A., Kuvalin D.B.* Global Challenges for the Strategic Planning System in Russia // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 3. Pp. 297–307. (In Russ.).
5. *Sapir J.* Economic planning: a renaissance of a forgotten practice and an opportunity for Russia. Expert. 2023. № 4. Pp. 58–62. (In Russ.).
6. *Dynkin A.A. and Milovidov V.D.* The Science of Foresight: How to Succeed in Strategic Forecasting and Planning // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 3. Pp. 285–296. (In Russ.).
7. *Polterovich V.M.* Once again about where to go: Toward a development strategy in isolation from the West. Journal of the New Economic Association. 2022. 3 (55). Pp. 238–244. (In Russ.).
8. *Aganbegyan A.G.* On the Need for Planning in New Russia. Problems in Political Economy. 2021. № 2 (26). Pp. 27–44. (In Russ.).
9. *Glazyev S.Yu.* Strategic planning as an integrative feature in development management system. Economic revival of Russia 2021. № 3 (69). Pp. 14–19. (In Russ.).
10. *Ivanov O.B., Buchwald E.M.,* New stage in the development of state policy in strategic planning // ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice. 2021. № 6. Pp. 7–23. (In Russ.).
11. *Sapir J.* Is Economic Planning Our Future? //Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 6. Pp. 583–597. (In Russ.).
12. *Lenchuk E.B., Filatov V.I.* Improvement of methodologic approaches for formation of strategical planning system in Russia. Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk. 2020. № 4. Pp. 9–26. (In Russ.).
13. *Zolotareva A.B. and Sokolov I.A.* Topical Issues of Strategic Planning and Audit in Modern Russia // Studies on Russian Economic Development. 2021. Vol. 32. No. 5. Pp. 467–475. (In Russ.).
14. *Lenchuk E.B.* Strategic planning as a tool to accelerate social and economic development in Russia. Economic revival of Russia. 2021. № 3 (69). Pp. 25–30. (In Russ.).
15. *Kleiner G.B., Rybachuk M.A., Karpinskaya V.A.* Strategic Planning and Systemic Optimization of the National Economy // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33. No. 3. Pp. 243–248. (In Russ.).
16. The Russian Economy in the face of new challenges: from adaptation to development. Report / Ed. By M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk / M: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, 2023. (In Russ.).
17. *Smirnova O.O, Bocharova L.K., Belyaevskaya-Plotnik L.A.* Bogdanova Ju. N. Conceptual approaches to the formation of architecture of documents of strategic planning in Russia. Modernization. Innovation. Research. 2019. Vol. 10. № 4. Pp. 440–456. (In Russ.).
18. *Abalkin L.I.* The Strategy: Choosing the Course. M.: Institute of Economics RAS, 2002. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *14.07.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Ленчук Елена Борисовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8639-0833
lenalenchuk@yandex.ru

Филатов Владимир Иванович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8119-5836
filatov.vladshimir@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS
Elena B. Lenchuk – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of Department of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8639-0833
lenalenchuk@yandex.ru

Vladimir I. Filatov – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8119-5836
filatov.vladshimir@yandex.ru

STRATEGIC PLANNING AS A TOOL FOR REDUCING UNCERTAINTY IN CONDITIONS OF GLOBAL ECONOMIC TRANSFORMATION

The article substantiates the objective necessity of using strategic planning tools to fend off challenges and threats in the increasing uncertainty created by the current geopolitical and geo-economic situation and the transition to a new competitive development model. The authors focus on the essence of strategic planning, the mechanisms for its implementation in a market economy, as well as on determining the main methodological approaches to systematizing this process. Having analyzed the main methodological, substantive and organizational shortcomings and bottlenecks preventing a full-fledged system of strategic planning from being formed and incorporated into the system of public administration in Russia, the authors identify priority areas for improving the former system.

Keywords*: strategic planning, goal setting, indicative planning, architecture of strategic planning documents, national projects, strategy for socio-economic development.*
JEL: O20, O29.

И.Н. ДОМНИНА
кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра федеративных отношений и регионального развития
ФГБУН Институт экономики РАН

«ВКЛЮЧЕННОСТЬ» ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ЗОН В СИСТЕМУ СТРАТЕГИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ[1]

В статье рассмотрены нерешенные проблемы формирования сбалансированной системы стратегического планирования, которые приводят к «выпадению» института преференциальных зон из процесса пространственного стратегирования экономики. Представлен анализ содержательной части и границ присутствия преференциальных зон в федеральной стратегии пространственного развития, а также в стратегиях мезо- и субфедерального уровней планирования. Определены подходы к формированию институционально-правовых основ включения преференциальных зон в инфраструктуру управления экономическим пространством.

Ключевые слова: *преференциальные зоны, пространственное развитие, субфедеральные стратегии, макрорегионы, стратегическое планирование.*

УДК: 332.14

EDN: FBDRDB

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_25_44

Введение

В институционально-инструментальном блоке государственной политики регионального развития в современной России задействован достаточно большой набор различных институтов развития и форм пространственной организации экономики. Среди них отдельное место занимают преференциальные зоны как часть территории страны с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности, включающими льготные налоговые режимы, возмещение

[1] Статья написана в рамках выполнения государственного задания «Институциональные основы новой стратегии пространственного развития российской экономики» ФГБУН Институт экономики РАН на 2023 г.

затрат на создание объектов инфраструктуры, субсидирование процентной ставки по кредитам на новые инвестиционные проекты и др.

В государственной законодательной практике к числу федеральных преференциальных зон относят особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), ТОСЭР в моногородах и закрытых административно-территориальных образованиях, особые экономические зоны в Калининградской и Магаданской областях, свободную экономическую зону на территориях Республики Крым и Севастополя, свободный порт Владивосток, Арктическую зону Российской Федерации. Широкое понимание категории преференциальных зон подразумевает также отнесение к их числу многочисленных территорий, создаваемых регионами и предоставляющих специальные режимы для своих резидентов, – кластеров, индустриальных парков и промышленных технопарков, региональных инвестиционных площадок, наукоградов, технополисов и др.

Исходя из текущих задач и долгосрочных потребностей развития российской экономики, законодательная база регулирования деятельности преференциальных зон непрерывно меняется, что приводит к обновлению их видов. Одним из последних решений в этой области стала, например, попытка возрождения и вывода на новый уровень инновационных научно-технологических центров (ИНТЦ) или инновационных долин, ориентированных на идеи структурно-технологической перестройки экономики, осуществляемая с помощью механизмов предоставления льгот крупным технологическим компаниям и организации системы устойчивых связей между участниками рынка высоких технологий[2].

Вопросам организации деятельности преференциальных зон, как широко используемого в региональной практике инструмента стимулирования инвестиционного развития территорий, уделено большое внимание в экономической литературе. Многие авторы обращались к анализу функциональных возможностей и сравнительной характеристике различных типов функциональных зон [7; 11; 13], к исследованию их роли в социально-экономическом развитии регионов и моногородов [1; 2; 10], к проблемам оценки результативности их деятельности и др. [3; 5; 6]. В то же время недостаточно исследованной и представляющей несомненный интерес является проблема увязки целей установления на выделенных участках территории субъектов федерации особых условий ведения предпринимательской деятельности (преференциальных режимов) со стратегическими целями повыше-

[2] *Бойко А.* Власти хотят реанимировать инновационные долины // Ведомости, 29.07.2022. https://vedomosti-ru.turbopages.org/turbo/vedomosti.ru/s/economics/articles/2022/07/29/933567-vlasti-hotyat-reanimirovat-innovatsionnie-dolini.

ния связанности экономического пространства и сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии страны. Этим вопросам и посвящена данная статья.

Отметим, что отличительной особенностью преференциальных режимов, представленных в системе пространственного регулирования в России, является практика создания их «сверху», по инициативе федерального центра или региональных властей, за счет государственных средств, часто с участием государственных корпораций. В нормативно-правовых документах, формирующих основы функционирования различных типов преференциальных зон, их целевое назначение рассматривается, прежде всего, с точки зрения локализации отраслей и объектов, обеспечивающих наибольший приток инвестиций в экономику конкретного региона, и механизмов их финансирования[3]. Фактически преференциальные территории встраиваются в централизованную модель регулирования региональных процессов и выступают объектом территориального планирования.

Однако функционал преференциальных зон в системе управления региональными процессами не может быть ограничен концепцией инвестиционного роста и, безусловно, должен быть вписан в логику стратегического планирования и способствовать достижению национальных целей развития. Создавая условия для выхода за пределы отдельного региона и межрегиональной кооперации, преференциальные зоны могли бы стать инструментом выравнивания уровня инфраструктурной обеспеченности экономического пространства и способствовать преодолению диспропорций социально-экономического развития территорий.

Возможности участия преференциальных зон в формировании новой структуры экономики в соответствии с основами государственной политики в сфере стратегического планирования и в реализации приоритетных направлений пространственного развития требуют своей оценки. Как следует из бюллетеня Счетной палаты РФ, подготовленного по анализу результатов функционирования преференциальных режимов в 2022 г., пока не произошло «увязки целей функционирования префрежимов со стратегическими целями развития Российской Федерации и текущим социально-экономическим положением субъектов Российской Федерации и макрорегионов» [4, с. 6]. Это не позволяет в полной мере оценить социально-экономические

[3] Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=442659&dst=100001#tgf5zlTxaS2y9f6V; Федеральный закон «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ (ред. от 13.06.2023) //https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=449647&dst=100001#1nD9zlTRXZM0dTqE.

эффекты применения режимов особых экономических зон, территорий опережающего социально-экономического развития и других выделенных территорий, получаемые в процессе достижения целей пространственного стратегирования экономики.

Заслуживающим внимания аспектом формирования институционально-правовых основ включения преференциальных территорий в процесс стратегирования экономического пространства является наличие целостной системы долгосрочного планирования, организованной в соответствии с вертикалью исполнительной власти в стране. Очевидно, что процесс законодательного оформления преференциальных зон как института пространственного развития не может быть ограничен документами, относящимися к компетенции федерального центра, поскольку вопросы их организации и функционирования относятся к вопросам совместного ведения федерального центра и субъектов федерации. Важно обеспечить согласование целеполагания преференциальных зон с пространственным срезом стратегического планирования не только на федеральном, но и на субфедеральном уровне. Кроме того, оценка места преференциальных зон в системе пространственного стратегирования будет неполной без анализа мезоуровня стратегического планирования, представленного макрорегионами и федеральными округами.

Таким образом, анализ фактов «присутствия» законодательно оформленных преференциальных зон в документах стратегического планирования пространственного развития и содержательного наполнения этих фактов видится как актуальная задача исследования в рамках поставленной темы. Исходя из целей, обозначенных в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., как базового документа системы пространственного стратегирования, а также в субфедеральных Стратегиях социального-экономического развития и Стратегиях макрорегионов, попытаемся определить, в какой мере ОЭЗ, ТОСЭР и другие преференциальные режимы, являясь инструментами стимулирования экономического развития территории своей локализации, становятся в то же время и инструментами пространственного стратегирования в рамках государственной политики регионального развития.

Место преференциальных зон в федеральной стратегии пространственного развития и в стратегиях макрорегионов

В рамках долгосрочного планирования формирование пространственной структуры российской экономики связывается с созданием многофункциональной модели, включающей многочисленные организационно оформленные территории со своими специфическими

условиями осуществления экономической деятельности, не дублирующие административно-территориальное деление Российской Федерации[4]. При этом принципы выделения некоторых регуляторных «новаций» оказываются не настолько конкретизированными, чтобы обосновать целесообразность их присутствия в пространственной структуре экономики на фоне иных специальных зон и территорий, уже действующих в российских регионах (данный вопрос был рассмотрен в более ранних работах автора, например, см.: [8]). Что касается преференциальных зон, то, к сожалению, в представленном в *Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.*[5] перечне институтов и инструментов пространственного регулирования места для них не нашлось, что ставит под вопрос их «включенность» в теорию и практику пространственного стратегирования.

Можно было бы предположить, что ОЭЗ, ТОСЭР, инвестиционные площадки непременно должны занять свое место в институциональном блоке пространственной стратегии, учитывая ту широкую практику их применения, которая имеется в государственной политике регионального развития. Преференциальные экономические зоны, включая размещение там объектов инфраструктуры, имеющей федеральное, региональное или местное значение, видятся как неотъемлемая часть организации экономического пространства страны. Однако приходится констатировать, что какие-либо сведения о таких территориях в понятийном аппарате базовой Стратегии пространственного развития отсутствуют. Отдельные упоминания о них «всплывают» при определении направлений пространственного развития ряда регио-

[4] Для решения задач регулирования экономического пространства, в соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г., предлагается использовать такие формы пространственной организации, как: макрорегионы (всего 12); перспективные экономические центры, сгруппированные на основе их вклада в национальную экономику, к числу которых отнесены крупные и крупнейшие городские агломерации, минерально-сырьевые и агропромышленные центры, наукограды; особые «геостратегические территории» как регионы со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности, имеющими особое значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности страны. В качестве ключевого направления совершенствования пространственной организации экономики рассматривается процесс формирования новых центров экономического роста субъектов Российской Федерации, базирующихся на перспективных производственных специализациях (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. http://static.government.ru/media/files/т UVAlqUtT 08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf).

[5] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р. http://static.government.ru/media/files/т UVAlqUtT 08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf.

нов Российской Федерации в рамках решения какой-либо иной узконаправленной проблемы.

Так, например, «сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности», а также «совершенствование существующих и создание новых институтов развития, в том числе особых режимов ведения предпринимательской деятельности», рассматривается как одно из направлений социально-экономического развития территорий, относящихся к группе приоритетных «геостратегических территорий», характеризующихся эксклавным положением, а также территорий, расположенных на Северном Кавказе[6]. Введение здесь преференциальных режимов во многом обусловлено геополитическими факторами и соображениями национальной безопасности страны. При этом какая-либо идентификация тех преференциальных режимов, о которых идет речь, не проводится.

Практически единственное обращение к конкретному типу преференциальных территорий, а именно к ТОСЭР, в Стратегии-2025 возникает при определении направлений пространственного развития приоритетных «геостратегических территорий» на Дальнем Востоке. Речь идет о «создании новых и развитии действующих территорий опережающего социально-экономического развития, совершенствовании механизмов государственной поддержки предпринимательской деятельности, установленных законодательством Российской Федерации о свободном порте Владивосток и особой экономической зоне в Магаданской области»[7]. Тем самым содержательная часть функциональных зон остается в рамках отдельных законодательных актов, а в базовом стратегическом документе пространственного развития федерального уровня носит характер «констатации факта».

Еще одна группа территорий, в связи с которой пространственная стратегия упоминает преференциальные режимы, – это субъекты федерации, имеющие соседское положение, схожие природно-климатические и социально-экономические условия для жизни и экономической деятельности, иными словами, входящие в один макрорегион. Здесь речь идет о «создании территорий (инвестиционных площадок) с особым режимом ведения предпринимательской деятельности» в связи с необходимостью усиления межрегионального сотрудничества и координации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в пределах макрорегионов как одного из основных направлениях пространственного развития Российской Федерации,

[6] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р. http://static.government.ru/media/files/т UVAlqUtT 08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf.

[7] Там же.

с учетом наличия объектов транспортной, энергетической, информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающих усиление экономической связанности субъектов Российской Федерации, входящих в макрорегион[8].

И наконец, среди механизмов реализации пространственной Стратегии-2025 появляются «региональные инвестиционные площадки» как территории с особым режимом ведения предпринимательской деятельности. Эти преференциальные территории предлагается создавать с опорой на так называемые «эффективные производственные специализации», рассматриваемые как совокупность тех видов экономической деятельности, которые обусловлены конкурентными преимуществами отдельного региона[9].

Важным представляется указание на наличие привязки преференциальных условий деятельности к отраслевой специализации региона в общероссийском производстве. Отметим, что результаты деятельности региональных инвестиционных площадок существенным образом зависят от решения методических вопросов определения отраслей экономической специализации конкретного региона. Нечеткость критериев для их выделения приводит к тому, что на территории субъектов федерации число перспективных отраслей исчисляется десятками, что нивелирует сам смысл формирования ограниченного круга инвестиционных приоритетов[10]. Кроме того, определенные «наверху» направления экономической специализации не всегда оказываются привлекательными для инвесторов на местах, а участие региональных органов власти в формировании инвестиционных площадок часто представляет собой следование рекомендациям федерального центра, как условие получения государственного финансирования инфраструктурных проектов (данный вопрос был рассмотрен в более ранних работах автора, например, см.: [9])

В целом приходится констатировать, что *документальное оформление преференциальных зон как института пространственного стратеги-*

---

[8] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р. http://static.government.ru/media/files/т UVAlqUtT 08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf.

[9] Там же.

[10] В соответствии с Приложением № 1 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. у Нижегородской области и республики Татарстан таких специализаций оказывается 27 (от производства лекарств до автотранспорта и нефтепродуктов), у Ставропольского края – 26, у Республики Башкортостан и Дагестан – 23, в Саратовской и Тюменской областях – 22 и т. д. (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. http://static.government.ru/media/files/т UVAlqUtT 08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf).

рования экономики в федеральной Стратегии пространственного развития не состоялось. Территории со специальными режимами не стали предметом самостоятельного рассмотрения, их идентификация, позволяющая определиться с целеполаганием, с механизмами и особенностями формирования, не проводится.

«Штучные» упоминания преференциальных зон в Стратегии-2025 связаны с целеполаганием развития тех субъектов федерации, которые либо относятся к категории «геостратегических», либо входят в один макрорегион. Следовательно, юридически закреплена возможность формирования преференциальных зон именно в рамках крупных форм пространственной организации, включающих несколько субъектов федерации. Не без оснований можно полагать, что эти функциональные зоны должны найти отражение в документах стратегического планирования на нижестоящих уровнях государственного управления, в том числе на *мезоуровне*, то есть на уровне макрорегионов и федеральных округов[11].

Необходимость этого звена стратегического планирования определена ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[12] и Положением о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов[13]. В них понятие «макрорегион» законодательно закреплено за частью территории страны, включающей в себя территории двух и более субъектов Российской Федерации. Соответственно, стратегия макрорегиона, являясь документом стратегического планирования, определяет цели, задачи и направления развития входящих в него административно-территориальных образований.

Не вызывает сомнений, что включение в систему долгосрочного планирования мезоуровня позволило бы сформировать целостную систему стратегирования пространственного развития. Но приходится констатировать, что до сих пор разработка документов стратегического планирования в рамках макрорегионов сопровождается множеством проблем. Если в федеральной Стратегии пространственного развития можно получить представление о составе 12 макрорегионов, то попытка идентификации самого понятия «макрорегион» в

[11] Действующие Стратегии социально-экономического развития федеральных округов не являлись предметом рассмотрения в данной статье.

[12] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/.

[13] Постановление Правительства от 8 августа 2015 г. № 822 «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов» (В редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 13.09.2019 г. № 1198). http://static.government.ru/media/files/kbeeL6X98R5rk7rkaJwaBp8Wi3U9zYWQ.pdf.

этом документе не будет успешной. Не выясненным остается вопрос о том, как макрорегионы, не имеющие своего места в вертикали исполнительной власти, полномочий в принятии управленческих решений, собственных финансовых инструментов и рычагов, смогут стать действенным участником стратегического планирования.

Следующий круг вопросов касается *«включенности» преференциальных зон в систему стратегического планирования мезоуровня*. Их присутствие в стратегиях макрорегионов представляется даже более обоснованным, чем включение в стратегические документы регионального уровня, поскольку границы применения преференциальных зон часто не совпадают с административными границами отдельных субъектов федерации и охватывают существенно большие территории. Целеполагание макрорегиона по обеспечению взаимодействия отдельных региональных экономик на общем экономическом пространстве вполне согласуется с логикой тех преференциальных зон, которые локализуются на территории более чем одного субъекта федерации.

Однако исходя из анализа имеющихся на сегодняшний день стратегий социально-экономического развития крупных территорий, объединяющих несколько субъектов федераций в пределах макрорегиона, можно утверждать:

– документы стратегического планирования макрорегиона построены по принципу суммирования программ стратегического развития входящих в его состав субъектов федерации. Поэтому описание перспективных направлений развития макрорегиона представляет собой простое суммирование контента стратегий социально-экономического развития всех административно-территориальных образований на его территории и не несет в себе отдельного нового качества;
– содержательная часть мезостратегии фактически базируется на приоритетах развития территориально-производственных комплексов субъектов федерации, локализованных на территории макрорегиона, то есть представляет собой скорее документ территориально-отраслевого, но не пространственного стратегирования;
– целеполагание субфедеральных разделов внутри мезостратегии, в свою очередь, опирается на развитие отраслей эффективной экономической специализации, агломерационные эффекты и зоны опережающего экономического роста. Законодательно оформленные преференциальные зоны, действующие на территории субъектов федерации, входящих в состав макрорегиона, в стратегиях мезоуровня присутствуют лишь как констатация факта. В отношении них воспроизводятся все те же самые методологические проблемы, что и в стратегии федерального

уровня, а именно отсутствие целеполагания, подходов к оценке их вклада в реализацию приоритетов развития субъекта федерации и макрорегиона в целом, системы оценок эффективности их использования.

Так, например, в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г на территории республики Якутия, входящей в данный макрорегион, выделяются четыре зоны опережающего экономического роста – Южная, Западная, Центральная Якутия и новая промышленная зона – Северо-Восточная Якутия. В Хабаровском крае также обозначены четыре зоны различной специализации, а именно Хабаровская и Комсомольская агломерации, Ургальская топливно-энергетическая зона, расположенная в зоне Байкало-Амурской магистрали, и прибрежная портово-промышленная зона.[14] При этом в число обозначенных в стратегии «зон опережающего экономического роста», которые, как правило, совпадают с официально действующими на территории субъектов федерации ТОСЭР, могут быть включены и зоны, юридически не оформленные в качестве таковых.

Таким образом, ключевая проблема «выпадения» преференциальных зон из процесса стратегического планирования на мезоуровне состоит в «выпадении» из этого процесса пространственной компоненты социально-экономического развития как таковой. *Приходится констатировать, что в настоящее время пространственный срез в системе стратегического планирования представлен только федеральной Стратегией. На субфедеральном уровне планирования отдельные региональные пространственные стратегии не разрабатываются,* и поэтому вопросы пространственного развития, в том числе и преференциальных режимов, законодательно включаются в субфедеральные Стратегии социально-экономического развития.

Преференциальные режимы в субфедеральных стратегиях социально-экономического развития

Анализ Стратегий социально-экономического развития субъектов федерации до 2030 г. либо до 2035 г. позволяет сделать вывод, что преференциальные зоны представлены в них чисто с формальных позиций, и их присутствие, как правило, обнаруживается в инструментальном блоке документа. При этом субфедеральные Стратегии методологически и содержательно различаются с точки зрения при-

[14] Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р. // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6632462/.

сутствия в них пространственной компоненты планирования и преференциальных территорий. Исходя из целей данного исследования автор предлагает разделить региональные стратегии на несколько групп в зависимости от того, какое место отводится зонам с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности в пространственном развитии соответствующего региона.

В ряде субъектов федерации пространственный блок представлен в виде самостоятельного раздела стратегии и приоритеты социально-экономического развития региона имеют четкую территориальную привязку. Однако преференциальные режимы, как действующие, так и перспективные, полностью выпадают из поля зрения и никак не коррелируют с пространственной компонентой стратегического сценария развития субъекта федерации. Так, например, в Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 г. упоминание о создании ТОСЭР, ОЭЗ, индустриальных (промышленных) парков, других территорий с особыми условиями ведения предпринимательской и инвестиционной деятельности встречается лишь единожды как задача по обеспечению делового климата и поддержке предпринимательства в рамках приоритетного направления «Содействие развитию»[15]. В этом случае функциональные зоны не представлены не только в содержательной части стратегии, но даже не обозначены как инструментальный аппарат реализации стратегических целей развития соответствующего субъекта федерации.

Похожие подходы к оформлению пространственного среза стратегического планирования использованы, например, в Стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 г. Обозначенная здесь концепция пространственного развития субъекта федерации нацелена на организацию «полицентричного пространства на принципах управления агломерационными процессами территорий»[16]. И в рамках этого целеполагания преференциальным зонам, к сожалению, места не находится. Реализация пространственного развития области включает комплекс стратегических задач, таких как формирование «полюсов роста», территорий оптимального

[15] Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года. Утверждена Постановлением Правительства Рязанской области от 25.12.2018 № 418 (в редакции от 16.08.2022 № 297). //https://www.economy.gov.ru/material/file/722206f2dd5c89c334dccf8345bc6792/strategia_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_ryazanskoy_oblasti.pdf.

[16] Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года. Утверждена постановлением Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 г. № 889. //https://strategy.government-nnov.ru/static/new_design/files/Proyekt_Strategii_Nizhegorodskoy_oblasti_2035.pdf.

использования ресурсов, зон трансграничного сотрудничества, но, как видно, преференциальных режимов в этом перечне нет.

Отметим, что скупые упоминания о ТОСЭР и ОЭЗ «всплывают» здесь мимоходом и лишь тогда, когда речь заходит о механизмах обеспечения инвестиционной инфраструктуры «полюсов роста» и о создании наилучших условий для предпринимательской деятельности на территории области. Тем самым лишний раз находит подтверждение, что *территории с преференциальными режимами как самостоятельный институт исключаются из концепции долгосрочного стратегического планирования на субфедеральном уровне.*

В качестве примера документов стратегического планирования субфедерального уровня, в которых преференциальные зоны все же получили некоторую долю внимания со стороны законодателей, можно рассмотреть доработанный в текущем году проект Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 г.[17] Преференциальные режимы, такие как ТОР, кластеры в виде индустриальных парков и промышленных технопарков, приоритетные инвестиционные проекты, специальные инвестиционные контракты и др., позиционируются здесь в качестве механизмов реализации приоритетных направлений социально-экономического развития региона.

Как известно, целеполагание преференциальных зон состоит в создании благоприятного инвестиционного климата за счет предоставления дополнительных мер поддержки бизнесу, прежде всего в налоговой сфере. Так, резиденты ТОР «Амурская», организованной на территории области в январе 2023 г. на основе объединения действующих ранее трех ТОР «Белогорск», «Приамурская», «Свободный»[18], получают налоговые льготы[19], льготные ставки арендной платы за пользо-

---

[17] Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 г. (проект). Благовещенск 2023 // https://www.economy.gov.ru/material/file/542fa6fe15b12335a0282aef418edf96/proekt_strategii.pdf.

[18] ТОР «Амурская» создана на территориях муниципальных образований Благовещенский муниципальный округ, Бурейский муниципальный округ, Ивановский муниципальный округ, Серышевский муниципальный округ, Сковородинский округ, Тамбовский муниципальный округ, городской округ Белогорск, город Благовещенск, город Свободный, Свободненский район, Селемджинский район Амурской области // Постановление Правительства Российской Федерации от 10.01.2023 г. № 3 «Об объединении территорий опережающего развития, созданных на территории Амурской области, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // http://static.government.ru/media/files/dMzEtTgVDkP17Lfmpalvg9AgagglnaSC.pdf.

[19] Налог на прибыль первые 5 лет – 0%; налог на имущество организаций первые 5 лет – 0 %; земельный налог первые 3 года – 0%; применение в течение 10 лет понижающего коэффициента к ставке налога на добычу полезных ископаемых (зна-

вание объектами недвижимого имущества, земельные участки без торгов, сопровождение инвестиционных проектов по принципу «одного окна», привлечение иностранной рабочей силы без учета квот, а также возмещение до 100% затрат на создание объектов инфраструктуры ТОР, субсидирование процентной ставки по кредитам на новые инвестиционные проекты.

Помимо ТОР на территории Амурской области созданы промышленный парк и региональный технопарк АГРО в сухом порту Благовещенск, наукоград (технополис) ЗАТО Циолковский на базе космодрома «Восточный», газохимический кластер г. Свободного и г. Сковородино.

Модель социально-экономического развития Амурской области, представленная в ее Стратегии до 2035 г., строится на отраслях перспективной экономической специализации, определенных для этого субъекта федерации в федеральной Стратегии-2025 г. При этом речь идет как о действующих, так и о новых отраслях, которые должны получить развитие в долгосрочной перспективе. Обратим внимание, что внутрирегиональная разбивка сфер экономики по конкретным территориям создает основание для ее увязки с действующими здесь преференциальными зонами, также ориентированными на территориальный принцип размещения инфраструктуры приоритетных отраслей.

Однако использованный в Стратегии подход к зонированию территории приводит к выделению совсем иных, чем преференциальные, так называемых зон «перспективного экономического развития»[20]. На территории Амурской области определены четыре таких зоны, а именно аграрно-индустриальная, научно-индустриальная, транспортно-индустриальная и минерально-сырьевая. Вопросы функционирования преференциальных зон в Стратегии области как таковые не рассматриваются, а территориальное развитие структурируется в рамках указанных «перспективных экономических зон».

В таком случае возникает теоретическая коллизия, которая еще более усложняет задачу вхождения зон с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности в систему пространственного стратегирования, поскольку требуется согласование действующих

чение коэффициента от 0 до 1); применение в течение 10 лет единого пониженного тарифа страховых взносов 7,6%; применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны // Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 г. (проект) // https://www.economy.gov.ru/material/file/542fa6fe15b12335a0282aef418edf96/proekt_strategii.pdf.

[20] Стратегия социально-экономического развития Амурской области на период до 2035 г. (проект). https://www.economy.gov.ru/material/file/542fa6fe15b12335a0282aef418edf96/proekt_strategii.pdf.

де-факто преференциальных зон с обозначенными «перспективными экономическим зонами», сформированными на основе отраслей экономической специализации. Последние, в каком-то смысле, могут даже дублировать преференциальные зоны, например, те же ТОСЭР.

Следующий вариант «включенности» преференциальных зон в субфедеральные документы стратегического планирования предлагает Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской республики на период до 2035 г., обновленная в 2022 г.[21] Она представляет интерес сразу по нескольким причинам. Во-первых, Карачаево-Черкессия, как и все остальные субъекты Северо-Кавказского федерального округа, относится к приоритетным «геостратегическим территориям». Именно в отношении этой группы субъектов федерации формирование преференциальных режимов ведения предпринимательской деятельности рассматривается федеральной Стратегией-2025 как одно из направлений их социально-экономического развития.

Кроме того, региональная Стратегия республики реализуется в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г., являющейся примером стратегического планирования на мезоуровне. И наконец, Стратегия Карачаево-Черкесской республики представляет довольно редкий вариант включения преференциальных зон в качестве самостоятельного элемента в программу социально-экономического развития субфедерального уровня.

Исходя из результатов проведенного анализа, можно утверждать, что это один из немногочисленных примеров, когда пространственный блок представлен в Стратегии субфедерального уровня не сжато и формально, а содержательно, включая целеполагание и связь с целями национального развития. Повышение эффективности использования пространственного фактора, формирование благоприятной для жизни пространственной среды, сбалансированное экономическое развитие определены как стратегические цели пространственного развития региона, также как и использование конкурентных преимуществ экономики приграничной территории и ее транзитного потенциала[22].

В социально-экономической Стратегии республики задействован подход, который создает институционально-правовые основания для

[21] Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской республики на период до 2035 г. Черкесск 2022 // https://www.economy.gov.ru/material/file/d74f76930eaeebffb8d1b09f9d967d48/proekt_strategii.pdf.

[22] Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской республики на период до 2035 г. Черкесск 2022 // https://www.economy.gov.ru/material/file/d74f76930eaeebffb8d1b09f9d967d48/proekt_strategii.pdf.

согласования целеполагания пространственного развития региона и стратегических приоритетов развития самих преференциальных зон. Формирование индустриальных парков и ТОСЭР рассматривается как элемент совершенствования институционального обеспечения пространственного развития субъекта федерации. В соответствии с федеральными и региональными интересами преференциальным режимам отводится особая роль в реализации межмуниципальных проектов в рамках агломераций на территориях субъекта федерации, нацеленных на сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации[23].

Туристско-рекреационная зона (ОЭЗ) «Архыз»[24], действующая на части территории Карачаево-Черкессии, в региональной Стратегии позиционируется как отдельный инструмент инфраструктурного обеспечения реализации целей социально-экономического развития. Ее развитие определяется как приоритетный для субъекта федерации проект, а сам факт использования этой и иных перспективных ОЭЗ определяется как один из рекомендуемых способов развития экономики региона.

Итак, анализ социально-экономических Стратегий субфедерального уровня позволяет сделать вывод, что присутствие в них в качестве элемента планирования ОЭЗ или ТОСЭР является случаем исключительным. Даже в недавно обновленной до 2040 г. Стратегии социально-экономического развития Калужской области, которая является одним из лидеров по внедрению новых форматов управления региональным развитием, в том числе индустриальных парков, кластеров и иных особых режимов, и на территории которой действуют одна ОЭЗ «Калуга» и две ТОСЭР – «Сосенский» и «Кондрово», места преференциальным зонам не находится[25]. «Выпадение» преференциальных зон как из ана-

[23] Стратегия социально-экономического развития Карачаево-Черкесской республики на период до 2035г. Черкесск 2022 // https://www.economy.gov.ru/material/file/d74f76930eaeebffb8d1b09f9d967d48/proekt_strategii.pdf.

[24] В соответствии с постановлениями Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 833 «О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе» и от 29 декабря 2011 г. № 1195 «Об особых экономических зонах в Северо-Кавказском федеральном округе» в Карачаево-Черкесской Республике действует особая экономическая зона туристско-рекреационного типа на территории Зеленчукского и Урупского муниципальных районов Карачаево-Черкесской Республики «Архыз». По состоянию на начало 2020 г. 32 компании малого и среднего бизнеса выступают инвесторами в коммерческую, гостиничную и развлекательную инфраструктуру курорта.

[25] Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2040 года. Калуга. 2022. Проект// https://www.economy.gov.ru/material/file/ce323fe0638b8a73add11ce150f24f9b/proekt_strategii.pdf.

литической, так и из постановочной части региональных Стратегий свидетельствует о наличии серьезных методологических проблем, об отсутствии согласованности в целеполагании развития региона и развития преференциальных территорий.

Заключение

В ходе исследования вопросов «включенности» преференциальных зон в систему пространственного стратегирования можно заключить, что в документах субфедерального, также как и федерального, и мезоуровня стратегического планирования, они не рассматриваются как институт пространственного развития экономики. Описание преференциальных режимов в представленных Стратегиях не имеет содержательного наполнения, которое раскрывало бы соответствие приоритетов их развития целям стратегического планирования, включало бы оценку их вклада в развитие территорий своей локализации и показатели эффективности использования.

Те рамки, которыми ограничивается присутствие преференциальных территорий в основных документах стратегического планирования, в лучшем случае позволяют представить их как институт инвестиционного стимулирования. Как правило, преференциальные зоны, прежде всего ТОР и кластеры, в пространственном блоке стратегического планирования позиционируются в качестве инструментов реализации основных направлений экономического развития территории своей локализации, наряду с другими механизмами, такими как агломерационные связи, государственно-частное партнерство, концессия и др.

Методологические проблемы стратегического планирования на мезоуровне, к сожалению, никак не исправляют ситуацию. Стратегии социально-экономического развития макрорегионов, являясь связующим звеном в системе стратегического планирования между федеральным и субфедеральным уровнями, могли бы обеспечить институциональную связанность пространственного стратегирования по вертикали исполнительной власти. Однако поскольку «в настоящее время практика разработки и реализации стратегий макрорегионов (а не федеральных округов) находится на нулевом уровне» [12, с. 66], они не могут рассматриваться как базовый документ для входящих в его состав субъектов федерации и представляют, скорее, результат суммирования региональных стратегий.

Подчеркнем, что «невключенность» преференциальных зон в субфедеральные стратегии социально-экономического развития не нарушает логику этих документов стратегического планирования, поскольку даже в тех немногих случаях, когда пространственное изме-

рение представлено в них в качестве самостоятельного раздела, оно рассматривается главным образом в контексте отраслевой структуры экономики. В итоге у преференциальных зон, которые определяются как выделенные участки территорий с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности, то есть строятся по территориальному признаку, просто не возникает оснований для того, чтобы быть вписанными в документы стратегического планирования, в которых превалируют отрасли экономической специализации, точки роста и т. д., то есть доминирует отраслевой подход.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что отсутствие преференциальных зон в институционально-инструментальном блоке пространственного стратегирования связано с неопределенностью и рассогласованностью представлений о механизмах взаимодействия территориального и пространственного планирования. Как отмечает Е.М. Бухвальд, «отсутствие четкого разграничения и порядка взаимодействия стратегического и территориального планирования в субфедеральном звене управления остается существенным препятствием к эффективному стратегированию устойчивого социально-экономического развития территорий на долговременной основе» [12, с. 60].

Еще одна проблема, затрудняющая включение преференциальных зон в инфраструктуру управления экономического пространства, фактически оставляя их в рамках территориального планирования, связана с отсутствием пространственного стратегирования на региональном уровне. Опираясь на результаты исследования региональных Стратегий социально-экономического развития, констатируем, что включенные в них разделы, касающиеся вопросов развития территории, не могут компенсировать отсутствие у субъектов федерации самостоятельных региональных Стратегий пространственного развития. В связи с этим обоснованным видится решение о необходимости разработки таких стратегий субъектами Российской Федерации.

Перспективы преференциальных территорий будут зависеть от обеспечения методологического и организационного единства внутри системы стратегического планирования как на федеральном уровне, так и на нижестоящих уровнях. Согласование приоритетов и принципов формирования преференциальных зон с целями и задачами пространственного стратегирования видится как направление, позволяющее превратить их в фактор успеха государственной политики регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев В.А.* Применение преференциальных режимов на Дальнем Востоке России: оправдываются ли ожидания? // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2021. № 6. С. 41–50.
2. *Белев С.Г., Ветеринаров В.В., Сучкова О.В.* Территории опережающего развития и производительность в российских городах // Экономический журнал ВШЭ. 2021. № 1. С. 9–41.
3. *Белоусов А.Л.* Преференциальные режимы осуществления предпринимательской деятельности: проблемы регулирования и направления совершенствования законодательства // Хозяйство и право. 2022. № 10 (549). С. 30–41.
4. Бюллетень Счетной палаты РФ. Преференциальные режимы. № 2 (291) 2022 (24 февраля 2022) //https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-2-291-2022-g (дата обращения: 04.06.2023).
5. *Васильева Е.Ю., Соколов А.В.* Эффективность преференциальных режимов в современных российских условиях // Управленческий учет. 2023. № 2. С. 358–356.
6. *Виленский А.В*. Преференциальные экономические зоны в российской экономике // Вестник РАЕН. 2022. № 4. С. 110–112.
7. *Данилова С.Н., Петров А.М., Тэйслина О.Г.* Особые экономические зоны в РФ: тенденции развития и организационно-правовые основы функционирования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. No 2 (76). С. 57–63.
8. *Домнина И.Н*. Инструментарий пространственного стратегирования экономики: правовая база и практика применения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 6А. С. 133–145.
9. *Домнина И.Н.* Пространственные формы реализации стратегических целей политики регионального развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 8А. С. 61–74.
10. *Евстафьева А.Х*. Территории с преференциальными условиями ведения предпринимательской деятельности как фактор роста экономики региона (на примере республики Татарстан) // Инновационное развитие экономики. 2018. № 4. С. 163–173.
11. *Прачева Е. В.* Сравнение инструментов региональной политики: территории опережающего социально-экономического развития, особые экономические зоны, зоны территориального развития // Корпоративная экономика. 2018. № 3. С. 4–11.
12. Пространственное развитие российской экономики: закономерности и государственное управление. Научный доклад. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2020. С. 68–99.
13. *Смородинская Н*. Организация особых экономических зон в мировой и российской практике: концептуальные аспекты. https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-osobyh-ekonomicheskih-zon-v-mirovoy-i-rossiyskoy-praktike-kontseptualnye-aspekty.

REFERENCES
1. *Andreev V.A.* Application of preferential regimes in the Russian Far East: are expectations justified? // ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice. 2021. No. 6. P. 41–50.
2. *Belev S.G., Veterinarov V.V., Suchkova O.V.* Territories of advanced development and productivity in Russian cities // Higher School of Economics Economic Journal. 2021. № 1. Pp. 9–41.
3. *Belousov A.L.* Preferential regimes for the implementation of entrepreneurial activity: problems of regulation and directions for improving legislation // Economy and law. 2022. No. 10 (549). Pp. 30–41.
4. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. preferential treatment. No. 2 (291) 2022. //https://ach.gov.ru/statements/byulleten-schetnoy-palaty-2-291-2022-g.
5. *Vasilyeva E.Yu., Sokolov A.V*. The effectiveness of preferential regimes in modern Russian conditions. Management Accounting. 2023. No. 2. Pp. 358–356.
6. *Vilensky A.V*. Preferential economic zones in the Russian economy. Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. 2022. No. 4. Pp. 110–112.
7. *Danilova S.N., Petrov A.M., Teislina O.G.* Special economic zones in the Russian Federation: development trends and organizational and legal foundations of functioning // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2019. No 2 (76). Pp. 57–63.
8. *Domnina I.N.* Tools for spatial strategy of the economy: legal framework and practice of application // Economy: yesterday, today, tomorrow. 2022. No. 12 (6A). Pp. 133–145.
9. *Domnina I.N.* Spatial forms of implementation of strategic goals of regional development policy // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow 2021. No. 11 (8A). Pp. 61–74.
10. *Evstafieva A. Kh.* Territories with preferential conditions for doing business as a factor in the growth of the regional economy (on the example of the Republic of Tatarstan) // Innovative development of the economy. 2018. No. 4. Pp. 163–173.
11. *Pracheva E.V.* Comparison of instruments of regional policy: territories of priority socio-economic development, special economic zones, zones of territorial development // Corporate Economics. 2018. No. 3. Pp. 4–11.
12. Spatial development of the Russian economy: patterns and public administration. Scientific report. M.: Institute of Economics RAS. 2020. Pp. 68–99.
13. *Smorodinskaya N*. Organization of special economic zones in world and Russian practice: conceptual aspects. https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-osobyh-ekonomicheskih-zon-v-mirovoy- i-rossiyskoy-praktike-kontseptualnye-aspekty.

Дата поступления рукописи: *04.07.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Домнина Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6377-2265
indfin.61@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR
Irina N. Domnina – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Federal Relations and Regional Development of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6377-2265
indfin.61@mail.ru

"INCLUSION" OF PREFERENTIAL ZONES IN THE SYSTEM OF SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY: PROBLEMS AND LIMITATIONS

The article deals with the unresolved problems of forming a balanced system of strategic planning, which make the institute of preferential zones "fall out" from the process of spatial strategizing of the economy. The author analyzes the content and boundaries of the presence of preferential zones in the federal strategy for spatial development, as well as in the strategies of meso- and sub-federal planning levels, and determines approaches to forming the institutional and legal framework for the inclusion of preferential zones in the infrastructure of economic space management.

Keywords: *preferential zones, spatial development, subfederal strategies, macroregions, strategic planning.*
JEL: R10.

С.В. КОЗЛОВА
доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
зав. сектором ФГБУН Институт экономики РАН

О.М. ГРИБАНОВА
научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ[1]

В статье приведены результаты исследования существующей в настоящее время институциональной среды управления государственным имуществом, рассматриваемой как совокупность основных институтов управления государственным имуществом, сформировавшихся в процессе их становления и трансформации за последние три десятилетия в России в ходе рыночных реформ. Анализ проведен на базе таких категорий, как институты, институциональная среда, институциональный механизм, что дает нам более релевантную картину происходящих процессов в области управления государственным имуществом и возможность определить направления его дальнейшего совершенствования.

Сделан вывод о том, что даже в условиях экстраординарных геополитических вызовов XXI столетия и антироссийских санкций, использование имеющихся на сегодняшний день основополагающих институтов управления государственным имуществом в качестве базы для формирования новых и совершенствования уже существующих механизмов государственного управления с использованием государственного имущества вполне достаточно для решения текущих и долгосрочных социально-экономических задач, стоящих перед Россией, а также для достижения стратегических целей нашего государства в меняющемся мировом пространстве.

Ключевые слова: *государственное управление, государственное имущество, институты государственного управления, институциональная среда, институциональный механизм.*

УДК: 338.24

EDN: GUOKSV

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_45_64

[1] Статья написана в рамках выполнения темы государственного задания «Институциональные аспекты развития модели государственного управления в контексте реализации стратегических задач российской экономики» ФГБУН Институт экономики РАН на 2023 г.

Условия, в которых в настоящее время функционирует российская экономика, характеризуются множеством совершенно новых внешних вызовов и обусловленных ими внутренних факторов, одновременно оказывающих мощное влияние на всю российскую социально-экономическую систему, на ее устойчивость и динамику развития. Эта ситуация накладывает новые дополнительные требования к институтам государственного управления всей системой, в том числе и к институтам управления государственным имуществом.

Рассматривая процесс формирования и становления институтов управления государственным имуществом на протяжении достаточно длительного периода времени, а также их функционирования в «новой нормальности», можно констатировать, что базисные институты государственного управления государственным имуществом уже сформированы, могут функционировать в современных реалиях, и не требуется их кардинальной замены на новые. В то же время многочисленные факты их неэффективности свидетельствуют о необходимости совершенствования всего институционального поля, в том числе и путем внесения определенных изменений и дополнений в отдельные институты, в связи с новыми реалиями и в соответствии с обновляемыми хозяйственными механизмами.

При этом следует учитывать, что задачи современного этапа функционирования российской экономики существенно отличаются от ранее стоящих перед ней задач, что обусловлено новыми проблемами и целями развития России в сложившейся геополитической и экономической ситуации. В связи с этим для достижения заданных целей и получения ожидаемого результата нужны адекватные целям механизмы и институты управления, обеспечивающие непротиворечивое и эффективное их воздействие на объект управления. Более того, институт государственного управления государственным имуществом, использование которого обеспечивает государству возможности: а) выполнять свои функции и б) участвовать в экономической деятельности путем создания государственных корпораций, – имеет свои особенности и отличия от институтов управления деятельностью прочих объектов и субъектов экономики.

В данной статье институциональная среда управления государственным (муниципальным) имуществом рассматривается в контексте современных геополитических и социально-экономических трансформаций начала XX1 века без разбивки объекта управления на составляющие его категории. При анализе специфики и особенностей управления государственным имуществом, а также для градации необходимой степени трансформации институтов использованы такие понятия, как «институциональная среда» и «институциональный механизм».

Понятийный базис исследования

Быстрые изменения внутренних факторов, обусловленных антироссийскими санкциями, таких как структурная перестройка экономики, импортозамещение, поиск новых логистических цепочек, контрагентов, сегментов предпринимательства, развитие ОПК, требуют неотложной реакции государства в области государственного управления. При этом механизмы, используемые государством для разрешения этих новых проблем, сами являются чрезвычайно подвижными, трансформирующимися, в результате чего принятые решения могут быть разнонаправленными, а их результаты – отличными от ожидаемых.

Современные вызовы, дестабилизирующие функционирование социально-экономической системы, влекут за собой необходимость трансформации существующих инструментов государственного управления (в зависимости от заданных целей и от трансформации критериев эффективности), апробирования новых или модернизированных институтов (при постоянном мониторинге их эффективности), а также нейтрализации отрицательных эффектов от их введения.

Как уже было указано выше, современные реалии требуют существенных изменений в направлениях проводимой экономической политики на всех уровнях государственного управления, а также и в институтах управления государственным имуществом. Однако *до сих пор остается нерешенным целый ряд актуальных вопросов: Каковы же должны быть векторы этих изменений? Надо ли вводить новые законы и нормативные акты, либо целесообразно использовать существующую на сегодня институциональную среду, которая и так уже достаточно трансформировалась в предыдущие периоды? Какие критерии функционирования имеющегося набора институтов необходимо использовать для достижения стратегических целей и решения текущих задач?* На решение этих вопросов и было нацелено наше исследование в данной области.

При введении новых или модернизации существующих инструментов крайне важно учитывать соотношение таких категорий как «институциональная среда», «институт», «институциональный механизм». В период турбулентности, каким сейчас и является наше время, важно вернуться к теоретическим основам формирования институциональной среды, чтобы не ошибиться с направлением и степенью ее трансформации.

Д. Норт, развивая свою концепцию институтов, отмечал и подчеркивал важную роль не только формальных институтов, но и неформальных правил и норм: «Институциональные изменения могут стать результатом изменений в формальных правилах, неформальных нормах или же их выполнения» [1]. Он утверждал, *что экономические изме-*

нения зависят от способности общества создавать производительные, стабильные, честные, общепризнанные и в то же время гибкие институты, способные меняться в ответ на изменение политической и экономической обстановки. Не отказываясь от своего более раннего определения институтов как формальных и неформальных правил, ограничивающих экономическое поведение, он рассматривает и более глубокие условия развития этих правил и изменения экономик [1].

Формальные институты государственного управления имеют многоуровневую структуру: федеральные законы, постановления правительства, ведомственные нормативные акты, региональные нормативные акты, которые в турбулентной среде постоянно меняются, причем с гораздо большей скоростью, чем в стабильной. При этом неформальные – не столь подвижны, более устойчивы и, следовательно, консервативны.

В современных реалиях очень важно различать содержание таких базовых категорий, как «институциональная среда» и «институциональный механизм». При этом в рамках нашего исследования мы не будем включаться в теоретические споры относительно существующих на сегодняшний день различных определений институционального механизма и его соотношения с хозяйственным механизмом. Отметим лишь те аспекты, которые помогают в рамках нашего исследования выделять направления развития институциональной среды изучаемого объекта управления. Например, А.Ю. Веретенников и Ж.К. Омонов предлагают авторскую трактовку институционального механизма как «последовательность действий экономических агентов, обеспечивающих их эффективное взаимодействие посредством выполнения формальных и неформальных норм с целью достижения экономического результата» [2, с. 161]. Предлагая обзор подходов к данной категории как «мэтров экономической мысли», так или иначе упоминавших данный термин, так и отечественных ученых, обращающихся к данному термину в последние годы, Веретенников и Омонов указывают на то, что Д. Норт отмечал «особую роль институционального механизма…и считал, что именно множество институтов задают поведение индивидов, регулируя взаимоотношения обмена, и соответственно, они определяют механизм функционирования политико-экономической системы» [2, с. 159].

Для нашего исследования процесса трансформации институтов управления важно то, что *если институциональная среда – это совокупность базовых институтов, то институциональный механизм отражает взаимодействия институтов с целью достижения определенного результата.* Кроме того, вариантов и форм взаимодействия институтов (т. е. механизмов) потенциально намного больше, чем самих институтов, и они в большей степени поддаются трансформации.

Теоретические положения институционального подхода дают нам основания предположить, что за тридцать с небольшим лет российских реформ институциональная среда управления госимуществом сформировалась, если ее рассматривать как совокупность основных институтов. Повторное изменение курса реформирования (с самого начала российских реформ – жесткий переход к рыночным регуляторам, а в настоящее время – определенное усиление административных инструментов управления) может повлечь за собой, с одной стороны, высокий риск «пробуксовывания» регуляторной работы инструментов государственного управления в силу более консервативных и медленных процессов перестройки неформальных институтов, а, с другой – возрастание эффективности существующих в течение достаточно длительного периода времени институтов при появлении новых, дополнительных мотиваций и *новых институциональных механизмов.*

При этом институциональная среда (как совокупность основных институтов) кардинальным образом не меняется. *Более того, она и не может быстро меняться, даже если существующие институты не столь эффективны, как хотелось бы.* «Препятствием к тому, чтобы в числе реально действующих институтов были представлены только те, которые обеспечивают наиболее эффективные условия хозяйствования, служат различные факторы, центральными среди которых являются *высокие трансакционные издержки осуществления институциональных изменений:* «в мире нулевых трансакционных издержек одержит верх эффективное решение, способное продуцировать наибольший совокупный доход. Но поскольку трансакционные издержки не являются нулевыми, можно ожидать формирования различных моделей экономического поведения, отражающих различия в том, насколько успешно конкретная институциональная система снижает трансакционные (и трансформационные) издержки…»[2].

Ученые, используя положения *Д.* Норта при исследовании современных проблем в конкретных экономических областях, приходят к выводам о дуализме стабильности и изменчивости, присущем неформальным и формальным институтам, которые важны и в рамках наших исследований. «Неформальные институты в экономической теории связывают с медленно эволюционирующими и плохо поддающимися изменению феноменами, например, с культурой, этикой, в том числе с хозяйственной, и с религией. …*Дуализм стабильности и изменчивости*, присущий неформальным и формальным институтам, не может быть разрешен с помощью простых и универсальных решений или моделей. *Для* повышения качества институциональной

[2] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997 . С. 120. Цит. по: [3, с. 55].

структуры … важно иметь релевантную картину о состоянии как формальных, так и неформальных институтов» [4, с. 81].

Мы рискнули применить данное утверждение о дуализме стабильности и изменчивости к категориям «институциональная среда» и «институциональный механизм», предполагая, что последний, в силу определения и сущностных характеристик, более изменчив по сравнению с базовыми институтами. Поэтому в условиях турбулентности и времени быстрых решений, каковой, безусловно, является современная реальность, в первую очередь трансформируются институциональные механизмы, как ответы на современные вызовы, но в рамках сформированной институциональной среды.

В нашем исследовании институциональной среды управления государственным имуществом в качестве базовых мы выделили следующие институты государственного управления: институт приватизации/ деприватизации, институт государственных программ, институт оценки эффективности управления государственным имуществом. Именно они, на наш взгляд, в результате тридцатилетнего периода трансформации создали каркас для возможных институциональных механизмов управления государственным имуществом с целью решения современных задач.

Современная институциональная среда управления государственным имуществом

Структура государственного имущества, законодательно закрепленная Гражданским кодексом РФ, такова: имущество, принадлежащее на праве оперативного управления или хозяйственного ведения государственным предприятиям и организациям, – так называемое распределенное имущество (например, ГУП); имущество, составляющее казну (нераспределенное имущество); в составе имущественной казны выделяются акции и доли компаний с государственным участием (КГУ), владея которыми государство участвует как собственник в корпоративном управлении КГУ, являясь актором хозяйственной деятельности.

В своей работе мы рассматривали в основном инструменты управления федеральным имуществом, но так как методологические и концептуальные подходы к управлению федеральным имуществом и имуществом субъектов РФ одинаковые, мы их объединили, используя термин «государственное имущество». Более того, в целях данного исследования, говоря о государственном имуществе, мы не разделяем его строго, согласно Гражданскому кодексу РФ, на государственное и муниципальное, подразумевая, что все проблемы, которые мы здесь освещаем, практически в равной степени относятся к обеим его раз-

новидностям. При этом мы отдаем себе отчет в том, что управление муниципальным имуществом со стороны муниципальных органов власти может иметь свои особенности. Не ставя перед собой задачу категориального анализа институциональной среды, в рамках нашего анализа мы рассматривали ее как совокупность официальных норм и правил, относящихся к объекту управления, что помогло разработать конкретные предложения по ее развитию.

Проведенные нами более ранние исследования позволили выделить основные институты и тем самым определить институциональную среду управления государственным имуществом. Критическое осмысление полученных результатов позволило в первую очередь выявить ограничения в функционировании этих институтов, чему и посвящены были основные выводы. В то же время анализ показал и определенные достижения: *институт приватизации* позволил решать задачи перестройки и становления рыночных начал в российской экономике, развивать предпринимательскую деятельность в России (в рамках действующей на тот период модели мирового внешнеэкономического разделения труда и прочих условий развития мирового рынка); *государственная программа* смогла вывести в хозяйственную деятельность «простаивающие» элементы имущественной казны, унитарные предприятия перевести в акционерные общества, а также выявила недостатки в учете государственного имущества и стала своего рода базой для становления института управления различными категориями имущества через *оценку их эффективности*. Развивается институт корпоративного управления компаниями с государственным участием, происходит совершенствование института имущественной казны.

В результате нам удалось представить современную институциональную среду управления госимуществом, включающую основные законодательные и нормативные акты в данной области управления (которые, безусловно, не исключают наличие и прочих норм и правил, но именно эти структурные элементы институциональной среды определяют основные «правила игры» на данном поле государственного управления). Представим их здесь, поскольку это важно для поиска ответов на поставленные научно-практические вопросы о трансформации институтов в современных условиях (т. е. для определения векторов дальнейшего совершенствования государственного управления).

1) Институт приватизации/ деприватизации

Актуальность и востребованность данного института в современных условиях подтверждают недавние высказывания ключевых «игроков» российской экономики. Так, по словам главы ВТБ А. Костина, «приватизация в последние годы (с 2014-го) не фигурировала в качестве серьезного источника финансирования госпрограмм…При этом… деньги в стране есть, бизнес накопил инвестиционный потенциал. Его

и нужно привлечь для перезапуска целых отраслей промышленности, укрепления обороноспособности страны, строительства новых логистических коридоров и транспортной инфраструктуры, прежде всего железнодорожной и портовой, на Восток и Юг»[3].

Существуют разные мнения о возможности эффективной приватизации в сегодняшних условиях, после создания доминирующих госкомпаний, по крайней мере без их поражения в правах. Однако глава Центробанка Э. Набиуллина в своем выступлении на XXVI ПМЭФ-2023 особо отметила, что необходимо продолжать процесс приватизации государственных материальных активов: «У нас есть, что приватизировать без ущерба стратегическим интересам»[4].

Действительно, в государственной казне имеются материальные активы (государственное имущество различных категорий), которые потенциально возможно рассматривать в контексте приватизационных процессов. Согласно Отчету Росимущества «О выполнении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества на 2022–2024 гг.» (Раздел 2. Приватизация имущества государственной казны, по состоянию на 31.12.2022 г.), в раздел II Программы приватизации федерального имущества было включено 28 757 объектов имущества государственной казны Российской Федерации. В 2022 г. было продано 223 объекта имущества государственной казны (приложение № 3 к Отчету)[5]. Общее количество проведенных торгов в 2022 г. составило 740, несостоявшихся торгов – 517.

По оперативным данным Федерального казначейства, сумма перечислений в федеральный бюджет в 2022 г. от продажи имущества государственной казны составила 0, 94 млрд руб., хотя по данной статье в соответствии с приказом Росимущества от 17.12.2021 № 258 «О мерах по выполнению Федеральным агентством по управлению государственным имуществом Федерального закона от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов»» в 2022 г. в части поступления доходов федерального бюджета и источников финансирования дефицита федерального бюджета поступления за 2022 г. по данной статье планировались в размере 168 175,7 тыс. руб. Таким образом, процент выполнения планового задания по итогам отчетного года составил 560%.

Сегодняшняя ситуация указывает также на формирование спроса на вторую составляющую данного института – на деприватизацию. Например, как сообщал ЯРИНФОРМ, 3 августа 2023 года Генеральная про-

[3] Банкиры призывают к «новой» приватизации / «НГ». 11.04.2023. https:www.ng.ru/economics/2023-04-11/1_8703_bankers.html?print=Y (дата обращения: 19.06.2023).

[4] ura.news/news/1052658145 (дата обращения: 15.06.2023).

[5] Rosim.gov.ru/activities/sales/info/privat_reports.

куратура России обратилась в арбитражный суд с иском об изъятии в пользу государства у компаний АО «Иснов» и ООО «Сибмир» акций Ростовского оптико-механического завода. Также по иску Генеральной прокуратуры Ленинский районный суд Ярославля чуть ранее, 14 июля, изъял в пользу государства 82% акций ПАО «ТГК-2» у структур, подконтрольных бывшему сенатору Леониду Лебедеву. Кроме того, поступает информация и о других исках, которые главное надзорное ведомство страны подает в различные суды. Что происходит в России: сведение счетов, устранение неугодных, своеобразный рейдерский захват или полноценный пересмотр итогов приватизации, направленный на защиту государственных интересов[6]? Пока – это частные случаи. Специалисты считают, что необходим не столько пересмотр итогов приватизации государственного имущества, сколько более эффективное управление им со стороны государства. «Люди, которые приватизировали предприятия, должны продемонстрировать, что их работа эффективна в интересах общества, а если нет, может быть, и назад должны отдать»[7].

На сегодняшний день, по мнению многих специалистов-управленцев (с мнением которых согласны и авторы), именно институт приватизации все еще остается важнейшим компонентом государственной политики Российской Федерации в области имущественных отношений. Как следствие, необходим тщательный анализ ошибок и просчетов в данной области, допущенных в предыдущие периоды, что поможет избежать их в настоящем и будущем. Выделим коротко основные «узкие места», которые необходимо учесть[8].

Принципы государственной политики Российской Федерации в области имущественных отношений были заложены в Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 сентября 1999 г. № 1024, и в Федеральном законе от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». Приоритетными целями управления государственным имуществом были заявлены: повышение доходов бюджета на основе более эффективного управления; оптимизация структуры собственности для обеспечения предпосылок экономического роста; использование государственных активов для привлечения инвестиций в реальный сектор экономики. Однако результаты по достижению заявленных целей на разных этапах были

---

6 Забыть Чубайса: как в России пересматривают итоги приватизации – ЯРИНФОРМ https://yarinform.ru/2023/08/07/zabyt-chubajsa-kak-v-rossii-peresmatrivayut-itogi-privatizaczii/?ysclid=lmadxlan2v53832988 (дата обращения: 07.08.2023).

7 Там же.

8 Более подробно данные процессы рассмотрены в [5].

различными, о чем свидетельствуют и материалы проверок, проводимых Счетной палатой РФ, и выводы научных исследований в данной области. Результаты так называемой первичной приватизации 1990-х годов нельзя назвать однозначно успешными для развития российской экономики. По мнению руководителя Счетной палаты РФ, выраженному в аналитической записке 2004 г., «…российская приватизация существенно отличалась от классических форм «перевернутой логикой» своих этапов и мероприятий. Зарубежная практика свидетельствует, что массовой распродаже государственной собственности должны предшествовать этапы, связанные с реструктуризацией предприятий и отраслей, повышением прозрачности их финансово-хозяйственной деятельности и т. п. В России же сначала произошел массовый переход государственных активов в частные руки, а затем – реструктуризация. Это существенно замедлило процесс формирования эффективных собственников и ограничило возможности привлечения инвестиций… Начиная с 1994 г. «истинной» целью приватизации стало получение доходов в бюджет. Однако эта задача в целом решалась недостаточно эффективно, поскольку недооценка, а порой и намеренное занижение стоимости продаваемых активов, в сочетании с незначительным превышением итоговой цены над стартовой ценой, приводили к недополучению средств от приватизации в бюджеты всех уровней…» [6, с. 173].

Концептуальные ошибки приватизационной политики накладывались на ошибки и недоработки учета и контроля, которые также очень важны при управлении государственными активами.

Например, Счетная палата РФ делает вывод, что «из-за названных ошибок невозможно использование аналитических показателей (включая стоимостные, рассчитанных на основе данных Реестра федерального имущества) для принятия адекватных управленческих решений. Недостоверны даже простейшие, например, средние показатели» [7, с. 16]. Эти ошибки в итоге приводят к снижению эффективности управления федеральным имуществом. На это указывают проверяющие органы: «…в целом деятельность государственных органов власти по управлению государственной собственностью не может быть признана эффективной, как в силу имевших место нарушений нормативно-правовых требований, так и из-за невыполнения принципа эффективности управления, который заключается в достижении цели управления (определенного результата деятельности или состояния объекта управления) при максимальной экономии ресурсов… До настоящего времени не сформированы показатели, характеризующие эффективность деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере управления имуществом; не предусмотрена ответственность руководителей ФОИВ за полный и достоверный учет

федерального имущества. Это создает предпосылки для неэффективного использования государственной собственности, а также для возникновения высоких коррупционных рисков…» [7].

Разочарования в результатах приватизации были настолько велики, а провалы настолько явны, что в середине 2000-х годов начинается переход к программно-целевому управлению госимуществом – в 2013 г. принята первая версия государственной программы об «Управление федеральным имуществом». Чуть позже, 21 марта 2015 г., Правительством РФ принято Распоряжение № 481-р «О мероприятиях в целях повышения эффективности управления государственной собственностью» (Утратило силу в 2020 г. на основании Распоряжения Правительства Российской Федерации)[9], которым были утверждены новые индикаторы, характеризующие эффективность деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере управления федеральным имуществом.

Именно тогда начинают формироваться два важнейших института институциональной среды управления госимуществом – институт государственных программ и институт оценки эффективности управления государственным имуществом.

2) Институт государственных программ

Государственная программа – это документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Что касается управления государственным имуществом, то начиная с 2013 г., года ее принятия, базовой единицей в институциональной среде управления государственным имуществом и основным государственным инструментом являлась Государственная программа «Управление федеральным имуществом» (далее – ГП)[10]. Если данный документ рассматривать как самостоятельную программу, то за семь с лишним лет ее функционирования (2013–2020 гг.) было внесено множество дополнений и изменений в ее цели, задачи и показатели [8].

Первоначальные цели принятой в 2013 г. Государственной программы были определены в контексте Концепции управления госу-

[9] Утратило силу в 2020 г. на основании Распоряжения Правительства Российской Федерации от 12 октября 2020 г. № 2645-р.

[10] Государственная программа «Управление федеральным имуществом»; принята Распоряжением Правительства РФ от 16 февраля 2013 г. № 191-р.

дарственным имуществом[11], а именно: «Создание условий для эффективного управления федеральным имуществом, необходимым для выполнения государственных функций органами власти Российской Федерации, и отчуждение федерального имущества, востребованного в коммерческом обороте».

Результатами реализации Госпрограммы должны были стать:

– оптимизация состава и структуры федерального имущества в интересах обеспечения устойчивых предпосылок для экономического роста, а также формирование экономической основы деятельности публично-правовых образований (с точки зрения решения задач и обеспечения интересов Российской Федерации);
– повышение эффективности управления федеральным имуществом, включая развитие конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности компаний с государственным участием.

Планировалось решить, в частности, следующие задачи: определить цели управления объектами федерального имущества; оптимизировать состав федеральных организаций, действующих в конкурентных отраслях экономики; повысить эффективность модели управления компаниями с государственным участием; обеспечить контроль за управлением федеральным имуществом. Однако в такой редакции ГП просуществовала недолго, около года, по существу, так и не заработав полноценно.

В начале 2014 г. был принят другой документ, касающийся ГП, – он и стал базовым на многие годы. Целевые индикаторы и показатели ГП версии 2014 г. были четко нацелены на сокращение государственных организаций и казны: средние темпы сокращения количества организаций с государственным участием; средние темпы сокращения имущества государственной казны Российской Федерации; динамика технологического развития процессов управления федеральным имуществом. В дальнейшем процесс совершенствования управления государственным имуществом был направлен не столько на изменение целей и задач, сколько на поиск соответствующих им индикаторов ГП. При этом основной упор был сделан на количественные показатели (индикаторы), отражающие темпы сокращения государственного имущества всех категорий без качественной оценки происходящих в результате управления ГП процессов: темпы уменьшения числа АО с государственным участием и ФГУПов не были обоснованы ни одной официальной методикой, которая бы доказывала, что именно

[11] Постановление Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024 «О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 29.11.2000 г. № 903)».

такое количество госпредприятий надо оставить для реализации государственных функций и адекватного исполнения государством своей роли в экономике. Во-вторых, переход к оценке эффективности приватизации исключительно через финансовые индикаторы вынуждает исполнителей ГП «выталкивать» государственные активы на рынок любой ценой, в том числе неликвидные и неподготовленные к продаже, что снижает как доходность от их продажи, так и результативность их дальнейшего использования. В-третьих, анализ трансформации ГП показал, что инструментарий для решения различных задач в разных редакциях госпрограммы практически полностью совпадает с исходной редакцией, что указывает на недостаточную обоснованность методологической базы формирования ГП.

Вероятно, именно такой подход не позволил добиться существенных положительных результатов в управлении государственным имуществом. Нельзя утверждать, что не было результатов. Другой вопрос: что хотели достичь принятием и реализацией данной ГП? Причем следует отметить, что методологически неверно рассматривать институты управления госимуществом вне связи с другими институтами (конкуренция, институт корпоративного управления и пр.), так как это может привести в неправильной трактовке полученных результатов и ошибочному выбору вектора дальнейшей трансформации института. *Институциональный механизм управления как раз и направлен на создание прочных связей между институтами для получения ожидаемого результата.*

Если рассматривать неудачи выполнения ГП по управлению федеральным имуществом не с точки зрения провалов управленческих – как провалы ее реализации, а с точки зрения ошибок при ее составлении, то мы опять приходим к выводу о наличии слишком обобщенных целей в использовании достаточно разнородных категорий госимущества, некорректных задач для их достижения, а также о несоответствии показателей ГП (как критериев оценки поставленной задачи) даже корректно выбранным целям.

На наш взгляд, основные проблемы здесь следующие:

– отсутствие достоверной информации о государственном имуществе;
– отсутствие правильно поставленных целей при управлении государственным имуществом, сопряженных со стратегическими целями;
– отсутствие правильной декомпозиции заданных целей;
– отсутствие управленческих механизмов наказания за их невыполнение.

Таким образом, в течение анализируемого периода цели и задачи ГП «Управление федеральным имуществом» неоднократно менялись, индикаторы трансформировались в сторону отражения динамики

сокращения государственных активов. В итоге (в версии 2021 г.) эффективность управления государственным имуществом стала интерпретироваться как бюджетная доходность от использования госимущества. Перевод программы из самостоятельной в подпрограмму в рамках ГП «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» явился логическим завершением трансформации целей ГП «Управление федеральным имуществом».

В то же время большим плюсом стало усиление внимания (в том числе и в денежном выражении) задаче создания достоверной современной базы данных по госимуществу (на основе цифровизации), что уже дало свой результат в конце 2022 г.

3) Институт оценки эффективности управления государственным имуществом

В 2020 г. появился ряд документов, которые стали основой для развития нового института в системе управления госимуществом, – института оценки эффективности управления каждой категорией госимущества (управление по результатам на основании разных критериев эффективности для различных категорий госимущества). В их основе – методика определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им[12] (далее – методика).

Первый и очень важный аспект нового методологического подхода заключается в том, что эффективность использования различных видов государственного имущества предлагается оценивать по разным критериям, что коррелирует с результатами многих научных изысканий в данной области. Методика предусматривает систему показателей оценки оптимальности состава и эффективности использования имущества публично-правовых образований (ППО) по следующим категориям: акции (доли) хозяйственных обществ; недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) унитарными предприятиями; недвижимое имущество, закрепленное за государственными (муниципальными) учреждениями, и недвижимое имущество казны. Показатели эффективности по каждой категории имущества определены в прилагаемых к методике формах отчетности. В зависимости от значения показателя эффективности (если показатель ниже установленных пороговых значений) собственнику имущества рекомендуется предпринять определенные действия, разработанные для каждой категории имущества.

[12] Распоряжение Правительства РФ от 12 октября 2020 г. № 2645-р «Об утверждении методики определения критериев оптимальности состава государственного и муниципального имущества и показателей эффективности управления и распоряжения им».

Вторым важным аспектом является то, что среди выделенных категорий имущества государство определило для себя стратегически важную их часть, которая соответствующими индикаторами участвует в национальных планах. И здесь важно отметить Распоряжение от 28 декабря 2020 г. № 3579-р, которым утверждены методические рекомендации по ключевым показателям эффективности (КПЭ) акционерных обществ, акции которых находятся в собственности РФ, и отдельных некоммерческих организаций (указаны в данном распоряжении), а также их дочерних обществ, все голосующие акции (доли) которых находятся под прямым или косвенным контролем РФ. КПЭ разделены на две группы: финансовые, характеризующие доходность (прибыльность) и пр. финансовые характеристики деятельности организации, и отраслевые, связанные с национальными целями развития. К первой группе рекомендуется отнести коэффициенты рентабельности инвестированного или собственного капитала, динамику выручки, доход акционеров и пр. Ко второй – количество созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций, вклад в несырьевой неэнергетический экспорт и бюджетную эффективность и пр. В эту группу также разрешается включать специализированные КПЭ, в их числе – бесперебойность и безопасность предоставления услуг. С учетом специфики деятельности компаний они распределяются по четырем категориям: действующие на конкурентном рынке, естественные монополии и инфраструктурные компании, финансовые организации, институты развития. Такая разбивка поможет лучше рассчитать КПЭ для каждой структуры в отдельности.

Общий же принцип управления всеми категориями государственного и муниципального имущества состоит в следующем: каждый используемый объект государственного имущества должен в процессе своей деятельности достичь определенного результата (отраженного в показателях), который оценивается в баллах. Если набранные баллы меньше установленного порогового значения, то необходимо принимать определенные меры по отношению к данному объекту государственного управления (забирать имущество, передавать в частные руки и т. п.).

Положения института оценки эффективности актуальны и сегодня, несмотря на ряд уже спорных для современных реалий методических подходов.

Решение новых задач в рамках существующей институциональной среды

Итак, на сегодня мы имеем институциональную среду по управлению государственным имуществом, включающую законы и нормативные акты, которые в совокупности создают три блока институтов: приватизация, госпрограммы, оценка эффективности управления.

Проведенный анализ позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что для решения современных задач сформированный на сегодня состав институтов институциональной среды позволяет осуществлять регуляторные процессы в сфере использования госимущества, применяя современные механизмы их взаимодействия с прочими институтами. Так, например, введенные недавно два новых механизма – имущественная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства и предоставление земельных участков под строительство предприятий, связанных с процессом импортозамещения, – вполне вписываются в институциональное поле управления государственным имуществом. *Введенные механизмы используют уже существующие институты, связанные в том числе и с управлением госимуществом, внося требуемые коррективы в те или иные нормативные акты с целью получения ожидаемых результатов.*

Механизм имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на государственном и муниципальном уровнях сейчас совершенствуется, объем поддержки расширяется. Реализация этих мер потребовала некоторой корректировки нормативных правовых актов в сфере управления и распоряжения публичным имуществом, а также обновления подходов к деятельности по управлению государственным (муниципальным) имуществом.

Так, начиная с марта 2023 г. малый и средний бизнес (МСП) *впервые получил преимущественное право выкупа арендуемого движимого имущества, находящегося в муниципальной или государственной собственности*. Согласно внесенным изменениям, субъекты малого и среднего предпринимательства смогут выкупить арендуемое движимое имущество, если такое имущество включено в перечень государственного или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам МСП, в течение трех лет до дня подачи соответствующего заявления, а также на день подачи субъектом МСП заявления движимое имущество находится в его временном владении и пользовании или временном пользовании непрерывно в течение одного года и более в соответствии с договором аренды. В отношении недвижимого имущества, включенного в перечень государственного или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам МСП, *документом сокращен до двух лет срок нахождения имущества во временном владении и пользовании или временном пользовании непрерывно у субъекта МСП в соответствии с договором аренды.*

Соответствующие изменения предусмотрены Федеральным законом от 29.12.2022 № 605-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 605-ФЗ), которым уточнены положения ряда законов:

«О приватизации государственного и муниципального имущества»[13]; «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»[14]; № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности…»[15].

Как видим, в существующей институциональной среде появился обновленный институциональный механизм, использующий базовые институты (институт госимущества и институт МСП).

Выводы

Проведенные многолетние исследования позволяют сделать нам вывод о том, что основополагающих институтов управления государственным имуществом в качестве базы для формирования новых и совершенствования уже существующих механизмов государственного управления с использованием государственного имущества вполне достаточно для решения текущих и долгосрочных социально-экономических задач. Базовыми институтами, сформировавшимися на протяжении 30-летнего периода и составляющими современную институциональную среду управления госимуществом, являются приватизация, государственные программы и институт оценки эффективности управления.

Государственное управление – это системный процесс, включающий в себя взаимодействия между субъектами и объектами управления по определенным правилам и закономерностям. В процессе изменений необходимо ориентироваться на четко заданный результат. Поэтому институциональные изменения (институциональные преобразования) должны быть планируемые, а их реализацию можно осуществить с помощью четко функционирующего институционального механизма в рамках действующих базовых институтов. Именно правильно выбранный институциональный механизм снижает управленческие издержки в силу согласованности интересов агентов деятельности, дает эффективный результат в соответствии с утвержденной целью преобразования.

---

[13] Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества».

[14] Федеральный закон от 24.06.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

[15] Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Как видно на примере модернизации механизма государственной имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, институт управления госимуществом по своему функционалу может являться составной частью многих государственных механизмов управления, с учетом поставленных задач и ожидаемых результатов. Данный институт может корректироваться, не меняя при этом основной содержательной части своего функционала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. Ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2010.
2. *Веретенников А.Ю., Омонов Ж.К.* Концепция институционального механизма в экономической теории // Журнал экономической теории. 2017. №2. С. 165–162.
3. *Тамбовцев В.Л.* Теории институциональных изменений: Уч. пособие. М.: ИНФРА-М, 2008.
4. *Вольчик В.В., Маслюкова Е.В.* Влияние формальных и неформальных институтов на инновационное развитие экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 77–94. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4.
5. *Козлова С.В., Братченко С.А., Свирина Л.Н., Грибанова О.М.* Эффективность и качество управления государственным имуществом в контексте национальных целей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 5. С. 31–56.
6. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы – Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин // М.: Издательство «Олита», 2004.
7. *Горегляд В.П.* Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности управления государственной собственностью и компаниями с государственным участием». https://ach.gov.ru/checks/analiz-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-kompaniyami-s-gosudarstvennym-ucha.
8. *Козлова С.В., Звягинцев П.С.* Трансформация государственной программы «Управление федеральным имуществом» // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. №1. С. 90–105.

REFERENCES

1. *North D.* Understanding the process of economic change / Translated from the English by K. Martynov, N. Edelman; State. Un-t Higher School of Economics. Moscow: Ed. HSE State University House, 2010. (In Russ.).
2. *Veretennikov A.Yu., Omonov Zh.K.* The concept of an institutional mechanism in economic theory // Journal of Economic Theory. 2017. No. 2. Pp. 165–162. (In Russ.).

3. *Tambovtsev B.L.* Theories of institutional changes: Textbook. M.: INFRA-M, 2008. (In Russ.).
4. *Volchik V.V., Maslyukova E.V.* The influence of formal and informal institutions on the innovative development of the economy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. Vol. 15. No. 5. Pp. 77–94. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.4
5. *Kozlova S.V., Bratchenko S.A., Svirina L.N., Gribanova O.M.* Efficiency and quality of state property management in the context of national goals // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2021. No. 5. Pp. 31–56. (In Russ.).
6. Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993-2003 (expert and analytical event) / Head of the working group – Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation S.V. Stepashin // Moscow: Olita Publishing House, 2004. (In Russ.).
7. *Goreglyad V.P.* Report on the results of the expert-analytical event "Analysis of the effectiveness of management of state property and companies with state participation". https://ach.gov.ru/checks/analiz-effektivnosti-upravleniya-gosudarstvennoy-sobstvennostyu-i-kompaniyami-s-gosudarstvennym-ucha. (In Russ.).
8. *Kozlova S.V., Zvyagintsev P.S.* Transformation of the state program "Management of federal property"// Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 1. Pp. 90–105. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: *15.07.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ
Козлова Светлана Вячеславовна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором институтов и механизмов государственного управления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
svk1020@mail.ru

Грибанова Ольга Михайловна – научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
erast707@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS
Svetlana V. Kozlova – Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Head of the Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
svk1020@mail.ru

Olga M. Gribanova – Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
erast707@gmail.com

INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF STATE PROPERTY MANAGEMENT IN CURRENT REALITIES

The article presents the results of a study of the current institutional environment for managing state property, considered as an aggregate of basic institutions for managing state

property, resulted in the formation and transformation process over the past three decades in Russia in the course of Russian market reforms. The analysis was carried out on the basis of such categories as the institutional environment, the institutional mechanism, which gives us a more relevant picture of the ongoing processes in the field of state property management and the opportunity to determine areas for its further improvement.
It is concluded that, even in the context of the extraordinary geopolitical challenges of the 21st century and anti-Russian sanctions, the use of the currently existing fundamental institutions of state property management as a basis for the formation of new mechanisms of state property administration and improvement of the existing ones is quite enough to solve current and long-term socio-economic tasks facing Russia, as well as to achieve our strategic state goals in a changing global environment.

Keywords: *state administration, state property, state administration institutions, institutional environment, institutional mechanism.*

JEL: H82, H19.

ФИНАНСЫ

О.С. ВИНОГРАДОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ф.С. КАРТАЕВ
доктор экономических наук, заведующий кафедрой микро- и макроэкономического анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОЦИКЛИЧНОСТИ МЕТОДОМ СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье представлен метод выявления процикличности в динамике макроэкономических показателей. Предложенный метод апробирован на данных российской экономики за 1996–2020 гг. Полученные результаты могут быть использованы для тонкой настройки мер стабилизационной денежно-кредитной политики в рамках имплементации режима инфляционного таргетирования, поскольку регулирование с учетом цикличности экономики позволяет снизить резонансный эффект динамических изменений ключевых детерминант базового цикла, так как предполагает идентификацию момента разворота циклической компоненты макроэкономических показателей, что в свою очередь является сигналом смены направления денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: *процикличность, денежно-кредитная политика, макроэкономические показатели, спектральный анализ, циклическая компонента.*

УДК: 336.027

EDN: HTHOSS

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_65_88

Введение

Кризис 2008 г. выявил недостатки мер экономической политики, предполагающей применение стандартов регулирования без учета экономических циклов, что предопределяло попадание в так называемую «ловушку процикличности», возникновение которой обусловлено лагом в реализации стабилизационной политики, то есть стимулирующая политика оказывала действие на экономику во время экономического подъема, а эффект от сдерживающей политики продолжал проявляться во время экономического спада, что увеличивало амплитуду циклических колебаний. Обычно под этой «ловушкой» понимается ситуация, в которой политика, направленная на сглаживание циклических колебаний, наоборот усиливает их амплитуду из-за того, что воздействует на экономику с лагом. Глубина мирового финансово-экономического кризиса была связана, в том числе, с резонансным эффектом понижательной циклической динамики ключевых макроэкономических показателей, усиливавшимся под влиянием предшествующих спаду макропруденциальных мер государственной политики.

Внедрение антициклического регулирования определяет необходимость выявления и разделения индикаторов, демонстрирующих проциклическую, контрциклическую или ациклическую динамики, и аккуратного выбора целевых ориентиров макроэкономической политики, с учетом поведения целевых показателей относительно базового цикла реального ВВП. Целенаправленное воздействие регулятора в рамках реализации антициклических макроэкономических мер на индикаторы, выявляющие циклическую и контрциклическую динамики, позволит уменьшить амплитуду колебаний базового цикла.

Обзор литературы

В академической литературе все больше внимания стало уделяться проблеме определения способности государственной экономической политики сглаживать циклические колебания после внешних и внутренних шоков. В работе Б.С. Бернанке и др. [11] на основе анализа влияния нефтяных шоков на экономику США в период с 1970 по 1990-е гг. выявлено, что глубина экономического спада в большей степени определялась не волатильностью цен на финансовых рынках как таковой, а ответной реакцией регулятора на изменение этих цен, проявлявшейся в ужесточении монетарной политики, то есть, в проциклических мероприятиях. В работах А. Гонзалес и др., а также Дж. Беджарано и др. [14, с. 719–720; 10] отмечается, что благоприятная конъюнктура рынков может усиливаться стимулирующими мерами

центральных банков и в итоге привести к перегреву экономики, а, следовательно, нарастанию различного рода дисбалансов, способных развернуть динамику циклической компоненты реального ВВП от роста к спаду после даже незначительных шоков. Политика контрциклического макроэкономического регулирования основана на гибком применении инструментария, способного ограничивать как спад циклической компоненты реального ВВП, так и ее избыточный рост (см., например: [6, с. 42]), и потому требует тщательной идентификации фаз экономического цикла и характера динамики компонент-индикаторов, составляющих базовый цикл. Современные подходы к выявлению фаз цикла предполагают построение моделей динамического стохастического общего экономического равновесия (DSGE-модели) [13, с. 132–134; 17, с. 5–6]. Но амплитуда, частота возникновения и длительность циклов для каждого из макроэкономических показателей отличаются друг от друга, что обусловлено различиями в их скорости отклика на внешнее воздействие и абсорбции шоков в конкретный период времени.

В современной научной литературе достаточно активно обсуждается способность фискальных и монетарных властей сглаживать циклические колебания. Казалось бы, постановка вопроса достаточно давняя: правила фискального контрциклического регулирования установлены еще во времена Дж. М. Кейнса (автоматические стабилизаторы в долгосрочном периоде и манипулирование сальдо государственного бюджета в краткосрочном), а монетарного, – несколько позже в формате «денежного правила» М. Фридмена. Тем не менее, невзирая на понятные и устоявшиеся рекомендации, и фискальная, и монетарная политика регулярно оказываются проциклическими вместо контрциклических [19]. Подобный эффект иногда называют проциклическим смещением (procyclicality bias) фискальной политики. Авторы различных направлений сходятся в том, что проциклично*сть* характерна преимущественно для развивающихся стран, особенно ресурсно-избыточных [9, с. 1028–1032; 18, с. 182–188]. Развитые же страны более склонны к контрциклической политике благодаря развитой системе автоматических стабилизаторов. Россия как раз является ресурсно-экспортированной развивающейся страной, поэтому для нее данная проблема является актуальной.

Монетарная политика тоже нередко обнаруживает проциклическое смещение. Свидетельства тому представлены, например, в работах П. Ирландa и др. [15]. Объяснения приводятся разные, в основном связанные с тем, что поддержка экономики денежными вливаниями в период кризисов носит социально направленный характер и вызвана конъюнктурными потребностями, а не потребностями в макроэкономической стабильности.

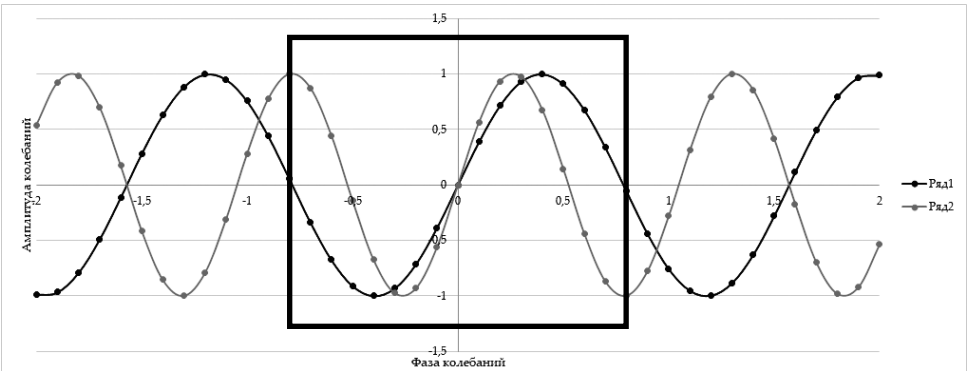
Для уяснения серьезности проблемы «ловушки процикличности» в российской экономике необходимо внимательно разобраться с тем, какие показатели, отражающие действие фискальных и монетарных властей, ведут себя контрциклически, а какие процикличеcки. Для исследования подобных связей иногда используют расчет парных коэффициентов корреляции между необработанными временными рядами соответствующих индикаторов и реальным ВВП. Однако, это не совсем корректный способ: как показано в работе Т. Дидье и соавторов [12] в кризисные периоды динамика реального ВВП нелинейно связана с динамикой подушевого ВВП, следовательно, политика, которая кажется контрциклической в терминах реального ВВП, оказывается процикличеcкой в терминах душевого ВВП. Это лишь один из примеров «ловушки процикличности», в которую попадают как фискальные, так и монетарные власти.

Учитывая изложенные выше аргументы и понимая сложность идентификации закономерностей в динамических процессах, в данной работе для выявления фаз экономического цикла авторы обратились к методу, широко применяемому в естественных науках для очистки от шумовых эффектов и выявления циклической компоненты показателей, – к методу спектрального анализа [3, с. 24–26]. Выбор обусловлен тем, что этот метод позволяет решить задачи данного исследования: во-первых, разделить макроэкономические показатели на циклические, контрциклические и ациклические, а, во-вторых, определить фазы экономических циклов для анализируемых индикаторов. Хотя этот метод был разработан физиками и широко применяется именно в естественных науках с целью анализа распределения энергии сигнала [2], он также нашел своё место в экономике. Метод спектрального анализа для выявления закономерностей в динамике российских макроэкономических показателей применялся в работах А.Н. Клепача, Г.О. Куранова [5], М.Ю. Андреева [1], А.В. Полбина и А.А. Скроботова [8].

Методика исследования и данные

Опираясь на достижения современных экономических исследователей в области выявления недетерминированных колебаний и проводя аналогию с физикой, авторы выдвигают следующую концепцию: цикл реального ВВП является сложносоставным, аккумулирующим циклы секторов экономики, поэтому наилучших результатов в рамках проведения контрциклического регулирования возможно достичь путем выявления колебаний циклических компонент составляющих базовый цикл и применения соответствующих их фазам цикла мер, которые позволят уменьшить амплитуду колебаний (см. рис. 1) [3].

Следует отметить, что в соответствии с теорией реальных деловых циклов [16] бизнес-циклы в значительной степени носят стохастический характер. Тем не менее, если в динамике ключевых макроэкономических показателей есть детерминированные составляющие, то спектральный анализ позволит выявить и исследовать их.

Источник: составлено авторами.

Рис. 1. Абстрактная модель циклических колебаний динамики макроэкономических показателей, составляющих базовый цикл.

Рис. 1 отражает абстрактную модель циклических колебаний динамики макроэкономических показателей (абстракция заключается в изображении циклических колебаний идеальной синусоидой), составляющих базовый цикл, причем на разных фазах циклов этих индикаторов выявляются как синфазность, так и противофазность динамики. Синфазность[1] динамики проявляется в усилении взаимного влияния показателей на базовый цикл, что на рис. 1 выделено рамкой. Синфазность динамики определяет однонаправленное изменение рассматриваемых показателей, что в экономической интерпретации в рамках предложенной авторами концепции сложносоставных колебаний базового цикла выявляет однонаправленное воздействие на динамику циклической компоненты реального ВВП, причем сила этого воздействия определяется весом каждой из компонент в совокупной динамике базового цикла. Противофазность динамики на рис. 1 идентифицируется с двух сторон от выделенной области, что определяет разнонаправленные колебаний динамики макроэкономических индикаторов. Противоположно направленное движение циклических компонент динамики макроэкономических показателей при наложении их друг на друга нивелирует их влияние на динамику базового цикла, что может влиять на сокращение амплитуды циклических колебаний сложносоставного

[1] Термин из физики, обозначающий совпадение фаз циклов сигналов.

цикла реального ВВП. Поэтому в рамках данного исследования был произведен анализ динамики основных макроэкономических показателей, отражающих состояние секторов экономики Российской Федерации с целью выявления фаз их колебаний и степени взаимного влияния.

В соответствии с авторской концепцией макроэкономические колебания показателей конъюнктуры отдельных экономических секторов накладываются друг на друга, образуя многокомпонентный базовый экономический цикл, отслеживаемый по статистике реального ВВП. Следовательно, целесообразно полагать, что макроэкономическое регулирование должно носить дифференцированный характер в зависимости не только от базового показателя цикла реального ВВП, но и от составляющих его колебания компонент, отражающих динамику макроэкономических показателей секторов экономики, которые могут демонстрировать разную динамику по отношению к базовому циклу реального ВВП [7].

В рамках данного исследования отобрано 18 макроэкономических показателей, характеризующих состояние различных секторов экономики [4]:

1. Индикаторы валютного рынка: реальный обменный курс рубля, трансграничный отток капитала.

2. Индикаторы банковского сектора: величина активов коммерческих банков, объем высоколиквидных активов кредитных учреждений, ликвидность банковского сектора, реальные процентные ставки по кредитам и депозитам в рублях, совокупный объем кредитов, предоставленным резидентам страны, и величина привлеченных средств юридических и физических лиц банками.

3. Индикаторы бюджетного сектора: дефицит/профицит федерального бюджета, объем золотовалютных резервов, величина государственного долга, денежная масса в широком определении.

4. Индикаторы фондового рынка: объем сделок на фондовом рынке, индекс фондового рынка, динамика цен на нефть.

5. Индикаторы реального сектора: индекс потребительских цен, индекс промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал за исключением бюджетных средств.

Методология данного исследования предполагала последовательную реализацию следующих этапов:

1. Устранение сезонных колебаний в динамике макроэкономических показателей процедурой X-12-ARIMA.

2. Удаление долгосрочного тренда методом фильтрации Калмана.

3. Спектральное преобразование очищенных от сезонности и тренда данных методом прямого преобразования Фурье, в результате которого произведено разделение макроэкономических показателей на ациклические и циклические.

4. Обратное преобразование Фурье для низкочастотной области спектров, соответствующей временному интервалу изменения макроэкономических показателей от одного года для показателей, выявляющих наличие циклических колебаний.

Обработка методом быстрого прямого преобразования Фурье временных рядов макроэкономических индикаторов позволяет перевести сигналы в частотный спектр, а, следовательно, выявить характеристики гармонических колебаний, их образующих. Полученные результаты демонстрируют мощность циклических колебаний макроэкономических показателей, возникающих на разных частотах, образуя в совокупности частотный спектр сигнала данных индикаторов. Разделение макроэкономических показателей на ациклические и циклические произведено на основании качественной оценки их спектров, полученных в результате прямого преобразования Фурье. Показатели, в спектральном представлении которых отсутствуют компоненты с преобладающей спектральной мощностью, можно идентифицировать как соответствующие квазишумовой динамике. Применение к индикаторам, не выявляющим циклических закономерностей в динамике, контрциклических мер нецелесообразно, что предопределило необходимость их исключения из дальнейшего рассмотрения в рамках данного исследования (см. рис. 2).

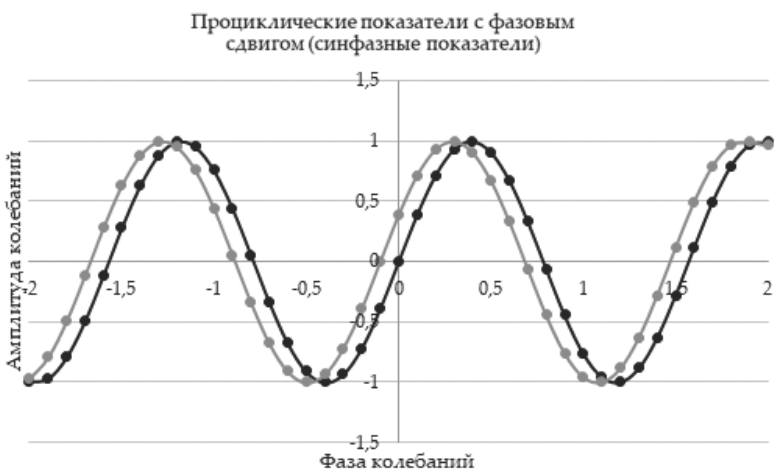

Источник: составлено авторами.

Рис. 2. Абстрактная модель ациклических колебаний динамики макроэкономического показателя и циклической компоненты базового цикла

Для индикаторов, обнаруживающих периодичности в динамике, характерно наличие основной частоты в спектре (базовая частота колебаний). Циклические колебания динамики макроэкономических показателей могут быть синфазными или противофазными, причем синфазность или противофазность может возникать в разные периоды времени, что определяется различной длительностью циклов макроэкономических показателей. Синфазность (рис. 3*а*) или противофазность (рис. 3*б*) динамики макроэкономических показателей по отношению к базовому циклу позволяет произвести их дифференциацию на контрциклические и проциклические индикаторы.

а)

б)

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Абстрактная модель проциклических и контрциклических колебаний динамики макроэкономического показателя по отношению к базовому циклу

В результате последовательного применения вышеперечисленных методов обработки статистических данных получены временные представления изменений исследуемых макроэкономических показателей, очищенные от краткосрочных компонент колебаний, а также квазишумовой динамики. Временные развертки после обратного преобразования Фурье рядов циклических показателей выявляют динамику, соответствующую релаксационным колебаниям периодического и квазипериодического типа, наложение которых друг на друга в соответствии с предложенной авторами данного исследования концепцией образует основу колебаний базового экономического цикла [4]. Подобное представление динамики базового цикла позволяет идентифицировать в конкретный период времени стадии экономических циклов каждого отдельно взятого сектора экономики, а при наложении секторальных графиков колебаний определить либо их асинхронность по отношению друг к другу (они могут полностью или частично нивелировать негативные тенденции, погашая их в одном секторе за счет другого), либо их резонанс (они могут совокупно усиливать негативные тенденции, за счет наложения таких тенденций друг на друга в нескольких секторах).

Полученные результаты были уточнены с учетом фазового сдвига спектров рассматриваемых макроэкономических показателей, выявляющих циклические процессы, по отношению к базовому циклу реального ВВП, что определило вклад отдельных подсистем экономики в формировании циклической компоненты базового цикла, а также идентифицировало периоды их резонансного и асинхронного взаимодействия.

Так как индикаторы в разные периоды времени могут демонстрировать как синфазность циклов, так и их противофазность, то авторами рассчитан коэффициент корреляции (см. формулу (1)) на основе полученных в результате обратного преобразования Фурье динамик приростов значений показателей и реального ВВП для осуществления первичного разделения показателей на контрциклические и процикличесские.

$$\varrho\,(\text{Показатель, ВВП}) = \frac{\text{Cov(Показатель, ВВП)}}{(\sigma\text{Показатель} \times \sigma\text{ВВП})}, \qquad (1)$$

где: ϱ (Показатель, ВВП) – коэффициент корреляции между анализируемым показателем и реальным ВВП; Cov(Показатель, ВВП) – ковариация между анализируемым показателем и реальным ВВП; σПоказатель – стандартное отклонение анализируемого показателя; σВВП – стандартное отклонение ВВП.

Первичное разделение показателей на процикличесские и контрциклические определяется на основе коэффициента корреляции между анализируемым показателем и реальным ВВП по формуле (1), рассчитанного на основе обработанных временных рядов (т. е. после проведе-

ния очистки статистических данных от выбросов и шумов). Проциклическими показателями признаются те индикаторы, которые демонстрируют синфазность динамики с базовым циклом в большинстве дискретных случаев в рамках рассматриваемого временного интервала. Контрциклическими показателями будут считаться те индикаторы, которые демонстрируют противофазность динамики с базовым циклом в большинстве дискретных случаев в рамках рассматриваемого временного интервала. Безусловно, в разные периоды каждый из рассматриваемых в исследовании показателей может демонстрировать как синфазность, так и противофазность по отношению к базовому циклу реального ВВП, поэтому разделение предполагает выявление «склонности» динамических рядов быть в резонансе.

Стоит обратить внимание, что применяемые в академической литературе методики разделяют проциклические и контрциклические показатели на основании только синфазности движения динамик анализируемых макропоказателей, что, по мнению авторов, является не совсем верным. Важным при отнесении показателей к проциклическим и контрциклическим является направление оказываемого на динамику циклической компоненты реального ВВП воздействия, т. е. проциклический и контрциклический эффект влияния динамических изменений макроэкономических показателей.

Поэтому поясним применяемую в данном исследовании методику разделения индикаторов на проциклические и контрциклические в рамках выявления эффекта воздействия рассматриваемых показателей на базовый цикл. Дополнительно к первоначальному этапу разделения авторами также анализируется каузальная связь динамических изменений циклических компонент макроэкономических показателей с динамикой циклической компоненты реального ВВП. Если причинно-следственная связь выявляет проциклическое воздействие на базовый цикл, то этот факт определяет проциклический эффект. Например, в условиях спада, сопряженного понижательной динамикой реального ВВП, происходит рост уровня цен в экономике. Если интерпретировать полученные результаты на основе коэффициента корреляции, то с большой долей вероятности мы получим отрицательный коэффициент корреляции, что, в свою очередь, подтвердилось расчетными данными, а, следовательно, логично отнести этот показатель к контрциклическим. Но экономический смысл этого результата иной: рост уровня цен (показатель индекса потребительских цен – ИПЦ) идентифицирует относительно негативные тенденции в экономике, а значит контрциклический эффект достигается при однонаправленном изменении ИПЦ и ВВП, что выявляет обратную причинно-следственную связь. Поэтому отрицательный коэффициент корреляции между показателями ИПЦ и реального ВВП определяет

проциклическую этих индикаторов. В связи с этим методика, применяемая авторами, предполагает последовательный подход:

1. Определение взаимосвязи показателей с реальным ВВП.
2. Расчет коэффициента корреляции между индикаторами и реальным ВВП.
3. Анализ полученных результатов и классификация показателей на проциклические и контрциклические на основе эффекта воздействия.

Изначально на основе анализа существующей научной литературы авторами исследования были сформулированы гипотезы для проверки:

Гипотеза 1: Проциклическими индикаторами в России являются ИПЦ, ИПП, объем инвестиций в основной капитал, денежный агрегат М2Х, индекс РТС.

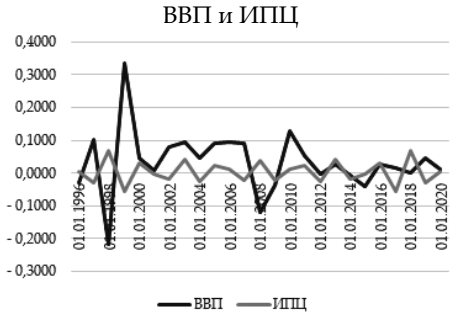
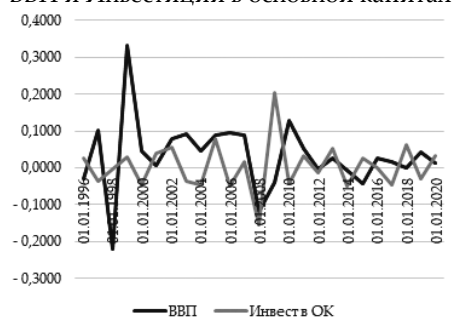
Гипотеза 2: К контрциклическим индикаторам в России относятся показатели профицита/дефицита госбюджета, объема валютных резервов, оттока капитала, соотношения высоколиквидных активов к совокупным активам банковского сектора и объема кредитования частного сектора.

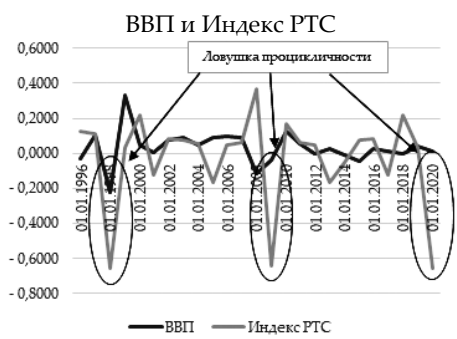
Гипотеза 3: Ациклическими индикаторами являются динамика цен на нефть, курс национальной валюты, показатель государственного долга и объем сделок на фондовом рынке.

Результаты моделирования

Первичное разделение анализируемых макроэкономических показателей произведено на основании их спектрального представления после прямого преобразования Фурье. Ациклическую динамику выявляют показатели объема государственного долга, изменения цен на нефть, объема сделок на фондовом рынке и реального обменного курса национальной валюты, что подтверждает первоначальную сформулированную гипотезу. В зависимости от вида спектра рассматриваемые индикаторы могут быть классифицированы как шумы разной этиологии. Динамические изменения анализируемых показателей не выявляют циклических закономерностей, поэтому применение к ним как контрциклических, так и проциклических мер малоэффективно.

Применение метода частотной обработки сигналов макроэкономических индикаторов позволило выявить проциклические показатели по эффекту их воздействия на циклическую компоненту реального ВВП, такие как индекс потребительских цен, объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), профицит/дефицит государственного бюджета, индекс фондового рынка (индекс РТС), объем валютных резервов, величина высоколиквидных активов коммерческих банков и объемы кредитования частного сектора банками (см. рис. 4).

Представление циклической компоненты динамики макроэкономического показателя и реального ВВП после обратного преобразования Фурье	Взаимосвязь показателей с ВВП в рамках фаз циклов		Коэффициент корреляции и тип показателя (по эффекту влияния)
	ВВП	ИПЦ	ϱ(ИПЦ, ВВП) = = –0,4041 Проциклический
	Спад		
	снижение	рост	
	Подъем		
	рост	снижение	
	Взаимосвязь		
	обратная зависимость		
	ВВП	Инвестиции в ОК	ϱ(Инвестиции в ОК, ВВП) = = 0,0690 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		
	ВВП	Проф/Деф	ϱ(Проф/деф, ВВП) = = 0,3307 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		

Представление циклической компоненты динамики макроэкономического показателя и реального ВВП после обратного преобразования Фурье	**Взаимосвязь показателей с ВВП в рамках фаз циклов**		**Коэффициент корреляции и тип показателя (по эффекту влияния)**
	ВВП	Вал. рез.	ϱ(Вал.рез., ВВП) = = 0,1720 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		
	ВВП	Кредиты	ϱ(Кредиты, ВВП) = 0,2438 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		
	ВВП	Индекс РТС	ϱ(Индекс РТС, ВВП) = = 0,4133 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		

Представление циклической компоненты динамики макроэкономического показателя и реального ВВП после обратного преобразования Фурье	Взаимосвязь показателей с ВВП в рамках фаз циклов		Коэффициент корреляции и тип показателя (по эффекту влияния)
ВВП и Высоколиквидные активы банковского сектора 	ВВП	Выс. акт.	ρ(Выс.акт., ВВП) = = 0,3319 Проциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		

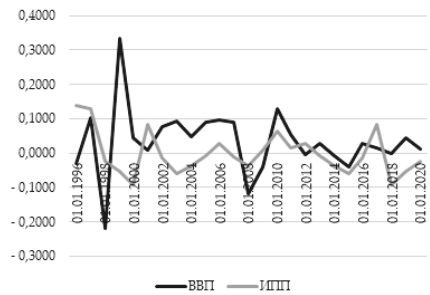
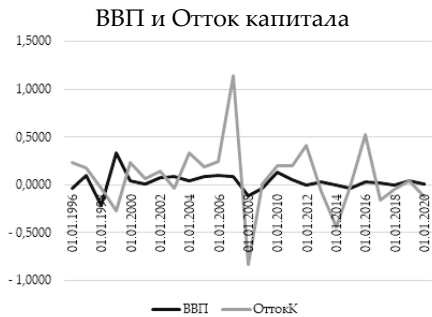
Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Циклическая компонента рядов макроэкономических показателей, выявляющих процикличекую динамику, и базового цикла реального ВВП

Отметим, что индикаторы, для которых коэффициент корреляции находится близко к пороговому нулевому значению, при проведении целевой макроэкономической политики могут демонстрировать контрциклический эффект по отношению к базовому циклу, так как их динамика демонстрирует сопоставимые по количеству с синфазными противофазные сигналы.

Анализируя динамические ряды макроэкономических показателей после обратного преобразования Фурье выявлены периоды реализации регулятором контрциклических мер, что отмечено на рис. 4. Также на последних графиках отмечены периоды, когда динамика макроэкономических показателей синфазна с динамикой базового цикла (так называемая «ловушка процикличности»).

К контрциклическим показателям по эффекту оказываемого влияния на динамику циклической компоненты базового цикла отнесены индекс промышленного производства (ИПП), показатель широкой денежной массы (*M2X*), прирост оттока капитала из России в виде трансграничных потоков капитала частного сектора (см. рис. 5).

Представление циклической компоненты динамики макроэкономического показателя и реального ВВП после обратного преобразования Фурье	**Взаимосвязь показателей с ВВП в рамках фаз циклов**		**Коэффициент корреляции и тип показателя (по эффекту влияния)**
ВВП и ИПП 	ВВП	ИПП	ϱ(ИПП, ВВП) = = –0,0070 Контрциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		
ВВП и М2Х 	ВВП	М2Х	ϱ(М2Х, ВВП) = = –0,0244 Контрциклический
	Спад		
	снижение	снижение	
	Подъем		
	рост	рост	
	Взаимосвязь		
	прямая зависимость		
ВВП и Отток капитала 	ВВП	Отток К	ϱ(Отток К, ВВП) = = 0,2267 Контрциклический
	Спад		
	снижение	рост	
	Подъем		
	рост	снижение	
	Взаимосвязь		
	обратная зависимость		

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Циклическая компонента ряда динамики контрциклических показателей и реального ВВП после обратного преобразования Фурье.

Интерпретация полученных результатов

В рамках исследования первоначальная гипотеза о проциклично-сти индикаторов ИПЦ, ИПП, объем инвестиций в основной капитал, *M2X*, индексы *ММВБ* и *РТС* – частично подтверждена. Для показателей объема валютных резервов, соотношения высоколиквидных активов к совокупным активам банковского сектора и объема кредитования частного сектора контрциклическая динамика выявлена лишь на отдельных временных интервалах исследуемого периода, поэтому гипотеза частично опровергнута. Контрциклическая динамика обнаружена для индекса промышленного производства, показателей широкой денежной массы и оттока капитала из России в виде трансграничных потоков капитала частного сектора. Важно более внимательно учитывать это обстоятельство при согласовании экономической политики Банком России и Министерством финансов.

Применение знаний о характере проявления циклических закономерностей в динамике макроэкономических индикаторов по отношению к базовому циклу требует рассмотрения этих циклических процессов в рамках выделенного отдельного цикла, что связано со стахостической компонентой этих процессов. Авторы понимают, что в экономике, в отличие от естественных наук, не существует явных закономерностей динамического развития. Поэтому интерпретацию результатов проведенного исследования авторы реализовали на примере одного экономического цикла[2]. Оценка будет произведена в рамках экономического цикла, который начался в соответствии пиковым значением прироста циклической компоненты реального ВВП после обратного преобразования Фурье в III квартале 2016 г., а завершился в IV квартале 2019 г. (см. рис. 6).

Как видно на рис. 6, длина базового цикла непостоянна, но в спектральном представлении идентифицируется пиковая частота, определяющая медианную продолжительность цикла реального ВВП РФ в 3,13 года (соответствующая спектральной частоте 8). Т. е. преобразуя динамический ряд реального ВВП из временной в частотную развертку можно определить неявные закономерности в движении циклической компоненты базового цикла.

В соответствии с предложенной авторами концепцией сложносоставных колебаний базового цикла, циклические изменения реаль-

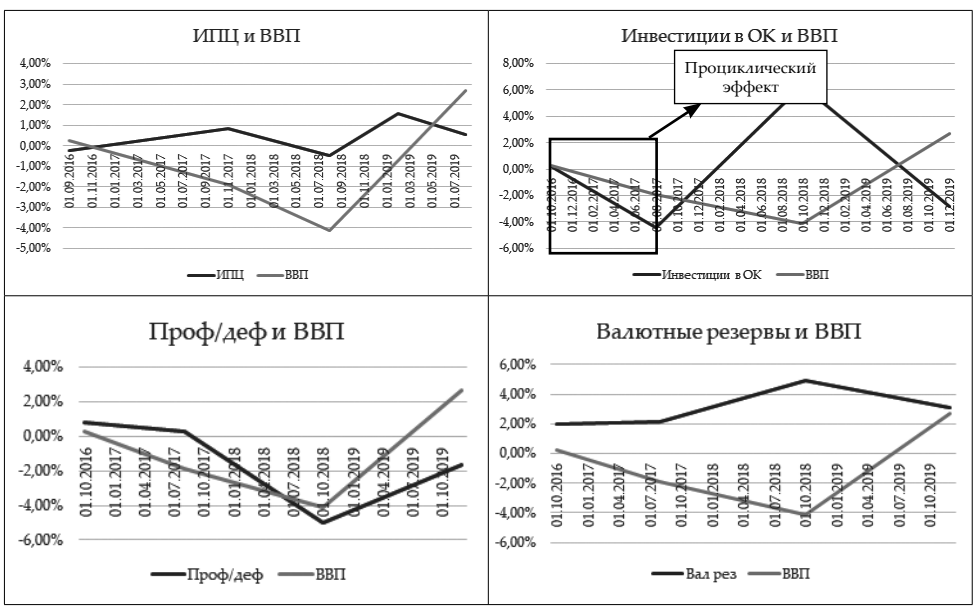
[2] Более подробно о выделении циклов в динамике реального ВВП РФ было написано в предшествующей работе автора, см. кандидатскую диссертацию Виноградовой О.С. Превентивные методы антикризисного управления финансовыми рисками коммерческих банков в Российской Федерации // дис…. канд. эк. наук: 5.2.4. (08.00.10), защищена 21.06.22. М., 2022.

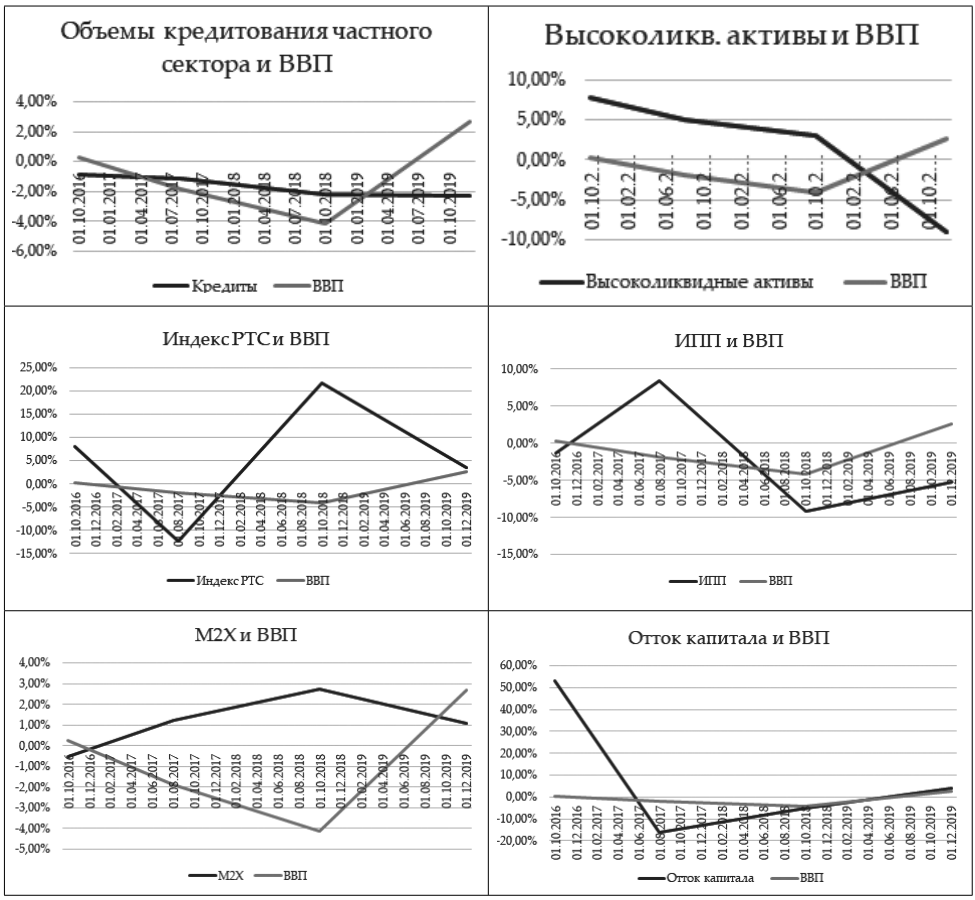

Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Временная развертка циклической компоненты реального ВВП после обратного преобразования Фурье.

ного ВВП отражают циклические изменения компонент его составляющих, т.е. макроэкономических индикаторов. На примере отдельно выделенного цикла можно продемонстрировать влияние детерминант движения циклической компоненты реального ВВП, что идентифицируется проциклическим и контрциклическим эффектами, отражаемыми в динамике циклических компонент макроэкономических индикаторов, представленными во временной развертке на рис. 7.

Источник: составлено авторами.

Рис. 7. Временная развертка циклической компоненты реального ВВП и макроэкономических показателей-детерминант базового цикла после обратного преобразования Фурье в рамках отдельно выделенного цикла

Рассмотрим поэлементно детерминанты движения циклической компоненты реального ВВП. Рост уровня цен разгоняет спад циклической компоненты реального ВВП. Сопоставляя динамику базового цикла и циклической компоненты ИПЦ, видно, что рост уровня цен происходил на спаде начиная с III квартала 2016 г. и до конца 2017 г., далее наблюдается контрциклическая динамика до II квартала 2019 г., а потом снова проявляется прециклический эффект влияния ИПЦ.

Инвестиции в основной капитал в рамках рассматриваемого цикла демонстрируют в основном контрциклическое влияние на базовый цикл. Прециклический эффект наблюдается в течение только первого года. Инвестиции в основной капитал при первоначальном исследовании показали коэффициент корреляции (ρ(Инвестиции в ОК, ВВП) = = 0,0690) близкий к 0. И динамика данного показателя в рамках рассма-

триваемого цикла подтверждает способность индикатора оказывать контрциклическое воздействие на базовый цикл.

В рамках рассматриваемого цикла наблюдается синфазность движений циклических компонент базового цикла и показателя Профицита/дефицита государственного бюджета, что отражает проциклическое влияние данного макроэкономического индикатора. Динамика циклической компоненты валютных резервов, наоборот, демонстрируют резонансное движение по отношению к циклу реального ВВП, что выявляет контрциклическое воздействие.

Во временной развертке видно, что показатель объемов кредитования частного сектора банками демонстрирует проциклическое поведение по отношению к базовому циклу. Стоит отметить, что спад циклической компоненты объемов кредитования длился дольше, чем спад цикла реального ВВП. Динамика высоколиквидных активов также демонстрирует проциклический эффект, причем темп снижения выше по сравнению с темпом снижения циклической компоненты базового цикла. По высоколиквидным активам циклический спад в рамках их внутренней компоненты цикла более продолжительный, что соотносится с выявленной ранее длительностью цикла в 6,25 лет (масштабированная частота 4)[3].

Динамика циклической компоненты по индексу РТС в рамках рассматриваемого цикла показывала разнонаправленные эффекты влияния на базовый цикл: первый год наблюдается проциклический эффект, далее контрциклический эффект, а в конце цикла, идентифицируемого разворотом циклической компоненты реального ВВП, видно усиление проциклического эффекта влияния индекса РТС (что можно идентифицировать как попадание в ловушку проциклличности).

Индекс промышленного производства в рамках рассматриваемого цикла демонстрировал в основном контрциклическую динамику. Проциклический эффект наблюдался в течение года, начиная с III квартала 2017 г. Динамика циклической компоненты широкой денежной массы демонстрирует по отношению к базовому циклу явный контрциклический эффект. Отток капитала также оказывает контрциклическое воздействие на базовый цикл, так как имеет обратную взаимосвязь с ним. Например, снижение оттока капитала в условиях спада замедляет понижательную динамику циклической компоненты реального ВВП.

---

[3] Более подробно о выделении циклов макроэкономических показателей было написано в предшествующей работе автора, см. кандидатскую диссертацию Виноградовой О.С. Превентивные методы антикризисного управления финансовыми рисками коммерческих банков в Российской Федерации // дис…. канд. эк. наук: 5.2.4. (08.00.10), защищена 21.06.22. М., 2022.

Идентификация направления движения компонент по отношению к базовому циклу важна для разработки макропруденциальных мер, которые могут быть направлены на создание противофазности (резонанса) в динамиках макроэкономических показателей, т.е., например, на удлинение цикла по одному или нескольким показателям, что создаст асинхронность колебаний динамики макроэкономических индикаторов. Синфазность макроэкономических показателей в экономической интерпретации выявляет однонаправленное их воздействие на динамику циклической компоненты реального ВВП, причем сила этого воздействия определяется весом каждой из компонент в совокупной динамике базового цикла. Противоположно направленное движение циклических компонент динамики макроэкономических показателей при наложении их друг на друга нивелирует их влияние на динамику базового цикла, что может влиять на сокращение амплитуды циклических колебаний сложносоставного цикла реального ВВП.

Заключение

Результаты исследования позволяют условно разделить индикаторы макроэкономической конъюнктуры на проциклические, контрциклические и ациклические по отношению к базовому циклу реального ВВП. Данное разделение важно, поскольку позволяет улучшить «тонкую настройку» макроэкономической политики и избежать так называемой «ловушки процикличности» (procyclicality trap), когда регуляторные органы принимают проциклические решения, считая их контрциклическими, поскольку ориентируются на показатели с ациклической или даже контрциклической динамикой и упускают из виду значимые проциклические индикаторы.

Авторами выявлено, что индекс потребительских цен, объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств), профицит/дефицит государственного бюджета, индекс фондового рынка (индекс РТС) являются проциклическими индикаторами.

Для показателей объема валютных резервов, соотношение высоколиквидных активов к совокупным активам банковского сектора и объема кредитования частного сектора на отдельных временных интервалах исследуемого периода выявлена контрциклическая динамика, но в большинстве случаев они проявлялись как проциклические.

Контрциклический характер динамики обнаружен для индекса промышленного производства, показателей широкой денежной массы (*M2X*) и оттока капитала из России в виде трансграничных потоков капитала частного сектора. Ациклическая динамика характерна для показателей объема государственного долга, изменения цен на нефть, объема сделок на фондовом рынке и реального обменного курса рубля.

Синфазность динамики ключевых индикаторов состояния экономики нежелательна, так как усиливает их взаимное влияние как негативное, так и позитивное на циклическую компоненту цикла реального ВВП. Однонаправленное динамическое изменение макроэкономических показателей в рамках предложенной авторами концепции сложносоставных колебаний базового цикла выявляет однонаправленное воздействие на динамику циклической компоненты реального ВВП, что в свою очередь требует применения мер макропруденциальной политики. Идентифицируя фазы экономического цикла в компонентах, составляющих этот цикл, макропруденциальные меры могут быть направлены на создание противофазности, т. е., например, на удлинение цикла по одному или нескольким показателям, что создаст асинхронность колебаний динамики макроэкономических индикаторов. Резонанс в движении циклических компонент макроэкономических показателей оказывает положительное влияние на амплитуду циклических колебаний сложносоставного цикла реального ВВП.

В условиях спада 2023 г. и продолжающейся структурной перестройки российской экономики, полученные в исследовании результаты могут быть полезны Банку России для выбора адекватных мер стабилизационной денежно-кредитной политики в рамках имплементации режима инфляционного таргетирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев М.Ю.* Опережающие сигнальные индикаторы кризиса российского финансового рынка и их связь с деловыми циклами // Финансы и кредит. 2016. № 25. С. 2–18.
2. *Афонский А.А., Дьяконов В.П.* Цифровые анализаторы спектра, сигналов и логики // М.: СОЛОН-Пресс. 2009.
3. *Виноградова О.С., Крупкина А.С., Пирпоинт К.А., Кокосинский Д.В.* Выявление циклических закономерностей в динамике макроэкономических показателей Российской Федерации на основе спектрального анализа // Вестник Московского университета. Сер. 6 «Экономика». 2021. № 5. С. 3–28.
4. *Виноградова О.С.* Превентивные методы антикризисного управления финансовыми рисками коммерческих банков в Российской Федерации // дис…. канд. эк. наук: 5.2.4. (08.00.10), защищена 21.06.22. М., 2022.
5. *Клепач А.Н., Куранов Г.О.* О циклических волнах в развитии экономики США и России // Вопросы экономики, 2013. № 11. С. 4–33.
6. *Козловцева И., Пономаренко А., Синяков А., Татаринцев С.* Контрциклическая политика и финансовая стабильность в малой открытой экономике страны-экспортера природных ресурсов // Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. 2019. № 42.
7. *Крупкина А.С., Виноградова О.С., Орлова Е.А., Ершова Е.Н.* Прогнозирование ВВП России производственным методом // Вестник Московского университета. Сер. 6 «Экономика». 2022. № 5. С. 62–82.

8. *Полбин А.В., Скроботов А.А.* Спектральная оценка компоненты бизнес-цикла ВВП России с учетом высокой зависимости от условий торговли // MPRA Paper, 2017.
9. *Alesina A., Tabellini G., Campante, F.R.* Why Is Fiscal Policy Often Procyclical? // Journal of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. No. 5. Pp. 1006–1036.
10. *Bejarano J., Hamann F., Mendoza E. G., Rodríguez D.* Commodity Price Beliefs, Financial Frictions and Business Cycles // BIS conference paper «The commodity cycle: macroeconomic and financial stability implications», 2016.
11. *Bernanke B. S., Gertler M., Watson M., Sims C. A., Friedman B. M.* Systematic monetary policy and the effects of oil price shocks // Brookings papers on economic activity. 1997. No. 1. Pp. 91–157.
12. *Didier T., Hevia C., Schmukler S.L.* How resilient and countercyclical were emerging economies during the global financial crisis? // Journal of International Money and Finance. 2012. Vol. 31(8). Pp. 2052–2077.
13. *Gerali A., Neri S., Sessa L., Signoretti F.M.* Credit and Banking in a DSGE Model of the Euro Area // Journal of Money, Credit and Banking. 2010. No. 42. Pp. 107–141.
14. *González A., Hamann F., Rodríguez D.* Macroprudential policies in a commodity exporting economy // BIS conference papers. 2016. No. 86. Pp. 69–73.
15. *Ireland P.N.* The Role of Countercyclical Monetary Policy // Journal of Political Economy. 1996. Vol. 104. No. 4. Pp. 704–723.
16. *Kydland F.E.; Prescott E.C.* Time to Build and Aggregate Fluctuations (англ.) // Econometrica: journal. 1982. Vol. 50. No. 6. Pp. 1345–1370.
17. *Kreptsev D., Seleznev S.* DSGE model of the Russian economy with a banking sector // Bank of Russia Working Paper Series. 2017. WP 27.
18. *Talvi E., Carlos A.V.* Tax base variability and procyclicality of fiscal policy // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 78. No. 1. Pp. 156–190.
19. *Verona F., Martins M. M., Drumond I.* Financial shocks, financial stability, and optimal Taylor rules // Journal of Macroeconomics. 2017. No. 54. Pp. 187–207.

REFERENCES

1. *Andreev M.J.* Leading signal indicators of the crisis of the Russian financial market and their connection with business cycles // Finance and Credit. 2016. No. 25. (In Russ.).
2. *Afonsky A.A., Dyakonov V.P.* Digital Spectrum, Signal and Logic Analyzers // M.: SOLON-Press. 2009. (In Russ.).
3. *Vinogradova O.S., Krupkina A.S., Pierpoint K.A., Kokosinsky D.V.* Cyclic dynamic patterns of Russian macroeconomic indicators found by spectral analysis // Bulletin of Moscow University, series 6 "Economics". 2021. No. 5. (In Russ.).
4. *Vinogradova O.S.* Preventive methods of anti-crisis financial risk-management of commercial banks in the Russian Federation // phd dissertation, economic sciences: 5.2.4. (08.00.10), protected 06.21.22. M., 2022. (In Russ.).
5. *Klepach A.N., Kuranov G.O.* On cyclical waves in the development of the economy of the USA and Russia // Questions of Economics. 2013. № 11. (In Russ.).
6. *Kozlovtseva I., Ponomarenko A., Sinyakov A., Tatarintsev S.* Countercyclical policy and financial stability in a small open economy of a country exporting natural resources // Bank of Russia. Economic Research Report Series. 2019. № 42. (In Russ.).

7. *Krupkina A.S., Vinogradova O.S., Orlova E.A., Ershova E.N*. Forecasting Russia's gdp by the production method // Bulletin of Moscow University, series 6 "Economics". 2022. No. 5. (In Russ.).
8. *Polbin A.V., Skrobotov A.A.* Spectral assessment of the business cycle component of Russia's GDP, taking into account the high dependence on the terms of trade // MPRA Paper, 2017. (In Russ.).
9. *Alesina A., Tabellini G., Campante, F.R*. Why Is Fiscal Policy Often Procyclical? // Journal of the European Economic Association. 2008. Vol. 6. No. 5. Pp. 1006–1036.
10. *Bejarano J., Hamann F., Mendoza E. G., Rodríguez D.* Commodity Price Beliefs, Financial Frictions and Business Cycles // BIS conference paper «The commodity cycle: macroeconomic and financial stability implications», 2016.
11. *Bernanke B. S., Gertler M., Watson M., Sims C. A., Friedman B. M.* Systematic monetary policy and the effects of oil price shocks // Brookings papers on economic activity. 1997. No. 1. Pp. 91–157.
12. *Didier T., Hevia C., Schmukler S.L*. How resilient and countercyclical were emerging economies during the global financial crisis? // Journal of International Money and Finance. 2012. Vol. 31(8). Pp. 2052–2077.
13. *Gerali A., Neri S., Sessa L., Signoretti F.M*. Credit and Banking in a DSGE Model of the Euro Area // Journal of Money, Credit and Banking. 2010. No. 42. Pp. 107–141.
14. *González A., Hamann F., Rodríguez D.* Macroprudential policies in a commodity exporting economy // BIS conference papers. 2016. No. 86. Pp. 69–73.
15. *Ireland P.N*. The Role of Countercyclical Monetary Policy // Journal of Political Economy. 1996. Vol. 104. No.4. Pp. 704–723.
16. *Kydland F.E.; Prescott E.C*. Time to Build and Aggregate Fluctuations (англ.) // Econometrica: journal. 1982. Vol. 50. № 6. P. 1345–1370.
17. *Kreptsev D., Seleznev S*. DSGE model of the Russian economy with a banking sector // Bank of Russia Working Paper Series. 2017. WP 27.
18. *Talvi E., Carlos A.V*. Tax base variability and procyclicality of fiscal policy // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 78. No. 1. Pp. 156–190.
19. *Verona F., Martins M. M.*, Drumond I. Financial shocks, financial stability, and optimal Taylor rules // Journal of Macroeconomics. 2017. No. 54. Pp.187–207.

Дата поступления рукописи: *10.07.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградова Ольга Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9575-9794
o.s.gluhova@mail.ru

Картаев Филипп Сергеевич – доктор экономических наук, заведующий кафедрой микро- и макроэкономического анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5973-3776
kartaev@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS
Olga S. Vinogradova – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Finance and Credit, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9575-9794
o.s.gluhova@mail.ru

Filipp S. Kartaev – Dr. Sci. (Econ.), Head of the Department of Micro- and Macroeconomic Analysis, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5973-3776
kartaev@gmail.com

IDENTIFICATION OF PROCYCLICALITY BY SPECTRAL ANALYSIS

The article presents an approach to identifying the procyclicality in the dynamics of macroeconomic indicators. The proposed method has been tested on the economic data for Russia (1996-2020). Regulation that takes into account the cyclical nature of the economy makes it possible to reduce the resonant effect of dynamic changes in the key determinants of the base cycle, as it implies identification of the moment when the dynamics of macroeconomic indicators change, which is a signal for a change in the monetary policy. The results obtained can be used to fine-tune the measures of the stabilization monetary policy while implementing the inflation targeting regime.

Keywords: *procyclicality, monetary policy, macroeconomic indicators, spectral analysis, cyclical component.*
JEL: E3, E37, E44.

О.А. ЛЬВОВА
доктор экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента
факультета государственного управления
МГУ имени М.В. Ломоносова

ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ БИЗНЕСА В РАМКАХ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОДХОДЫ ДЛЯ СОБСТВЕННИКА, КРЕДИТОРА, АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО И ИНВЕСТОРА[1]

В статье предложены подходы к оценке состояния бизнеса разными стейкхолдерами в целях антикризисного управления его развитием и устойчивостью. Для собственников и менеджеров разработана система рыночных, операционных, инвестиционных, финансовых, управленческих и организационных признаков снижения устойчивости бизнеса. Для банка-кредитора предложена стратегическая карта, включающая рыночные, процессные, ресурсные и финансовые триггеры, выявляемые в ходе экспресс-диагностики и расширенного триггер-анализа. Для арбитражных управляющих модифицирована методика финансового анализа, дополненная алгоритмом изучения сделок и выявления признаков «объективного банкротства». Для потенциальных инвесторов разработана модель сценарной оценки, позволяющая определять выгоду, альтернативные издержки, целесообразность слияния / присоединения проблемной компании, стоимость ее восстановления и интеграции, синергетический эффект от объединения бизнеса.

Ключевые слова: *финансовый анализ, устойчивость бизнеса, признаки (индикаторы, триггеры) кризиса, несостоятельность (банкротство), арбитражный управляющий, должник, кредитор, инвестор, слияния и поглощения с участием проблемных компаний, стратегическая карта, финансовые коэффициенты.*

УДК: 336.6, 338.5, 65.01, 65.02, 657.6

EDN: KTQLRS

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_89_111

[1] Статья написана на основе диссертационного исследования автора: *Львова О.А.* Трансформация системы управления банкротством в России для повышения устойчивости бизнеса: диссертация ... доктора экономических наук: 08.00.05 / ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». М., 2022.

Введение

Каждая компания имеет широкий круг стейкхолдеров, каждый из которых заинтересован в оценке состояния ее бизнеса, но имеет свой, специфичный круг интересов и, соответственно, задач при проведении таких оценок. Кроме того, задачи стейкхолдеров меняются в зависимости от жизненного цикла компании (далее – ЖЦО). Все это требует разработки специализированных подходов к оценке разными стейкхолдерами состояния бизнеса. Целью настоящего исследования является разработка инструментария, позволяющего принимать обоснованные решения при оценке основными стейкхолдерами – собственником, кредитором, арбитражным управляющим и инвестором – состояния компании и ее бизнеса с целью антикризисного управления.

С точки зрения антикризисного управления, для *собственника (или руководителя компании) и кредитора* на всех стадиях ЖЦО критически важным является своевременное улавливание слабых сигналов ухудшения финансового состояния компании и снижения ее устойчивости для принятия оперативных мер по предотвращению развития кризиса и наступления неплатежеспособности. В стадии спада и кризиса компании дополнительный интерес к ней может появиться у внешних *инвесторов* (конкурентов, вертикально связанных структур (поставщиков, потребителей), других рыночных игроков), которые рассматривают подобные компании как инвестицию, позволяющую укрепить свое рыночное положение, получить синергетический эффект. Если кризис в компании все же перерастает в судебную процедуру банкротства, основные аналитические функции, согласно Закону «О несостоятельности (банкротстве)»[2], начинает выполнять *арбитражный управляющий*, одновременно исполняющий роль официального посредника в переговорах между должником и кредиторами. В отличие от первых трех категорий субъектов анализа, арбитражный управляющий опирается на принятые 20 лет назад нормативные правила, содержащие устаревшую и ограниченную методику анализа состояния компании-должника.

В данной связи представляется целесообразным систематизировать задачи перечисленных экономических субъектов на разных стадиях ЖЦО и выделить соответствующий им аналитический инструментарий (см. табл. 1).

[2] Федеральный закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Таблица 1

Задачи анализа для различных групп стейкхолдеров на разных стадиях жизненного цикла компании

Стейк-холдер	Стадии ЖЦО, где проводится анализ	Задачи анализа
Собственник, менеджер	Все стадии: становление рост → зрелость → спад → кризис: трансформация/банкротство	Своевременное выявление сигналов ухудшения состояния и принятие оперативных мер по недопущению развития кризиса или его смягчению/преодолению
Банк-кредитор	Все стадии: становление → рост → зрелость → спад → кризис: трансформация/ банкротство	Анализ заемщика на предмет определения: • кредитоспособности (этап выдачи кредита – на любой стадии ЖЦО); • соответствия показателей заемщика плановым (этап распоряжения кредитом – любая стадия ЖЦО); • степени проблемности (этап развития трудностей с погашением кредита) (стадии – спад, кризис); • дальнейшей стратегии работы с заемщиком (с учетом степени проблемности и его перспектив) (стадия кризиса)
Арбитражный управляющий	Банкротство (реорганизация/ ликвидация)	Анализ финансового состояния должника в первой процедуре банкротства: • определение причин неплатежеспособности; • анализ сделок для выявления признаков преднамеренного банкротства; • определение характера введения последующих процедур (ликвидация или реабилитация). Дополнительно: выявление признаков объективного банкротства в случае появления оснований для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности
Потенциальный инвестор в проблемный бизнес	Спад → кризис: трансформация/ банкротство	• оценка целесообразности слияния/присоединения проблемной компании; оценка стоимости восстановления бизнеса и интеграционных мер; • оценка синергетического эффекта от объединения бизнеса.

Источник: составлено автором.

Рассмотрим подробнее проявление индикаторов снижения устойчивости бизнеса компании и ухудшения ее финансового состояния на разных стадиях ее жизненного цикла.

Признаки ухудшения финансового состояния компании на разных стадиях жизненного цикла

В стадии *становления* у компании могут возникнуть симптомы угрозы неплатежеспособности, связанные с малой изученностью «ближнего окружения» (поставщиков, покупателей и других контрагентов), с сохранением убыточности и низких денежных потоков дольше расчетного периода, увеличением запасов из-за неумелого управления оборотным капиталом, с ростом дебиторской задолженности из-за мягкой кредитной политики, а вслед за ней – кредиторской задолженности, с низкой ликвидностью, неадекватным управлением инвестиционными проектами, ошибочной оценкой перспектив рынка для освоения нового бизнеса (невостребованность продукции), прочее.

В стадии роста сигналы потери устойчивости могут быть связаны прежде всего с переоценкой собственной рыночной ниши, непродуманными расходами, неоправданно амбициозными инвестиционными проектами, дальнейшим увеличением долговой нагрузки, нерелевантными изменениями организационной структуры, переоценкой собственником административного ресурса.

В стадии *зрелости* или аристократизма[3] даже на устойчивую крупную компанию могут повлиять макроэкономические и политические изменения, высокие управленческие расходы, возникновение излишних производственных мощностей, отсутствие адекватного управления непрофильными активами, общая инертность управления, в том числе медленное реагирование на изменения рынка, наличие разногласий и конфронтации между акционерами/топ-менеджментом, увеличение доли финансовых вложений в аффилированные компании, нарастание непрозрачности в группе компаний и появление новых фирм, роль которых в деятельности всей группы не ясна.

Табл. 1 показывает, что стадии *спада и кризиса* в развитии компании представляют интерес для всех выделяемых категорий стейкхолдеров, однако каждая группа преследует свои собственные задачи. Так, в стадии спада представители банка-кредитора должны быть готовы улавливать такие сигналы изменения состояния заемщика, как падение

[3] Согласно типологии, предложенной И. Адизесом, стадия аристократизма, помимо снижения мотивации и инертной «работы как обычно», предполагает наличие значительных оборотных средств, что делает организацию привлекательным объектом для поглощения. Подробнее см.: [7].

Таблица 2

Индикаторы и инструментарий анализа состояния проблемной компании для разных стейкхолдеров

Стейк холдер	Индикаторы состояния бизнеса	Инструментарий анализа
Собственник, менеджер	• Рыночные, операционные, инвестиционные, финансовые, управленческие и организационные признаки снижения устойчивости. • Индикативная база моделей прогнозирования банкротства	*Анализ «собственными силами»*: • горизонтальный (временной), вертикальный (структурный), трендовый, анализ относительных показателей, сравнительный, факторный; • оценка взаимовлияния внешней и внутренней среды бизнеса: SWOT-анализ, модель 5 сил конкуренции Портера [19], метод SPACE [6; 13; 23], сценарный анализ [18; 21; 22] и т. д.; • модели прогнозирования банкротства. *Инструменты привлеченных консультантов*: аудит и оценка в соответствии со стандартами профессиональной деятельности
Банк-кредитор	*На этапе выдачи кредита*: установленные банком индикаторы кредитоспособности *После выдачи кредита*: все стадии ЖЦО: – рыночные триггеры; – процессные триггеры; – ресурсные триггеры; – финансовые триггеры	*На этапе выдачи кредита*: внутренние скоринг-системы банка *После выдачи кредита* – все стадии ЖЦО: комбинация экспресс-анализа и углубленного анализа на основе системы сбалансированных показателей.
Арбитражный управляющий	Динамика ухудшения показателей, закрепленных в нормативных документах	Коэффициентный анализ по нормативным методикам
Потенциальный инвестор в проблемный бизнеса	• Финансовые / нефинансовые выгоды инвестора от присоединения. • Альтернативные издержки – потери, если не участвовать. • Стоимость бизнеса: до покупки / на момент сделки; стоимость объединенной компании	Инструментарий привлеченных консультантов для проведения due diligence (комплексной проверки): аудиторов, оценщиков, юристов, финансовых консультантов и т. д., которые исходят из установленных стандартами процедур

Источник: составлено автором.

выручки (по внешним и внутренним причинам); снижение EBITDA, денежного потока от операций; сокращение стоимости залога, увеличение запасов готовой продукции в связи с ее неликвидностью; рост долговой нагрузки; понижение кредитного рейтинга заемщика; изменения в составе собственников и/или топ-менеджмента; наличие разногласий и конфронтации между акционерами/топ-менеджментом; поступление негативной информации о деловой репутации заемщика; предъявление к заемщику исков третьими лицами; непрозрачное изменение организационной структуры заемщика; отзыв (окончание срока) разрешительной документации/лицензии на осуществление основного вида деятельности; снижение административного ресурса; увеличение доли финансовых вложений в аффилированные компании, дебиторской/кредиторской задолженности аффилированных компаний; нарастание непрозрачности в группе компаний; снижение возможности осуществления контроля за заложенным имуществом.

В систематизированном виде индикаторы и инструменты анализа описаны в табл. 2.

Следует подробнее остановиться на особенностях анализа, свойственных для каждой категории стейкхолдеров.

Индикативная база снижения финансово-экономической устойчивости и методы анализа в соответствии с задачами *собственника и менеджмента*

Для собственника и топ-менеджеров компании обязательным условием является отслеживание симптомов неплатежеспособности с точки зрения рыночных, операционных, инвестиционных, финансовых, управленческих и организационных признаков:

- рыночные: негативные макроэкономические и геополитические тренды (колебания курсов валют, сокращение доступа к импортному сырью за счет санкций, изменение государственного регулирования в сфере деятельности и проч.), изменения на отраслевом рынке продукции (услуг) компании (активизация конкурентов, угрожающая потерей сегмента, сокращение доли рынка вследствие изменения предпочтений или покупательной способности потребителей, разрыв длительных контрактов, в т. ч. по госзаказам), увеличение зависимости от узких групп покупателей и поставщиков, изменение объемов поставок сырья. Несмотря на некоторое сходство с рыночными триггерами, представленными в данной статье далее для кредиторов, важно понимать, что взгляд собственника здесь отличается. Кредиторы заинтересованы как минимум в сохранении позиций бизнеса заемщика, объявленных на этапе получения кредита. Для собственника, смотрящего

в будущее, такое сохранение и выживание может грозить застоем и спадом, тогда как реализация новых инвестиционных проектов – являться обязательным условием необходимого перехода к следующей фазе жизненного цикла организации за счет расширения, масштабирования ее деятельности, преодоления угроз. Исходя из этого, дополнительным признаком потери устойчивости будет являться невозможность такого перехода, высокая опасность потери достигнутых позиций;

- операционные: падение выручки, рост себестоимости, управленческих и коммерческих расходов, увеличение запасов готовой продукции, сырья и материалов, возникновение чрезвычайных ситуаций на производстве;
- инвестиционные: невыполнение в срок инвестиционного проекта, неполучение от него предполагаемой отдачи, выявление несоответствия срока кредита и окупаемости инвестиционного проекта, недостаточность его ресурсной базы;
- финансовые: увеличение дебиторской задолженности, рост кредиторской задолженности и общей долговой нагрузки, изменение доли валютного долга и валютных расходов по отношению к доле валютной выручки, сокращение рыночной стоимости имущества, падение стоимости акций, увеличение доли финансовых вложений в аффилированные компании, объема дебиторской/кредиторской задолженности аффилированных компаний.

Для повышения качества анализа состояния компании собственники и инвесторы часто прибегают к услугам консультантов – аудиторов, оценщиков и т. д., которые используют установленные профессиональными стандартами правила. При этом часть инструментов носит довольно общий характер и (сознательно или неосознанно) используется аналитиками для разных целей. К таким правилам относятся, например, Международный стандарт аудита 520 «Аналитические процедуры»[4], в котором установлены принципы анализа, используемые не только при аудите, но и при оценке бизнеса, проведении процедур дью-дилидженс (Due Diligence), установлении рейтинга, проч.: использование консолидированной финансовой отчетности, ее компонентов и отдельных элементов информации в качестве информационной базы; учет не только финансовой, но и нефинансовой информации, включая сопоставление ее элементов между собой; сравнение показателей фирмы как с внутренней динамикой, так и со среднеотраслевыми значениями; выявление отклонений от ожидаемых показа-

[4] Международный стандарт аудита 520 «Аналитические процедуры» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 09.01.2019 № 2н). П. 4.

телей (бюджетов и прогнозов, а также ожиданий аудитора); возможности применения различных методов (от простого сопоставления до комплексного анализа с применением передовых статистических методик).

Справедливо заметить, что подход к анализу со стороны собственника/менеджмента фирмы, проводимый «собственными силами» без привлечения консультантов, также исходит из принципов, аналогичных указанным в Международных стандартах аудита, однако редко опирается на упомянутые методики. Обобщая эмпирические методы анализа, описанные в третьем столбце табл. 2, возможно предложить для собственников следующую группировку методов, позволяющих своевременно выявлять признаки ухудшения финансового состояния бизнеса:

- расчетно-аналитический метод, включающий проведение экономического анализа и статистических расчетов для выявления причинно-следственных связей, определения качественных и количественных характеристик исследуемых операций, не содержащихся непосредственно в исходной информации;
- метод системного анализа, предполагающий изучение объекта анализа как совокупности элементов, образующих систему, с целью выявления всех факторов, влияющих на его функционирование;
- моделирование посредством изучения самого объекта и создания модели, которая содержит существенные черты и признаки оригинала.

Таким образом, по нашему мнению, современная индикативная база снижения финансово-экономической устойчивости и появления угрозы несостоятельности, с учетом описанных методов анализа для целей собственника/менеджмента, может быть охарактеризована наличием системы индикаторов в рамках *двух методических подходов*:

1) формально закрепленные бухгалтерские методики, используемые аудиторами (установлены нормативными документами 2002–2006 гг.);
2) инструментарий моделей диагностики банкротства и предупреждения несостоятельности [17; 24]. Однако проведенный нами анализ [11] показывает, что использование моделей для российских компаний [2; 8] имеет существенные ограничения: невозможность предвидеть воздействие внешних и внутренних неформальных факторов, проявляющихся нерегулярно, не подверженных экстраполяции, неодинаково воздействующих на разные компании; необходимость учета экономических условий национальной экономики, стандартов отчетности, уровня доступности разноплановых данных; невозможность создания

индикативной базы снижения устойчивости, универсальной для любого бизнеса ввиду высокой изменчивости условий функционирования бизнеса в России.

Остальные применяемые эмпирические методы анализа не могут быть унифицированы с точки зрения используемых показателей, но, безусловно, в различных комбинациях включают большинство из рассматриваемых ниже финансовых и нефинансовых индикаторов, позволяют получить некоторую оценку платежеспособности бизнеса.

Стратегическая карта триггер-анализа проблемного заемщика *кредитором*

Для кредитора важно отслеживать ухудшение платежеспособности заемщика до наступления крайней фазы, когда погашение обязательств становится для заемщика непосильным и тем самым ограничивает денежные поступления кредитора по основной сумме долга и процентам. Системные кредиторы, к которым можно отнести кредитные организации (банки), в современных условиях меняют модель взаимодействия с кризисными фирмами-заемщиками, трансформируя политику по управлению проблемной задолженностью в сторону участия банка в антикризисном управлении таким проблемным бизнесом, если он имеет соответствующий потенциал.

Кризис может нести положительное начало как для самого заемщика, так и для банка-кредитора. Компанию он может подтолкнуть к нововведениям (обновлению ассортимента и самого производства, выходу на новые рынки, изменениям в управлении, прочее). Для банка положительный эффект кризиса заемщика имеет опосредованное значение: приобретение нового опыта, обучение, выявление проблемных, нелояльных клиентов и избавление от них, обрастание новыми деловыми связями, совершенствование навыков улавливания индикаторов кризиса, прочее. Для банка важно различать кризис и кризисную ситуацию в компании-заемщике. Так, «кризисом» считается состояние неплатежеспособности и возникновение высокой вероятности банкротства, тогда как «кризисная ситуация» представляет собой угрозу развития кризиса и проявляется локально в какой-либо обособленной сфере деятельности заемщика. В этом случае задачей банка-кредитора становится своевременное реагирование на сигналы развития кризисных ситуаций, чтобы не допустить полномасштабного кризиса в компании-заемщике или смягчить его последствия.

Обычно внутри банка процесс мониторинга состояния заемщиков возлагается на специальный департамент, где осуществляется техническая работа: программные продукты и алгоритмы автоматически отслеживают изменение основных финансовых показателей заемщика

по периодам, когда тот предоставляет обновленную отчетность. Помимо отслеживания финансовых ковенантов, банки уделяют внимание контролю за состоянием предмета залога, т. к. обеспечение при выдаче кредита является основным способом хеджирования рисков.

По нашему мнению, работа банков по отслеживанию состояния заемщиков может основываться на предлагаемой нами двухуровневой модели анализа проблемного заемщика для выбора банком дальнейшей стратегии работы, основанной не только на отслеживании финансовых ковенантов, но и учитывающей рыночные факторы и возможности, влияющие на бизнес заемщика. Модель триггер-анализа проблемного заемщика интегрируется в специальную стратегическую карту и включает следующие два уровня:

1.Экспресс-диагностика, позволяющая в первом приближении понять ситуацию и выбрать тактику управления: определение добросовестности (недобросовестности) владельца бизнеса заемщика и его готовности (неготовности) сотрудничать → определение типа бизнес-модели заемщика (многофакторная/однофакторная[5]) → выявление наличия (отсутствия) фактической деятельности → категоризация заемщика по степени кризиса (низкая / средняя/высокая).

2. Расширенный триггер-анализ проблемности заемщика, позволяющий банку подобрать управленческий инструментарий для дальнейшей работы с заемщиком: определение ключевых показателей, которые также являются и точками контроля при мониторинге заемщика → выявление соответствующих триггеров проблемности, приведших к кризису (по 4-м блокам, более детально см. ниже) → формирование выводов о возможности (невозможности) продолжения функционирования бизнеса заемщика и целесообразности оказания поддержки со стороны банка-кредитора (на основе ответов на конкретные вопросы) → определение этапов антикризисного управления и приблизительная оценка их стоимости для банка.

Содержание основных 4-х блоков триггер-анализа основывается на комплексном подходе, зафиксированном в системе сбалансированных показателей (BSC) [9], что позволяет отслеживать основные возможные триггеры проблемности по четырем основным направлениям:

[5] *Многофакторная масштабируемая модель* – бизнес зарабатывает за счет комбинации нескольких видов ресурсов, например, «продающего» бренда / присутствия на растущем популярном рынке / низких затрат / инновационных технологий / наличия адекватной управленческой модели. *Однофакторная немасштабируемая модель* – бизнес функцио-нирует за счет одного ресурса, потеря которого приведет к невозможности успешно продолжать деятельность (например, административный ресурс либо связанный с личностью собственника или высшего руководства компании (включая его личный профессиональный опыт, квалификацию, репутацию, бренд)).

1. Рыночные триггеры целесообразно выявлять после изучения конкурентной среды, клиентских сегментов, соответствия деятельности заемщика среднерыночным показателям, определения драйверов роста рынка, на котором работает заемщик.

2. Ресурсные триггеры следует определять на основе исследования ресурсов, которыми располагает заемщик, что включает: состав и состояние материальных (внеоборотных и оборотных) и нематериальных активов, группировку активов с точки зрения их востребованности в основной деятельности заемщика и их ликвидности, изучение состояния трудовых ресурсов, оценка поведения собственника (менеджмента) заемщика на предмет добросовестности, определение значения административного ресурса в работе заемщика. Особое внимание имеет юридический аудит прав заемщика на объекты имущества, а также оценка состояния предмета залога.

3. Процессные триггеры можно выявлять на базе изучения основных бизнес-процессов заемщика (закупки, технологический процесс, организация хранения и сбыта готовой продукции, управление и контроль, ведение маркетинговой и инвестиционной деятельности, IT-обеспечение бизнес-процессов).

4. Финансовые триггеры могут быть обнаружены на основе изучения динамики финансовых результатов заемщика, особенностей формирования финансовых потоков при наличии аффилированных лиц, анализа движения денежных средств с расшифровкой расходов, анализа динамики рентабельности продаж, активов и инвестиций заемщика в сравнении со среднерыночными показателями, изучения структуры источников финансирования деятельности заемщика и основных финансовых коэффициентов долговой нагрузки, ликвидности и финансовой устойчивости. Конкретный перечень финансовых показателей может варьироваться как в зависимости от внутренних регламентов банка, так и от сферы, в которой работает заемщик. Так, например, Базельский комитет по банковскому надзору рекомендует использование показателей финансового левереджа, долг/EBITDA, коэффициент покрытия процентов (ICR), коэффициента текущей ликвидности, коэффициент «кредит/залог» (LTV)[6] для компаний, не занятых в сфере ритейла; а для заемщиков-ритейлеров в расчет следует принимать коэффициент обслуживания долга (DSCR)[7], LTV, оценку по скоринговым моделям [20].

---

[6] Loan-to-Value, LTV / Финансовый словарь Ассоциации российских банков. https://arb.ru/b2c/dictionary/ltv-loan-to-value-ratio-422836/ (дата обращения: 07.08.23).

[7] Debt Service Coverage Ratio, DSCR / Финансовый словарь Ассоциации российских банков. https://arb.ru/b2c/dictionary/dscr-debt-service-coverage-ratio-422829/?sphrase_id=742998 (дата обращения: 07.08.23).

Унификация анализа на основе предложенной модели способствует решению внутренней управленческой проблемы банков, связанной с разобщенностью подразделений, ответственных за выдачу кредитов, мониторинг, оценку рисков, работу с проблемными активами: каждое из них мотивировано на достижение собственных целей и применяет специфичный инструментарий анализа. Обмен опытом внутри подразделений, ознакомление со стратегической картой на разных уровнях может увеличить эффективность работы банка по предотвращению и управлению проблемной задолженностью.

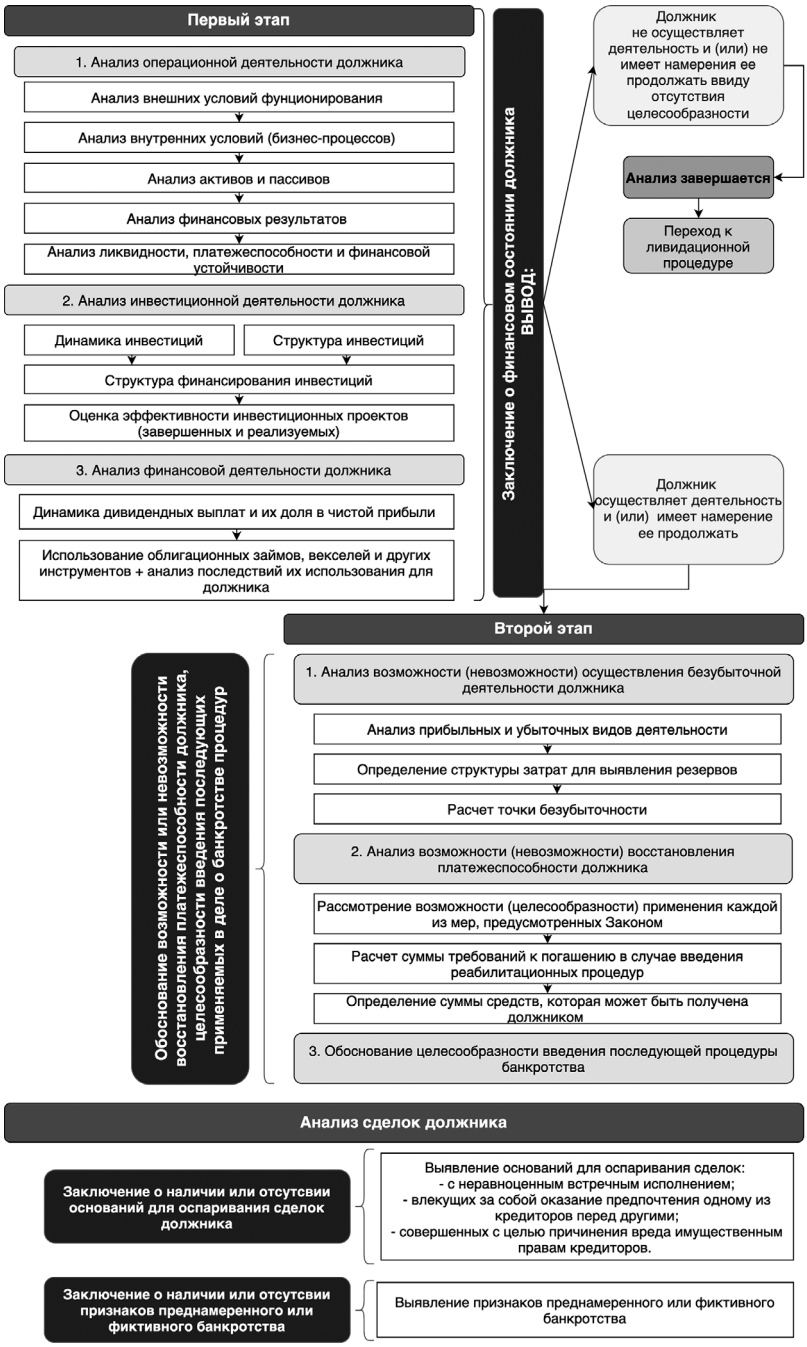
Модификация алгоритма анализа финансового состояния и сделок должника *арбитражным управляющим*

Недостатки действующих Правил анализа, которыми обязан руководствоваться арбитражный управляющий, широко описаны в литературе [3; 14; 15]. Для арбитражного управляющего нами предлагается новая концепция анализа финансового состояния и сделок должника в процедурах банкротства на основе комбинированной модели, которая позволяет сосредоточиться на выявлении причин несостоятельности и предпосылок, при которых бизнес должника может возродиться с учетом рыночного и ресурсного потенциала, либо точнее определить размер конкурсной массы при ликвидации[8]. Концепция описывает задачи анализа в каждой из процедур, содержит двухступенчатый подход к обязательному базовому анализу, раскрывает алгоритм его проведения (см. рис. 1), включает механизм анализа сделок на базе технологий финансовых расследований недобросовестного поведения менеджмента должника [12] и рассматривается как основа для корректировки существующих Правил анализа.

Предлагаемый подход доведен до практического алгоритма: описывает процедуры анализа по каждому разделу, включает типовые формы заключений арбитражного управляющего, обеспечивает унификацию формата представления данных в виде таблиц и ответов на вопросы, которые помогают сделать выводы с учетом отрасли, масштаба и рода деятельности должника.

Принятие разработанной концепции в формате рекомендаций (а не федерального стандарта) позволит подстраивать методику ана-

[8] Подход апробирован автором статьи при работе над проектом Федерального стандарта «Правила проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника», одобрен профессиональным сообществом и имеет высокий потенциал для применения на практике.

*темно-серый цвет – этапы анализа, черный – типовые формы завершающих документов в соответствии с Законом.

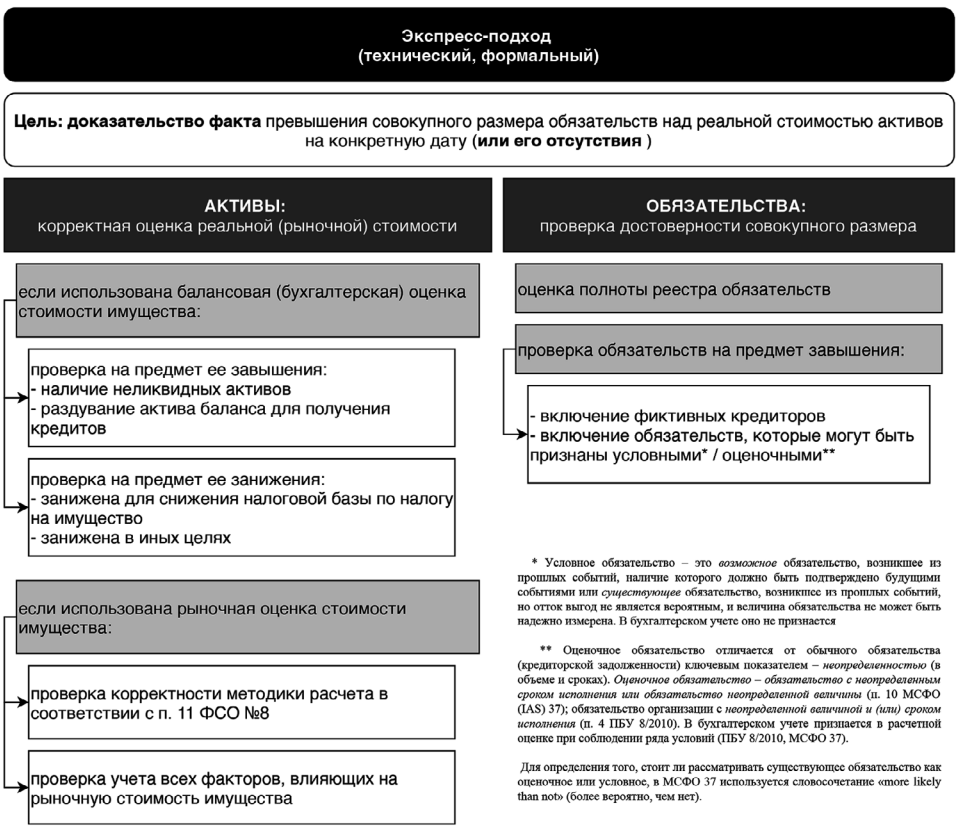
Источник: составлено автором.

Рис. 1. Алгоритм анализа финансового состояния компании-должника арбитражным управляющим

лиза под конкретного должника, даст аналитику больше степеней свободы, оставляя окончательный выбор инструментария на усмотрение арбитражного управляющего – исходя из задач анализа в конкретной процедуре, необходимости соблюдения принципов полноты и достоверности, особенностей предпринимательской деятельности должника и самого процесса банкротства.

Предлагаемый нами методический подход к распознаванию признаков объективного банкротства содержит 2 этапа: «экспресс-подход» (формальный, технический), вытекающий непосредственно из определения (см. рис. 2), и «углубленный» (расширенный), раскрывающий причины объективного банкротства и позволяющий установить момент его наступления (см. рис. 3).

Основной сложностью на 1-м этапе является оценка реальной (рыночной) стоимости имущества, т. к., согласно нормативному акту, привлечение оценщика для определения признаков объективного банкротства необязательно.

Источник: разработано автором.

Рис. 2. Схема экспресс-подхода к выявлению объективного банкротства.

Углубленный подход

Цель: выявление причин превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью активов на конкретную дату и **определение даты** наступления объективного банкротства

Шаг 1.
Анализ финансового состояния должника, выявление **периодов ухудшения** показателей и **начала превышения** совокупного размера обязательств над реальной стоимостью активов

1. Выделение обобщающих (результирующих) показателей*	
прибыль (убыток)	соотношение заемных и собственных средств
выручка	прибыль до вычета процентов, налогов и амортизации EBITDA
размер и состав активов / обязательств	соотношение дебиторской и кредиторской задолженности

2. Интегральная оценка результатов деятельности компании в динамике не менее, чем за 3 года до подачи заявления о банкротстве

расчет и анализ динамики:

результирующих валовых (стоимостных) показателей*	выявление трендов роста/падения к предыдущему периоду
	выявление трендов отставания от экономически обоснованного плана
относительных показателей (коэффициентов)	выявление отличий от "нормативов": - плановых величин показателей, рассчитанных самой компанией - установленных кредитором / банком показателей устойчивости

3. Определение реальной стоимости имущества

п. 11 Федерального стандарта оценки №8:
стоимость предприятия = приведенная рыночная стоимость всех активов МИНУС приведенная стоимость обязательств

4. Определение наличия (отсутствия) заключенных договоров

Оценка текущих и будущих денежных поступлений по договорам, заключенным должником со стороны исполнителя (при наличии)	Оценка текущих и будущих денежных выплат по договорам, заключенным должником со стороны заказчика (при наличии)

Шаг 2.
Выявление **причин ухудшения** финансового состояния компании и их группировка

1. Группировка причин объективного банкротства	
внешние / внутренние	правовые / социально-экономические / техногенные / финансовые
поведенческие (модели действий участников процесса банкротства при ухудшении финансового состояния)	

2. Ранжирование причин (при необходимости)	
по частоте возникновения	по степени ущерба

Шаг 3.
Анализ сделок, которые могли способствовать наступлению объективного банкротства

1. Сбор и формирование массива сделок, совершенных должником в исследуемом периоде

2. Выделение сделок, которые могли оказать существенное влияние на структуру баланса и платежеспособность должника

сделки с заинтересованностью	крупные сделки	договоры залога
договоры поручительства	выданные гарантии	сделки с имуществом должника
кредитные договоры, договоры займов	подозрительные сделки, совершенные в ходе основной деятельности	

Шаг 4.
Оценка действий руководителя **

1. Проверка наличия экономически обоснованной системы мер (плана) - в соответствии с причинами кризиса (Шаг 2)	
Меры по снижению кредиторской задолженности / запасов / убытков	Оценка рентабельности в разрезе сделок на этапе рассмотрения предложений заказчиков
Меры по улучшению сбора дебиторской задолженности / инициация своевременного проведения претензионно-исковой работы по взысканию просроченной дебиторской задолженности	Отказ от заведомо убыточных договоров
	Формирование сбалансированной производственной программы
Отказ от субподряда: выполнение работ собственными силами меньшей численности для увеличения производительности труда	Продолжение перечисления зарплат и исполнения прочих социальных обязательств перед работниками
Сокращение кассового разрыва, в т.ч. за счет пересмотра условий договоров (уменьшения оборачиваемости дебиторской задолженности и увеличения сроков оборачиваемости кредиторской задолженности)	Оптимизация технических ресурсов
	Снижение численности административно-управленческого персонала

2. Проверка наличия аргументированного расчета на преодоление проблем в разумный срок на основе плана ***

3. Проверка реальных усилий руководителя, направленных на исправление ситуации

Окончание и подрисуночная подпись Рис. 3 см. на с. 104.

Окончание рис. 3

* Перечень показателей варьируется в конкретных случаях. Периодичность их расчета зависит от доступности информации, вида деятельности компании, но при выявлении «подозрительного» периода (например, года) внутри этого периода рекомендуется рассмотреть динамику с «шагом» 1 месяц.
** Оценка действий руководителя: добросовестность, разумность действий, адекватность поведения с точки зрения среднестатистического руководителя. На схеме указаны встречающиеся примеры антикризисных мер.
*** Например, взаимосвязь с п. 4 Шага 1 по проверке наличия заключенных на перспективу договоров: если они рентабельны (п. 1 Шага 5), прогнозируются поступления от заказчиков, а расчет считается аргументированным.
Источник: составлено автором.
Рис. 3. Схема реализации углубленного (расширенного) подхода к выявлению причин и установлению момента объективного банкротства должника.

Установленная на 2-м этапе дата используется для расчета суммы субсидиарной ответственности руководителя за несвоевременную подачу (неподачу) заявления о банкротстве.

Методика определения «объективного банкротства», по нашему мнению, должна стать составной частью рекомендаций (или стандарта) по проведению финансового анализа должника арбитражным управляющим. Разработанный алгоритм подходит для интеграции в нормативные документы.

Модель сценарной оценки целесообразности приобретения проблемного бизнеса *потенциальным инвестором*

В оздоровлении проблемного бизнеса могут участвовать не только кредиторы компании-должника, но и потенциальные инвесторы, для которых предлагается модель сценарной оценки приобретения проблемного бизнеса. Модель позволяет сопоставлять затраты на его покупку, восстановление и интеграцию в основной бизнес с потенциальным синергетическим эффектом, стоимостью объединенного биз-

неса через 1, 3, 5, 10 лет и оценкой стоимости компаний по отдельности (без слияния/присоединения). Модель включает три этапа:

1) оценка целесообразности сделки: диагностика состояния компании-цели → выявление рисков и угроз → разработка стратегии и плана первоочередных действий → определение ключевых факторов успеха интеграции и критериев его достижения → фиксация сроков, этапов, точек контроля → оценка финансовых возможностей инвестора на покупку «цели» и осуществление интеграции;

2) оценка стоимости восстановления бизнеса и интеграционных мер с учетом периода реализации. Первая часть такого плана – антикризисная, направленная на стабилизацию приобретаемого проблемного бизнеса: реновацию внеоборотных активов, модификацию управления оборотными активами, улучшение бизнес-процессов, кадровые перестановки, активизацию рыночного потенциала, корректировку управления финансовыми потоками, привлечение административных ресурсов. Вторая часть плана – интеграционная, включает комплекс взаимозависимых управленческих мер, действующих в восьми перспективах: рыночной, ресурсной, процессной, менеджериальной, кадровой, финансовой, безопасности, ESG для устойчивого развития. При разработке плана следует использовать возможности сетевого подхода к разработке антикризисных программ [1; 4; 16];

3) оценка синергетического эффекта от объединения бизнесов: выявление формы и факторов синергии, расчет стоимости объединенного бизнеса и сравнение со стоимостью каждой компании до слияния → расчет чистого выигрыша для инвестора по формуле:

$$NPV_{\text{проекта}MA} = NPV_{AB_t} - NPV_{A_t} - \sum Cost_{B_t} * DF - V_{B_0},$$

где: NPV_{AB_t} – приведенная стоимость объединенной компании АВ через t лет; NPV_{A_t} – приведенная стоимость компании-покупателя А через t лет в случае, если бы сделка по присоединению фирмы В не состоялась (альтернативная стоимость); $\sum Cost_{B_t} * DF$ – дисконтированная стоимость затрат на интеграцию (ежегодные выплаты в течение t лет за услуги привлеченных консультантов, юристов, оценщиков, аудиторов, затраты на переобучение персонала и проч. – в соответствии с планом интеграции); DF – коэффициент дисконтирования по ставке альтернативной стоимости капитала (средневзвешенная других рыночных возможностей при отсутствии затрат на интеграцию); V_{B_0} – единовременные затраты на приобретение компании В в момент сделки.

Выигрыш предлагается выразить через расчет приведенной стоимости объединенной компании (через 1, 3, 5, 10 лет) за минусом

затрат на приобретение неблагополучной компании-цели в момент сделки и стоимости прежнего бизнеса инвестора (через те же временные интервалы) в альтернативном варианте – если бы сделки не было. Подобное сравнение дает возможность оценить рост стоимости бизнеса инвестора без приобретения проблемной компании и увидеть наличие (или отсутствие) эффекта от сделки при расчете стоимости объединенного бизнеса с учетом понесенных затрат.

Заключение и рекомендации

Предпринятое исследование позволило разработать независимые алгоритмы оценки состояния бизнеса для четырех основных стейкхолдеров компании с учетом стоящих перед ними задач на разных стадиях жизненного цикла организации:

- для собственника и менеджмента компании – уточненную индикативную базу аудита состояния бизнеса;
- для кредитора – стратегическую карту анализа проблемного заемщика, включающую экспресс-диагностику и расширенный триггер-анализ, которая позволяет выявить признаки проблемности и потенциальные драйверы антикризисного управления бизнесом;
- для арбитражного управляющего – модифицированный алгоритм анализа финансового состояния и сделок должника, включающий выявление признаков «объективного» банкротства;
- для потенциального инвестора – модель сценарной оценки приобретения проблемного бизнеса, включающую сопоставление затрат на его покупку, восстановление и интеграцию с расчетным синергетическим эффектом и стоимостью объединенного бизнеса.

В агрегированном виде *собственники и менеджеры* компаний при мониторинге финансового состояния бизнеса используют расчетно-аналитический метод, метод системного анализа и моделирование. Они опираются на систему операционных, инвестиционных, финансовых, управленческих и организационных признаков снижения устойчивости бизнеса, а также на индикативную базу моделей диагностики банкротства, производя анализ как собственными силами, так и с привлечением консультантов (аудиторов, оценщиков).

Предлагаемая нами *для кредиторов* двухуровневая модель анализа бизнеса заемщика, выраженная в форме стратегической карты, представляет собой комплексный инструмент работы с проблемной задолженностью. На этапе экспресс-диагностики состояния бизнеса это позволяет оценить как готовность (или неготовность) собственника к оздоровлению при участии банка, так и наличие активов для этого.

На втором уровне стратегическая карта позволит кредитору отследить рыночные, ресурсные, процессные и финансовые триггеры проблемности заемщика, на этой основе выявить доступные направления восстановления бизнеса (или их отсутствие) и выбрать адекватную стратегию работы с проблемным заемщиком.

Действующий формальный подход к анализу *арбитражными управляющими* не всегда позволяет верно определить факт потери платежеспособности компанией, время и причины ее наступления. Получается, что обязанность арбитражного управляющего обосновать переход к той или иной дальнейшей процедуре банкротства во многих случаях трудно выполнима, так как установленная методика не позволяет четко выявить правовые и экономические критерии для применения мер восстановления к должнику. Предлагаемая новая концепция анализа финансового состояния должника в процедурах банкротства призвана сохранить все положительное из действующих Правил анализа (комплексность, системность) но и развить данные подходы с учетом накопленного опыта и правоприменительной практики в целях стимулирования реабилитационного потенциала банкротства. Обновление подхода к анализу также продиктовано продолжающимся интенсивным реформированием смежной регуляторной базы.

Интерес к проблемному бизнесу как накануне, так и в процедуре банкротства, может проявить и *потенциальный инвестор*. Для него предлагается сценарная модель оценки, позволяющая рассчитать выгоду, альтернативные издержки, стоимость бизнеса (до покупки, на момент сделки и после объединения), и отдельные финансовые индикаторы, выявленные консультантами в ходе экспресс-анализа состояния проблемного бизнеса.

Дифференциация подходов при оценке состояния компании позволяет применять инструменты, в наибольшей степени отвечающие задачам разных стейкхолдеров для принятия более обоснованных управленческих решений на разных стадиях жизненного цикла бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аньшин В.М.* Системный подход в управлении трансформационными программами в компании // Научные исследования и разработки. Российский журнал управления проектами. 2016. Т. 5. № 2. С. 3–20.
2. *Ариничев И.В., Матвеева Л.Г., Ариничева И.В.* Прогнозирование банкротства организации на основе метрических методов интеллектуального анализа данных // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. № 1. С. 61–73.
3. *Бобылева А.З.* Проект Федерального стандарта проведения арбитражным управляющим анализа финансового состояния должника // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2016. № 2 (95). С. 43–47.

4. *Бобылева А.З., Львова О.А.* Управление трансформационными программами слияний и присоединений с участием проблемных компаний // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2019. Т. 18. № 4. С. 483–509.
5. *Бобылева А.З., Львова О.А.* Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. № 1. С. 22–39.
6. *Гришина С.А., Горбунова О.А.* SPACE-анализ как метод оценки действующей стратегии в организации //Вестник современных исследований. 2018. №. 9.4. С. 76–79.
7. *Ивашковская И.В., Константинов Г.Н., Филонович С.Р.* Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 4. С. 19–34.
8. *Казаков А.В., Колышкин А.В.* Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. №. 2. С. 241–266.
9. *Ивлев В., Попова Т.* Система сбалансированных показателей (balanced scorecard, BSC) // Менеджмент сегодня. 2001. №. 4. С. 24–33.
10. *Карелина С.А.* Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. 2020. № 3. С. 32–47.
11. *Львова О.А.* Возможности и ограничения применения моделей диагностики банкротства для предупреждения несостоятельности // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2021. № 4. С. 73–94.
12. *Львова О.А.* Роль инструментария финансовых расследований в процедурах банкротства компаний // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 125–140.
13. *Маракулина И.В., Анфертьева Н.И.* Применение методов стратегического анализа при обосновании конкурентной стратегии организации // Концепт. 2013. № 8 (24). С. 26–30.
14. *Покровская Н.В., Львова Н.А.* Финансовый анализ неплатежеспособных предприятий: роль бухгалтерской и налоговой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2015. № 14. С. 30–40.
15. *Рудакова О.Ю., Рудакова Т.А.* Полнота и достоверность финансового анализа должника в процедурах банкротства // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2013. № 1. С. 76–83.
16. *Anshin V., Bobyleva A.* The digital transformation program management in medium-sized businesses: a network approach // Serbian Journal of Management. 2021. Т. 16. № 1. С. 147–159.
17. *Bellovary J.L., Giacomino D.E., Akers M.D.* A review of bankruptcy prediction studies: 1930 to present // Journal of Financial education. 2007. С. 1–42.
18. *Borgonovo E., Plischke E.* Sensitivity analysis: A review of recent advances // European Journal of Operational Research. 2016. Т. 248. № 3. С. 869–887.
19. *Grundy T.* Rethinking and reinventing Michael Porter's five forces model // Strategic change. 2006. Т. 15. №. 5. С. 213–229.

20. Guidelines "Prudential treatment of problem assets – definitions of non-performing exposures and forbearance" of Basel Committee on Banking Supervision // Bank for International Settlements. 2016. P. 10. https://www.bis.org/bcbs/publ/d403.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
21. *Kosow H., Gaßner R.* Methods of future and scenario analysis: overview, assessment, and selection criteria. DEU. 2008. T. 39. C. 39–134.
22. *Postma T.J.B.M., Liebl F.* How to improve scenario analysis as a strategic management tool? // Technological Forecasting and Social Change. 2005. T. 72. № 2. C. 161–173.
23. *Rudnicki W., Vagner I.* Methods of strategic analysis and proposal method of measuring productivity of a company // Zeszyty Naukowe Małopolskiej Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Tarnowie. 2014. №. 2 (25). C. 175–184.
24. *Wu Y., Gaunt C., Gray S.* A comparison of alternative bankruptcy prediction models // Journal of Contemporary Accounting & Economics. 2010. T. 6. №. 1. C. 34–45.

REFERENCES

1. *Anshin V.M.* System approach in the management of transformational programs in the company // Scientific research and development. Russian Journal of Project Management. 2016. Vol. 5. No. 2. Pp. 3–20. (In Russ.).
2. *Arinichev I.V., Matveeva L.G., Arinicheva I.V.* Forecasting the bankruptcy of an organization based on metric methods of data mining // Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation). 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 61–73. (In Russ.).
3. *Bobyleva A.Z.* Draft Federal Standard for conducting an analysis of the debtor's financial condition by an arbitration manager // Strategic decisions and risk management. 2016. No. 2 (95). Pp. 43–47. (In Russ.).
4. *Bobyleva A.Z., Lvova O.A.* Management of transformational programs of mergers and acquisitions with the participation of problem companies // Bulletin of St. Petersburg University. Management. 2019. Vol. 18. No. 4. Pp. 483–509. (In Russ.).
5. *Bobyleva A.Z., Lvova O.A.* Financial and economic tools for identifying signs of objective bankruptcy // Actual problems of economics and law. 2020. No. 1. Pp. 22–39. (In Russ.).
6. *Grishina S.A., Gorbunova O.A.* SPACE analysis as a method of evaluating the current strategy in the organization // Bulletin of Modern Research. 2018. No. 9.4. Pp. 76–79. (In Russ.).
7. *Ivashkovskaya I.V., Konstantinov G.N., Filonovich S.R.* The formation of a corporation in the context of the life cycle of an organization // Russian Journal of Management. 2004. Vol. 2. No. 4. Pp. 19–34. (In Russ.).
8. *Kazakov A.V., Kolyshkin A.V.* Development of bankruptcy forecasting models in modern Russian conditions // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. 2018. No. 2. Pp. 241–266. (In Russ.).
9. *Ivlev V., Popova T.* Balanced scorecard (BSC) // Management today. 2001. No. 4. Pp. 24–33. (In Russ.).
10. *Karelina S.A.* Signs of objective bankruptcy used in determining the grounds for bringing to subsidiary liability for the inability to fully repay creditors' claims due to the actions and (or) inaction of the controlling debtor person // Economy and Law. 2020. No. 3. Pp. 32–47. (In Russ.).

11. *Lvova O.A.* Possibilities and limitations of using models of bankruptcy diagnostics to prevent insolvency // Bulletin of the Moscow University. Series 6: Economics. 2021. No. 4. Pp. 73–94. (In Russ.).
12. *Lvova O.A.* The role of financial investigation tools in bankruptcy procedures of companies // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 2. Pp. 125–140. (In Russ.).
13. *Marakulina I.V., Anfertieva N.I.* Application of strategic analysis methods in substantiating the competitive strategy of an organization // Concept. 2013. No. 8 (24). Pp. 26–30. (In Russ.).
14. *Pokrovskaya N.V., Lvova N.A.* Financial analysis of insolvent enterprises: the role of accounting and tax reporting // International accounting. 2015. No. 14. Pp. 30–40. (In Russ.).
15. *Rudakova O.Yu., Rudakova T.A.* Completeness and reliability of the debtor's financial analysis in bankruptcy procedures // Strategic Decisions and Risk Management. 2013. No. 1. Pp. 76–83. (In Russ.).
16. *Anshin V., Bobyleva A.* The digital transformation program management in medium-sized businesses: a network approach // Serbian Journal of Management. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 147–159.
17. *Bellovary J.L., Giacomino D.E., Akers M.D.* A review of bankruptcy prediction studies: 1930 to present // Journal of Financial education. 2007. Pp. 1–42.
18. *Borgonovo E., Plischke E.* Sensitivity analysis: A review of recent advances // European Journal of Operational Research. 2016. Vol. 248. No. 3. Pp. 869–887.
19. *Grundy T.* Rethinking and reinventing Michael Porter's five forces model // Strategic change. 2006. Vol. 15. No. 5. Pp. 213–229.
20. Guidelines "Prudential treatment of problem assets – definitions of non-performing exposures and forbearance" of Basel Committee on Banking Supervision // Bank for International Settlements. 2016. P. 10. https://www.bis.org/bcbs/publ/d403.pdf (accessed: 28.06.2023).
21. *Kosow H., Gaßner R.* Methods of future and scenario analysis: overview, assessment, and selection criteria. DEU. 2008. Vol. 39. Pp. 39–134.
22. *Postma T.J.B.M., Liebl F.* How to improve scenario analysis as a strategic management tool? // Technological Forecasting and Social Change. 2005. Vol. 72. No. 2. Pp. 161–173.
23. *Rudnicki W., Vagner I.* Methods of strategic analysis and proposal method of measuring productivity of a company // Zeszyty Naukowe Małopolskiej Wyższej Szkoły Ekonomicznej w Tarnowie. 2014. No. 2 (25). Pp. 175–184.
24. *Wu Y., Gaunt C., Gray S.* A comparison of alternative bankruptcy prediction models // Journal of Contemporary Accounting & Economics. 2010. Vol. 6. No. 1. Pp. 34–45.

Дата поступления рукописи: *29.06.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Львова Ольга Александровна – доктор экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9835-3418
Lvova@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHOR
Olga A. Lvova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Financial Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9835-3418
Lvova@spa.msu.ru

BUSINESS EVALUATION WITHIN CRISIS MANAGEMENT: APPROACHES FOR OWNERS, CREDITORS, INSOLVENCY PRACTITIONERS AND INVESTORS

The article suggests approaches to business evaluation by various stakeholders for crisis management purposes. For owners and managers, an identification system of business sustainability decline has been developed, including market, operational, investment, financial, managerial and organizational indicators. For creditors, a strategic map is proposed, containing market, process, resource and financial triggers identified during express diagnostics and advanced trigger analysis. For insolvency practitioners, the methodology of financial analysis has been modified, supplemented by an algorithm for debtor's transactions analysis and identifying signs of "objective bankruptcy". For potential investors, a scenario assessment model has been developed, which makes it possible to determine the benefits, opportunity costs, the feasibility of merger or acquisition of a distressed company, the cost of its restoration and integration, and the synergetic effect of such M&A.

Keywords*: financial analysis, business sustainability, signs (indicators, triggers) of crisis, insolvency (bankruptcy), insolvency practitioner, debtor, creditor, investor, mergers and acquisitions with distressed companies, strategic map, financial ratios.*

JEL: D25, G21, G33, G34, H12, M42.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

И.А. КОРГУН
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ПРИОРИТЕТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СТАБИЛЬНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В данном исследовании анализируется Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея (ИТС РК). В работе показано, что текущий уровень торгово-инвестиционного сотрудничества РК со странами Восточной Азии и с Индией не соответствует их определению в стратегии как центров экономических интересов РК. Китай продолжает доминировать в экономических связях страны, также наблюдается рост торговли с США, причем поток корейских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в американскую экономику остается стабильным.

Результаты исследования показывают, что ИТС РК в основе своей преследует стратегическую цель укрепления альянсных отношений с США, наращивания стратегического взаимодействия с Японией и ЕС. Однако, согласно теории классического реализма, усиление данных векторов взаимодействия может нарушить стабильность в Восточной Азии и привести к повышенной конфликтности. В средне- и долгосрочной перспективе ИТС может негативно сказаться на имидже РК как нейтрального игрока на всем геополитическом пространстве.

Несоответствие заявлениям, сделанным в ИТС РК, широкий охват географии интересов РК, который помимо всего прочего не совпадает с географическим охватом аналогичных стратегий других стран, заставляет усомниться в самостоятельности ее разработки. В стратегии, за исключением экономической части, отсутствуют механизмы достижения желаемых результатов, то есть способы, позволяющие обеспечить соблюдение свободы, демократии и законов. Такие формулировки порождают новые дополнительные вопросы и вызывают стойкое ощущение, что ИТС еще больше втягивает Сеул в орбиту американских интересов и делает ее инструментом достижения внешнеполитических и стратегических целей для определенных кругов американского истэблишмента.

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанская стратегия, Республика Корея, торгово-инвестиционное сотрудничество, ЮВА, Индия, США, Восточная Азия.*

УДК: 339.56, 327.51

EDN: KTYAFG

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_112_133

I. Введение

В конце 2022 г. Республика Корея (далее – Р. Корея, РК или Корея) опубликовала свой проект Индо-Тихоокеанской стратегии (ИТС РК)[1], которая обозначила несколько новых направлений во внешней политике государства. Первое и самое главное из них заключается в том, что впервые корейская внешнеполитическая доктрина вышла за пределы региона Северо-Восточной Азии (СВА), в том числе и с целью создания военного альянса с США, а также предполагает более широкую координацию военных усилий со странами ЕС.

До сих пор урегулирование северокорейского вопроса оставалось доминирующим вектором внешнеполитических усилий Сеула, направленных на противодействие активности Пхеньяна, которая воспринималась и продолжает восприниматься как угроза самому существованию южнокорейского государства. ИТС РК пытается обозначить более широкие контуры внешнеполитических интересов Сеула, которые, по мнению сегодняшнего руководства Кореи и части мирового экспертного сообщества, больше соответствуют изменившемуся положению Сеула на геополитическом пространстве[2]. Довольно часто западными экспертами озвучивается мнение о том, что РК следует более активно вовлекаться в решение международных и региональных экономических и геостратегических проблем в связи с его возросшим экономическим и политическим влиянием на развивающиеся страны[3].

Второй важный момент, согласно опубликованному тексту стратегии, заключается в том, что эпицентром внешнеполитических интересов становятся страны Юго-Восточной Азии и Индия. Стратегия разъясняет, что вовлечение региона в орбиту внешнеполитических интересов обусловлено происходящим смещением глобальных экономических акцентов. Однако возникают сомнения относительно того, насколько данная формулировка соответствует реальному положению дел. Р. Корея стала проявлять повышенный интерес к данным странам сравнительно недавно на фоне роста присутствия в странах региона корейского бизнеса, а также в силу расширения проектов корейской помощи развивающимся странам. Пока объем экономиче-

---

[1] Данная стратегия иногда упоминается в русскоязычных источниках как стратегия/доктрина «свободной и открытой Индо-Пасифики».

[2] Данная мысль неоднократно высказывалась как корейскими, так и иностранными (в основном американскими и европейскими) экспертами в ходе семинаров и дискуссий, посвященных ИТС РК, на которых довелось присутствовать автору. В качестве примера дискуссии можно привести Чечжуский форум мира 2023, который был посвящен ИТС РК. См: http://www.jejuforum.or.kr.

[3] Там же.

ского сотрудничества уступает интенсивности связей с США и Китаем, о чем говорится ниже.

Третье изменение во внешней политике РК связано с ростом значения различных коалиций для продвижения корейских внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. Альянс с США с 1950-х гг. оставался центральным элементом, на который Р. Корея опиралась во внешней политике, и останется таковым. В дополнение к нему сотрудничеству с Японией отводится в стратегии особое место, поскольку предполагается, что тандем с Токио позволит значительно нарастить влияние РК в ЮВА [1]. Кроме того, ИТС постулирует необходимость более тесного сотрудничества с Австралией, Францией и Германией, сопряжения интересов с этими игроками для достижения цели «свободной и открытой Индо-Пасифики»[4].

В данном исследовании проводится анализ новых приоритетов внешней политики РК, обозначенных в Индо-Тихоокеанской стратегии Республики Корея. В работе обсуждается, насколько текущий уровень торгово-инвестиционного сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и с Индией соответствует целям стратегии, а также делается попытка с позиций классического реализма оценить возможное влияние данной стратегии на геополитическую ситуацию в регионе.

Результаты исследования показали, что в средне- и долгосрочной перспективе ИТС может оказать разбалансирующее влияние на ситуацию в регионе и негативно повлиять на существовавший до сих пор имидж РК как нейтрального игрока. Усиление альянсов, согласно концепции классического реализма, в ущерб интересам других игроков ведет к росту конфликтов, как это не раз происходило в истории. Несмотря на то что корейское правительство говорит о важности региона ЮВА и Индии для национальной экономики, в реальности зависимость РК от Китая пока не снижается. В настоящее время происходит наращивание экономического взаимодействия страны с США, что еще больше втягивает Сеул в орбиту американских интересов и делает ее инструментом достижения внешнеполитических и стратегических целей для определенных кругов американского истэблишмента.

Статья состоит из пяти частей: введение; краткий анализ изменений во внешней политике Кореи, намеченных ИТС РК, проведенный

[4] Данное название региона не является официально признанным в российской академической литературе. Его формулирование и продвижение осуществляется США в расчете предотвратить утрату своего глобального влияния. Употребление данного наименования в статье не отражает позицию автора, не согласного с подобным перекраиванием устоявшихся географических наименований, а является отражением тех дискуссий, которые ведутся в южнокорейском обществе. Для этих целей сохранена оригинальная терминология.

автором на основании официально опубликованного текста, отмечаются расставленные в стратегии акценты. В следующей части статьи автор опирается на главу Р. Лебоу [2] о классическом реализме в книге «Теории международных отношений». Исходя из некоторых положений классического реализма, позволяющих лучше понять характер рисков, связанных с альянсами, рассматриваются возможные нарушения регионального баланса сил на фоне публикации ИТС РК. В четвертой части проводится анализ экономических связей РК с Китаем, странами ЮВА и США. Заключение подводит итоги проведенного автором исследования.

II. ИТС РК: концепция, основные принципы и приоритеты

ИТС РК была принята в декабре 2022 г., через 8 месяцев после апрельских выборов, в которых победу одержал кандидат от консерваторов Юн Сок Ель. Стратегия стала одним из главных сигналов о том, что политика страны будет в гораздо большей мере выстроена в соответствии с ожиданиями ее главного стратегического партнера – США, в противовес политики стратегической амбивалентности и балансирования с Китаем администрации Мун Чжэ Ина.

Российские и западные эксперты отмечают, что в своей основе стратегия повторяет принципы аналогичного документа американского правительства. Призывы к «свободному и открытому Индо-Тихоокеанскому региону», к порядку, основанному на правилах, общих усилиях по поддержанию мира, стабильности и по противодействию различным угрозам, содержащиеся в ИТС РК, напрямую повторяют основные сюжеты американской стратегии [3].

Также в документе делается сильный акцент на общих ценностях. Американские специалисты [4] связывают данное обстоятельства с убеждениями самого президента, который в своих выступлениях часто апеллирует к ценностным ориентациям на свободу, демократию, соблюдение закона. Не удивительно, что в Вашингтоне публикацию корейской стратегии восприняли позитивно, хотя и ее сдержанность в отношении Китая не осталась незамеченной [5].

Стратегия содержит три части: в первой представлено общее видение существующей на данный момент реальной ситуации в РК, во второй – принципы сотрудничества в регионе, в третьей – региональные приоритеты.

Цель ИТС РК – построение свободного, мирного и процветающего региона. Свобода здесь отождествляется с демократическими ценностями, с соблюдением общего порядка и прав человека, международных норм, в первую очередь устава ООН.

В вопросе поддержания мира ИТС РК делает упор на нераспространении ядерного оружия и на урегулировании северокорейского вопроса (экзистенциальные угрозы для южнокорейского государства), борьбе с терроризмом, на безопасности мореплавания (явная отсылка к ситуации вокруг Тайваньского пролива), кибербезопасности и здравоохранении. Процветание в корейской ИТС отождествляется с экономической деятельностью в стабильных условиях открытого экономического порядка. В этой части ИТС прямо говорит о необходимости обеспечения нормального функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости, важной частью которых является РК, и призывает к созданию экономической и технологической экосистемы в регионе.

В основу стратегии положены три принципа – инклюзивность, доверие и взаимность (см. рис. 1). Данное обстоятельство указывает на стремление Сеула апеллировать к универсальным ценностям, понятным населению других стран, и мобилизовать его на создание платформы для взаимодействия в целях свободы, мира и процветания. В частности, в Сеуле отмечают, что РК готова сотрудничать с различными политическими режимами, если они придерживаются ключевых принципов соблюдения порядка и основных прав. В такой завуалированной форме делается попытка заверить, что стратегия не направлена на сдерживание Китая и Сеул открыт для сотрудничества с соседом. И здесь проявляется ключевое различие ИТС РК с американской, канадской либо с японской версиями стратегий, в которых Китай позиционируется как основной конкурент.

Составлено автором по: оригинал текста ИТС РК.

Рис. 1. Три основных принципа ИТС РК

Стратегия выделяет регионы интересов РК и приоритеты во взаимодействии с ними. Всего регионов шесть – северный тихоокеанский регион (северная Индо-Пасифика), Юго-Восточная Азия и АСЕАН, Южная Азия, Океания, Африканское побережье, Европа и Латинская Америка. В части, посвященной северному тихоокеанскому региону, выделяются приоритеты сотрудничества с США, укрепления отношений с Японией и Канадой. Китай в стратегии упоминается лишь один раз как ключевой партнер в достижении процветания и мира. С одной стороны, это проявление традиционного нежелания исключать Китай из числа партнеров [6], но, с другой – стратегия говорит о более «зрелых отношениях», основанных на уважении и взаимности в рамках международных норм и правил. Значение «зрелый» в данном контексте, с большой долей вероятности, подразумевает разрешение конфликтов посредством диалога, регулируемого международными нормами и правилами. В то же время «зрелый» является определенным намеком на твердость Сеула в продвижении объявленной стратегии и отстаивании своих ценностей.

Россия полностью отсутствует в данной части стратегии, но зато включена Монголия с целью развития ресурсной базы для отраслей будущего. Отсутствие России может быть интерпретировано по-разному. С одной стороны, это демонстрация единства с «коллективным Западом» в вопросе жесткой линии в отношении нашей страны, с другой – нежелание вносить дополнительное напряжение в двусторонние отношения, которые переживают глубокий кризис с момента установления дипломатических отношений в 1990 г.

Отсутствие РФ в тексте ИТС РК может быть отражением «сложной игры в балансирование» [7] между тем, чего от РК ожидает их ближайший союзник – США, и интересами корейского бизнеса, который не хотел бы полностью терять наработанные в России связи. В пользу данного предположения говорит тот факт, что в корейском обществе нет консенсуса относительно резкой позиции о взаимоотношениях с Россией. При этом многие считают, что резкое обрывание связей нежелательно с точки зрения геостратегического положения региона и неурегулированности северокорейского вопроса.

Приоритеты по каждому региону представлены в табл. 1. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на несколько моментов, которые проясняют интересы действующей администрации Сеула.

Прежде всего следует заметить, что стратегия заявляет о четкой приверженности концепции центральности АСЕАН. Центральность АСЕАН (или асеаноцентричность) подразумевает, что за данной организацией закрепляется «ведущая роль в процессах регионального, а возможно, и глобального управления» [8]. Прямо отмечая поддержание принципа центральности АСЕАН в своей ИТС,

Таблица 1

Региональные приоритеты РК в рамках ИТС

Северный тихоокеанский субрегион	– укрепление альянса с США за счет расширения связей в сферах экономики, технологий, киберпространства и цепочек стоимости; – Япония: развитие партнерства на основании общих интересов и ценностей; – Китай: зрелые отношения в целях мира и процветания на основе взаимности и уважения, соблюдения международных норм; – Канада; – Монголия.
Юго-Восточная Азия и АСЕАН	– приверженность принципу центральности АСЕАН; – продвижение Инициативы Солидарность Корея АСЕАН; – кооперация в рамках имеющихся двусторонних договоров со странами региона; – увеличение финансирования фондов развития АСЕАН-РК, Меконг-РК; – укрепление стратегического сотрудничества по широкому кругу вопросов, выходящих за рамки традиционных северокорейской ядерной программы и спорных островов в желтом море.
Южная Азия	– укрепление связей с Индией, особенно в сфере ИТ и космических технологий, а также в сфере обороны; – развитие экономических партнерств с Пакистаном, Бангладеш, Шри Ланкой, Непалом.
Океания	– Австралия: сотрудничество по вопросам национальной обороны, безопасности, поставок критически важных материалов, изменения климата и цепочкам стоимости.
Африканское побережье Индийского океана	– всемерное укрепление связей со странами Африки и Аравийского полуострова; – проведение саммита Корея-Африка в 2024 г.; – приверженность усилиям по обеспечению безопасности судоходства и борьбе с терроризмом; – вклад в реализацию целей устойчивого развития ООН.
Европа и Латинская Америка	– сотрудничество с Францией, Германией и Англией для защиты ценностей свободы, демократии, прав человека и поддержания мирового порядка; – углубление связей с НАТО по вопросам защиты от киберугроз, содействия нераспространению ядерного оружия, противодействия терроризму и обеспечения свободной Индо-Пасифики; – углубление экономических связей со странами Латинской Америки и по возможности расширение повестки сотрудничества; Развитие сотрудничества с региональными объединениями.

Составлено автором по: оригинал текста ИТС РК. https://www.mofa.go.kr/viewer/skin/doc.html?fn=20230106093833927.pdf&rs=/viewer/result/202305 (дата обращения: 14.05.2023).

Корея отвечает на возможное беспокойство стран – членов данного объединения относительно того, что их участие в процессах регионального управления может ставиться под сомнение, ведь стратегию можно интерпретировать как стремление если не сменить, то создать конкурирующие центры влияния в регионе, которые ослабят позиции АСЕАН, приложившей немало усилий, чтобы закрепить свой международный авторитет. Для снятия вопросов о позиции РК в поддержке АСЕАН в стратегии заявляется о готовности расширять финансирование проектов в странах организации с целью улучшения транспортной и социальной инфраструктуры. Также предполагается развивать сотрудничество по вопросам ИТ и космических технологий.

Второй момент, обращающий на себя внимание и представляющий новый элемент во внешней политике Сеула, это то, что стратегия предполагает более активное взаимодействие с Францией, Германией, Австралией и Великобританией. Нужно отметить, что эти страны также опубликовали свои ИТС, в которых отмечается необходимость объединения усилий с «партнерами по интересам» (*like-minded countries* в английском варианте), к которым они относят и РК. Однако в какой форме будет происходить данная координация взаимодействия, еще предстоит увидеть и оценить, поскольку стратегия не прописывает специальных механизмов и форматов для этого. В случае если эти намерения будут реализованы и военное сотрудничество с данными странами укрепится, то Сеул будет более плотно интегрирован в систему сдерживания, контролируемую США.

Применительно к форматам взаимодействия в экономической сфере новая администрация вводит такую терминологию, как минилатерализм (от английского minilateralism по аналогии с multilateralism – многосторонний). По существу, минилатерализм является классическим форматом двустороннего взаимодействия, предпочтение которому всегда отдавала РК для того, чтобы добиваться более конкретных результатов в сотрудничестве. С большой долей вероятности можно утверждать, что введение данного термина преследуют цель показать, что Сеул остается в русле многостороннего подхода, который он последовательно поддерживает, но одновременно открыт к другим форматам взаимодействия в случае их большей результативности.

В целом складывается впечатление, что, говоря об открытости к сотрудничеству с широким кругом стран, стратегия все же носит весьма избирательный характер. В реальности интересы РК сосредоточены на сохранении и дальнейшем укреплении стратегических отношений с США, но при этом делается попытка не разрушить экономическое взимодействие с Китаем. Осторожные и уклончивые формулировки стремятся сгладить то, что в стратегически двойственной

позиции, основанной на балансировании между США и Китаем [6], РК существенно продвинулась в сторону Америки.

Обращение взоров за пределы СВА в ЮВА, по крайней мере на уровне заявлений, отражает амбиции РК позиционировать себя как «глобальное ведущее государство» (Global Pivotal State) и больше вовлекаться в решение региональных вопросов. Правда, стратегия не предлагает конкретных инициатив, как это могло бы быть реализовано на практике, и что Сеул готов предложить странам региона.

III. Возможные последствия ИТС РК для Восточной Азии

Согласно классическому реализму[5], выживание государства в системе международных отношений зависит от его материальных возможностей и альянсов с другими странами [2]. В этом смысле Республика Корея является показательным примером, так как экономическое развитие страны десятилетиями подкреплялось альянсными отношениями с США, в рамках которых шло финансирование значительной части военных расходов, что позволяло Сеулу направлять больше ресурсов на развитие экономики. Альянс с США стал одним из факторов, позволивших южнокорейскому государству обрести прочное место в числе развитых экономик мира и наработать солидный авторитет на международной арене [9; 10]. Данный авторитет во многом основан на том, что РК оставалась в стороне от большинства международных конфликтов, придерживаясь позиции невмешательства, так как конфликты происходили и происходят за пределами региона ее национальных интересов – СВА и, рассматривая шире, – Восточной Азии.

Однако публикация текста ИТС заставляет усомниться в том, что Сеул сможет и дальше сохранять нейтралитет в спорных региональных вопросах. Сомнение связано, прежде всего, с тем, что аналогичные стратегии других стран-партнеров (США, Канады, Японии, Австралии и пр.) направлены на сдерживание расширения китайского влияния, поэтому, ассоциируя себя с ними, у РК практически не остается маневра для того, чтобы оставаться в стороне от данных процессов сдерживания. Уже сегодня наблюдаются признаки того, что Китай негативно оце-

[5] Использование концепции классического реализма (ККР) обусловлено тем, что она уделяет большое внимание альянсам как форме стратегического взаимодействия и говорит о прямых угрозах, связанных с ними. В частности, ККР последовательно показывает, что исторически формирование альянсов нарушало баланс интересов между странами и приводило к повышению конфликтности. То же самое может произойти и в Восточной и Юго-Восточной Азии, если РК будет следовать курсу на укрепление военно-стратегического сотрудничества с Японией, ЕС и с контролируемым США НАТО.

нивает вовлеченность Сеула. Это происходит как на уровне заявлений китайской стороны, так и на уровне экономических мер: до сих пор не был разрешен туризм организованных групп из Китая в РК.

Мир и стабильность в азиатском регионе во второй половине XX в., активные интеграционные процессы создали некие общие интересы, главным образом в экономической сфере, выразившиеся в развитии взаимной торговли и инвестиций, благоприятной среды для ведения бизнеса, которые удерживали регион от серьезных вооруженных конфликтов. Обнародование ИТС меняет фокус с общего процветания на обеспечение стратегического превосходства, а это может вызвать переоценку нейтрального имиджа Сеула не только Китаем, но и другими странами региона. В частности, следует заметить, что Республика Корея переступает через свою стратегическую амбивалентность [11] и пытается увеличить свой геополитический вес, что может восприниматься другими странами как ущемление их собственного геополитического влияния. Таким образом, в ИТС РК присутствуют потенциально конфликтные аспекты.

ИТС является новым витком укрепления альянса с США. Кроме того, она предполагает выстраивание стратегических партнерских отношений с такими странами, как Австралия, Канада, Франция, Германия. Данные партнерские отношения потенциально могут перерасти в альянсы, которые, по мнению специалиста Лебоу, являются палкой о двух концах: они могут не только удерживать от конфликтов, но и провоцировать их. Как правило, альянсы преследуют цель балансирования интересов, однако ее реализация может потерпеть неудачу в том случае, если невозможно точно оценить мотивы, возможности и намерения других стран, которые не являются частью альянса или против которых направлена его политика.

Насколько проводимая политика соответствует интересам всех стран региона, а не прикрывает материальные интересы, – также немаловажный вопрос с точки зрения других стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Как показывает в своем анализе Фурсе, в стратегических расчетах военно-морского командования США всегда присутствует значительный элемент экономического расчета, который призван обеспечить выгоду для определенных корпоративных кругов в Америке[6]. Данная идея в целом совпадает с позицией экономического историка Хеллейнера в том, что государства позиционируют себя центрами силы ради национальной экономики [13]. Поэтому у РК могут быть (и скорее всего, есть) сильные корпоративные интересы. Например, О. Давыдов [14], Е.У. Ким и В.Г. Самсонова [15] также отмечают

[6] «ИТС США – это смесь частных и государственных интересов защитить корпоративные интересы, торговые потоки и национальные интересы безопасности США» [12].

экономическую заинтересованность Сеула в поддержке ИТС. Страны региона могут негативно воспринять наличие таких интересов у Сеула и прибегнуть к компенсирующим мерам, что навредит общей обстановке в регионе.

Конфликтная природа альянсов связана с восприятием другими странами проводимой альянсами политики и ее оправданности [2]. Это одно из самых чувствительных мест в ИТС РК (и не только РК, но и в стратегиях других стран, обнародовавших схожие доктрины), поскольку стратегия порождает ряд насущных для региона вопросов.

Один из основных открытых вопросов: каковы же контуры Индо-Тихоокеанского региона? На сегодняшний день каждая из стран, опубликовавших стратегию, по-разному очерчивает их [16; 17]. Кроме того, в стратегии говорится о соблюдении порядка, основанного на правилах, однако не раскрывается что это за порядок [18], какие правила имеются в виду и кто их устанавливает. Является ли ИТС РК поддержкой доминирования США? Как в этом случае следует относиться к присутствию ЕС в регионе? Какие точки соприкосновения у РК с ЕС? Все эти вопросы возникают по причине того, что ИТС как концепция является спорной и дискуссионной [19].

Среди основных игроков нет консенсуса относительно наполняемости данной стратегии. ЕС, который имеет историческую платформу в виде французских военно-морских баз для присутствия в регионе, ориентирован на обеспечение свободы мореплавания, глобальной коннективности, общего видения проблем, связанных с изменением климата, и продвижение на международной арене необходимых мер по борьбе с этим явлением[7]. Последнее вряд ли найдет отклик у американских партнеров, взгляды которых на климатические изменения подвержены колебаниями под воздействием внутриполитического барометра. РК в целом заинтересована в коллаборации по вопросам климата, и ей нужны связи с ЕС на случай смены политических ветров в американских элитах. Но Сеул довольно осторожно подходит к климатической повестке, а США – ее основной союзник, поэтому ожидать решительной поддержки этих инициатив также не стоит.

Нерешенность отмеченных вопросов вызывает настороженность у других игроков, особенно в странах АСЕАН. С их точки зрения, ИТС как РК, так и других стран, может нарушить принцип центральности АСЕАН (принцип, согласно которому, форумы АСЕАН являются основной площадкой для обсуждения региональных вопросов).

[7] EU Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific 19.04.2021. https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-strategy-cooperation-indo-pacific-0_en#:~:text=The%20Council%20Conclusions%20on%20the,cooperation%20with%20its%20partners%20there (дата обращения: 26.05.2023).

АСЕАН не воспринимают РК в качестве страны, которая обладает достаточным весом для решения спорных экономических либо геополитических вопросов. Как показал опрос экспертного сообщества в странах АСЕАН относительно того, кто является наиболее предпочтительным и доверенным партнером для балансирования стратегической конкуренции между США и Китаем, РК занимает только 5 место, после ЕС, Японии, Австралии, Великобритании, за РК следует Индия [20]. Но при этом, солидаризируясь с такими крупными игроками, как США или ЕС, Сеул может принять участие в подрыве сложившего баланса. Эксперты из стран АСЕАН выражают беспокойство, что создание новых механизмов в рамках стратегий ИТС (если таковые механизмы будут созданы в будущем) вступит в конфликт с самой АСЕАН и нарушит сложившийся баланс[8].

Пока беспокойство носит гипотетический характер. В этой ситуации можно, конечно, придерживаться мнения, что разные формы взаимодействия в регионе будут взаимно сдерживать друг друга [21]. Однако более вероятным выглядит оценка Kuik, который отмечает, что в настоящий момент обилие стратегий разных стран воспринимается как элемент «рискификации» региональной обстановки [22]. Как справедливо отмечают Wilkins, Kim [19], ИТС обостряет стратегическое недоверие и геополитическое соперничество.

Неясными являются и цели самой РК, которых она хотела бы добиться в результате реализации озвученной стратегии. Ее западные партнеры активно призывают руководство страны увеличить вовлеченность в решение международных проблем, используя свое экономическое влияние и положение технологического лидера. Однако влияние – это психологические взаимоотношения, нередко основанные на понимании и признании интересов других. До сих пор влияние РК в мире было основано на ее экономических успехах и поддержании относительного нейтралитета (скорее, даже амбивалентности) по многим спорным вопросам. Однако само обнародование ИТС делает страну более вовлеченной в потенциально конфликтные процессы.

IV. Страны Восточной Азии в торгово-инвестиционных связях Республики Корея и Индо-Тихоокеанская стратегия

Среди основных идей классического реализма присутствует идея о трансформации внутренней среды страны, которая приводит к переменам во внешней политике. С этой точки зрения, закономерно было

[8] Экспертные мнения, высказанные в ходе дискуссий на форуме Чечжу 2023. Официальный сайт форума: http://www.jejuforum.or.kr.

бы предположить, что ИТС РК является следствием экономических сдвигов, выражающихся в продолжающемся повышении значимости отношений со странами Индии и ЮВА для экономики страны. Чтобы определить, насколько это соответствует действительности, обратимся к анализу данных о торговле и инвестициях РК. В первом случае источником данных послужила Корейская ассоциация международной торговли, во втором – Корейский экспортно-импортный банк.

В табл. 2 представлена динамика изменения географической структуры корейского экспорта в Китай и в страны ЮВА, а также в США. Можно наблюдать, что, действительно, в структуре экспорта к 2022 г. по сравнению с 2010 г. доля других азиатских стран возросла с 16,8% до 24,7%. Это увеличение произошло за счет Вьетнама: корейский экспорт в эту страну увеличился в 6 раз за указанные годы, при этом не наблюдалось значительного снижения доли Китая: она сократилась на 2,2% к 2022 г. по сравнению с 2010 г. Важно также отметить, что в указанный период происходил стабильный рост корейского экспорта в США. К 2022 г. американский рынок занимал 16,1% в общем объеме корейского экспорта по сравнению с 10% в 2010 г.

Таблица 2

Корейский экспорт в отдельные страны Азии в 2010, 2015, 2022 гг. (тыс. долл. США)

	2010	2015	2022
Китай+Гонконг	142 132 179	167 542 112	183 440 575
Китай	116 837 833 (25%)	137 123 934 (26%)	155 789 389 (22,8%)
Гонконг	25 294 346	30 418 178	27 651 186
Прочие страны Азии	78 471 251 (16,8%)	97 102 997 (18,4%)	168 817 024 (24,7%)
Тайвань	14 830 499	12 004 264	26 198 240
Сингапур	15 244 202	15 011 164	20 205 410
Индия	11 434 596	12 029 587	18 870 071
Филиппины	5 837 983	8 317 925	12 306 078
Малайзия	6 114 823	7 735 293	11 473 480
Индонезия	8 897 299	7 872 404	10 215 899
Таиланд	6 459 776	6 361 610	8 584 166
Вьетнам	9 652 073	27 770 750	60 963 680
США	49 816 058 (10,7%)	69 832 103 (13,3%)	109 765 705 (16,1%)
Итого	466 383 762	526 756 503	683 584 760

Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

Обратимся к данным импортной статистики. За тот же период доля Китая в структуре корейского импорта не только не сократилась, но возросла с 16,8 до 21,1% (см. табл. 3). Хотя следует заметить, что основное увеличение пришлось на период до 2015 г., после которого темпы наращивания импорта замедлились. Однако совокупная доля других стран Азии выросла не сильно – с 14,5 до 16,2% за аналогичный период. Внимание следует обратить на импорт из Вьетнама, который возрос более чем в 8 раз, в основном после 2015 г. На Вьетнам в 2022 г. приходилось 3,6% корейского импорта в сравнении с 0,7% в 2010 г.

Таблица 3

Корейский импорт из отдельных стран Азии в 2010, 2015, 2022 гг. (тыс. долл. США)

	2010 г.	**2015 г.**	**2022 г.**
Китай+Гонконг	73 519 536	91 743 301	156 453 919
Китай	71 573 603 (16,8%)	90 250 275 (20,1%)	154 576 314 (21,1%)
Гонконг	1 945 933	1 493 026	1 877 605
Прочие страны Азии	61 675 583 (14,5%)	64 207 190 (14,7%)	118 282 413 (16,2%)
Тайвань	13 647 080	16 653 850	28 274 594
Сингапур	7 849 530	7 942 129	10 347 783
Индия	5 674 456	4 240 565	8 897 104
Филиппины	3 488 104	3 251 634	5 177 612
Малайзия	9 530 964	8 609 437	15 249 061
Индонезия	13 985 848	8 850 394	15 734 850
Таиланд	4 168 786	4 854 350	7 876 692
Вьетнам	3 330 815	9 804 831	26 724 717
США	40 402 691 (9,5%)	44 024 430 (10,1%)	81 784 723 (11,2%)
Итого	425 212 160	436 498 973	731 369 657

Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

То есть пока РК не удается существенно снизить зависимость от Китая, особенно в импорте, и диверсифицировать свои торговые потоки. Но процесс постепенно происходит, хотя и неравномерно. Пока это проявляется только на уровне экспорта. Дополнительное подтверждение этому можно получить из данных о торговле промежуточной продукцией, представленных в табл. 4.

Таблица 4

Торговля промежуточной продукцией РК с отдельными странами в Азии в 2010 и 2022 г. (тыс. долл. США)

	2010 г.		2022 г.	
	экспорт	**импорт**	**экспорт**	**импорт**
Китай + Гонконг	104007952 (37,7%)	43860228 (20,1%)	155 507 955 (30,7%)	105 844 913 (28,5%)
Китай	83 670 082 (30,3%)	42 416 709 (19,4%)	130 256 913 (25,7%)	104 402 560 (28,1%)
Гонконг	20 337 870	1 443 519	25 251 042	1 442 353
Прочие страны Азии	55245000 (20%)	38765580 (17,7%)	138 266 853 (27,3%)	73 693 538 (19,9%)
Тайвань	7 477 397 (2,7%)	1 000 156 (0,5%)	54 140 231 (10,7%)	11 751 852 (3,2%)
Сингапур	8 558 301	5 135 604	15 205 494	7 554 625
Индия	12 280 832	10 742 419	22 642 049	25 602 539
Филиппины	10 723 721	6 404 706	17 077 871	6 287 451
Малайзия	3 899 352	7 563 254	9 811 301	12 566 622
Индонезия	4 742 441	2 063 945	11 061 520	1 954 242
Таиланд	7 562 956	5 855 496	8 328 387	7 976 207
Вьетнам	24 800 547 (9%)	19 019 527 (8,7%)	66 339 363 (13,1%)	35 165 557 (9,5%)
США	275 896 214	218 750 763	507 325 342	371 213 289

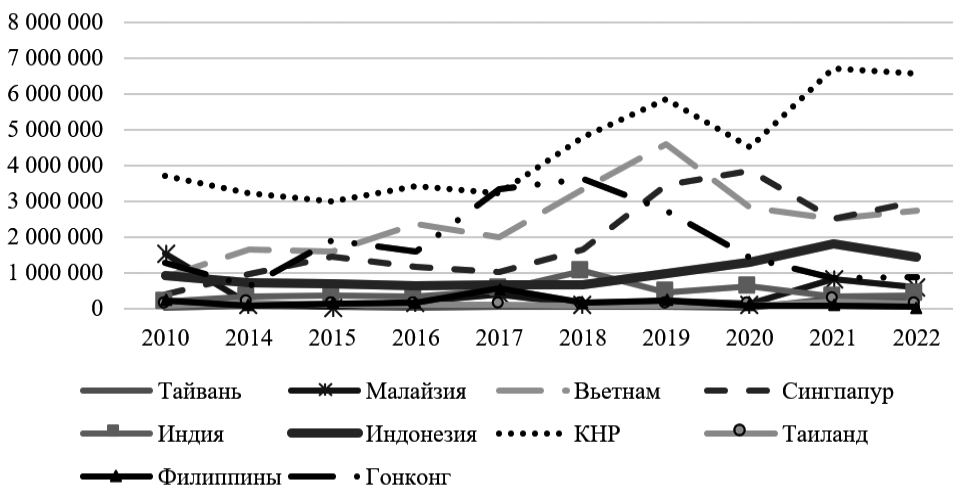
Составлено автором по: данные Korea International Trade Association. www.kita.net (дата обращения: 13.06.2023).

В указанный период 2010–2022 гг. можно наблюдать сокращение экспорта промежуточной продукции в материковый Китай, но наращивание импорта промежуточной продукции из него. Так, доля Китая в экспорте упала с 30,3 до 25,7%, тогда как в импорте возросла с 19,4 до 28,1% (см. табл. 4). То есть практически 30% промежуточных компонентов, которые потом отправляются обратно в Корею для дальнейших производственных этапов, производятся в Китае. Доля прочих стран Азии в экспорте, наоборот, выросла с 20 до 27,3%, импорта – с 17,7 до 19,9%. Здесь также следует обратить внимание на рост доли Вьетнама в экспорте – с 2,7 до 10,7%. Вьетнам все больше включается в цепочки создания стоимости в электронной промышленности, особенно в полупроводниковой.

По данным КИТА, за период с 2010 г. по 2022 г. Вьетнам вошел в число основных экспортеров такого важного компонента, как электронные интегральные микросхемы (код HS 8542). Если в 2010 г. эта

страна вообще не значилась в числе основных торговых партнеров по данному направлению, то в 2022 г. сюда направлялось товаров на 15,5 млрд долл. Для сравнения: в Китай – на 48,8 млрд долл., в Гонконг – 17,2 млрд долл., на Тайвань – 11,8 млрд долл. Активные инвестиции корейского бизнеса в строительство производственных площадок во Вьетнаме после 2016 г. (см. рис. 2) стали приносить свои плоды [23].

Однако наращивание инвестиций во Вьетнам происходило не за счет снижения инвестиций в Китай, а на фоне одновременного поддержания довольно высокого уровня инвестиций в Китай, как следует из данных Экспортно-импортного банка Кореи. Данные о потоках корейских ПИИ позволяют выявить тренд на увеличение инвестиций после 2016 г. по 3 направлениям: Китай, Вьетнам и Сингапур. Инвестиции в Гонконг после всплеска в 2017–2018 гг. сократились, инвестиции в Индию и другие страны ЮВА оставались на довольно низком уровне. Данные об инвестициях в США не представлены на рис 3, но следует заметить, что США оставались крупнейшим реципиентом корейского капитала – его объемы, направляемые корейским бизнесом, в разы превышали объемы инвестирования в Китай и в прочие страны.

Составлено автором по: данные Экспортно-импортного банка Кореи. http://koreaexim.go.kr (дата обращения: 13.06.2023).

Рис. 2. Потоки корейских ПЗИ в отдельные страны в 2010–2022 гг. (тыс. долл. США)

С другой стороны, корейское правительство предоставляет наибольшие объемы помощи развивающимся странам Азии. За период с 2009–2021 гг. 60,5% всей помощи пришлось на азиатский регион. Наибольший объем помощи был реализован во Вьетнаме (>10% всего

объема), Бангладеш (около 6%), Камбодже (около 6%), Филиппинах (5–6%), Индонезии (5%), Шри-Ланка (4–5%)[9].

Таким образом, данные торговой и инвестиционной статистики не фиксируют существенного смещения центра торговых связей РК. Отмечается только сокращение экспорта в Китай, в том числе промежуточной продукции. Вероятно, что в ближайшие годы произойдет все же незначительное сокращение и импорта из Китая, по мере того, как в полную силу начнут функционировать построенные заводы во Вьетнаме. Однако сложно ожидать значительного увеличения долей других стран, включая Индию, при сохранении текущей динамики.

Распределение потоков ПИИ указывает на возрастание значимости США, куда корейские компании продолжают инвестировать крупные средства, в том числе для того, чтобы не быть исключенными из привилегий акта о микрочипах правительства США. Поэтому уместно говорить о том, что в последние годы внешнеэкономическая стратегия РК все больше концентрировалась на США и ИТС является отражением данного тренда, нежели радикального роста объема сотрудничества со странами ЮВА. Можно согласиться с оценкой сотрудничества РК и АСЕАН, данное Сарой Тео, что для обеих сторон оно пока не является приоритетным и сфокусировано на отдельных функциональных областях [24].

V. Заключение

Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея была разработана вслед за аналогичными стратегиями главных ее союзников – США, Японии и ЕС. Данная стратегия не является самостоятельным документом: основные идеи, лежащие в ее основе, были заимствованы из стратегий партнеров. В то же время для РК разработка ИТС является определенным шагом вперед, с точки зрения позиционирования в мире, в силу более широкого географического охвата и попытки установить относительно универсальные принципы во взаимодействии с разными регионами мира. В процессе реализации стратегии РК придется пройти смену внешнеполитического менталитета и для самой себя ответить на вопрос, как смотреть на мир с более широкой перспективы регионального развития, а не только в контексте необходимости решения северокорейского вопроса.

Стратегию можно рассматривать как отступление (по крайней мере на словах) РК от ее привычной амбивалентности, когда страна

[9] Официальный сайт корейской организации по оказанию экономической помощи: Economic Development Cooperation Site. https://www.edcfkorea.go.kr/HPHFFE093M01 (дата обращения: 15.05.2023).

не ассоциировала себя с политическими конференциями, диалогами, если они выходили за рамки нераспространения ядерного оружия и/или северокорейского вопроса. С ИТС Сеул становится де-факто членом более широкой коалиции стран, что может стать шагом на пути к более плотным альянсам, например, с QUAD. Интерес к РК со стороны ее партнеров обусловлен тем, что страна накопила определенный потенциал влияния, основанный на ее экономическом и технологическом статусе.

Корейская ИТС делает упор на ценностный аспект, выразившийся в постулировании таких принципов, как свобода (здесь имеет место повтор с английского свободный и открытый), верховенство закона и порядка. Однако при этом остается открытым вопрос о том, какой закон имеется в виду, – Законы судоходства и свободы передвижения, на которых делает упор ЕС, или поддержание США как центра силы. Данное обстоятельство также довольно ново, хотя вряд ли стоит ожидать, что в скором времени РК будет оказывать давление на чувствительные для многих стран вопросы.

Ценностная ориентация стратегии является отражением личных взглядов президента Юн Сок Чхоля. Однако вопрос о том, насколько данный курс будет поддержан последующими администрациями, остается открытым. В корейском обществе нет согласия также о том, нужно ли в угоду ценностям вступать в конфронтацию с ближайшими соседями по региону.

Несмотря на широкий региональный охват стратегии, в ее нынешнем варианте наиболее выпукло обрисованы линии координации с США и Японией – они являются своего рода «якорями» (anchor states), скрепляющими корейский вариант стратегии. Сотрудничество с Японией особенно важно в сфере экономики, так как в Юго-Восточной Азии экономическое влияние Японии превышает влияние Сеула, а для последнего важна кооперация, с точки зрения укрепления своих позиций и получения материальной выгоды.

В то же время исследование показало существенное расхождение существующих экономических реалий с заявленными в стратегии. Объем торговых связей с Китаем значительно превышает объемы торговли со странами ЮВА и Индией, а также в последние годы наблюдался рост торговых отношений с США. США остаются крупнейшим реципиентом корейских ПИИ. В результате складывается впечатление, что ИТС РК является малореалистичной концепцией. Посредством ее обнародования Сеул стремится создать потенциально более выгодный для себя баланс сил. Однако это в перспективе может привести к росту риска внутрирегиональных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Koga K.* Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific // Asian Politics and Policy. 2023. 15 (1). Pp. 63–82. https://doi.org/10.1111/aspp.12679.
2. *Lebow R.* Classical Realism. In: International Relations Theories: Discipline and Diversity / *Eds. Dunne T., Kurki M., Smith S*. New York: Oxford University Press. 2001. Pp. 52–70.
3. *Давыдов О.В*. Южная Корея выдвигает Индо-Тихоокеанскую доктрину // Актуальные комментарии. 09.01.2023. https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/south-korea-advances-indo-pacific-doctrine (дата обращения: 28.04.2023).
4. *Yeo A.* South Korean foreign policy in the Indo-Pacific era. Brookings Report. 2022. November. Available at: https://www.brookings.edu/research/south-korean-foreign-policy-in-the-indo-pacific-era/ (accessed: 02.06.2023).
5. *Kim E.* Assessment of South Korea's New Indo-Pacific Strategy. The Center for Strategic and International Studies*2023. Available at: https://www.csis.org/analysis/assessment-south-koreas-new-indo-pacific-strategy*(дата обращения: 15.05.2023).
6. *Park Jae Jeok*. The US-led security network in the Indo-Pacific in international order transition: a South Korean perspective // The Pacific Review. 2023. 36 (2). Pp. 329–350. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160790.
7. *Дьячков И. В.* Отношения России с государствами Корейского полуострова в новой реальности // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Вып. № 6. С. 44–55. DOI: 10.31857/S013128120023290-0.
8. *Ефремова К. А.* АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 44–55. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04.
9. *Kahler M.* Middle Powers, Network Power, and Soft Power. In: *V.D. Cha & M. Dumond* (Eds.). The Korean Pivot. Center for Strategic and International Studies*2017. Pp. 10–15.
10. *Mo J.* South Korea's middle power diplomacy: A case of growing compatibility between regional and global roles // International Journal. 2016. 71 (4). Pp. 587–607.
11. *Snyder S*. South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers. New York: Columbia University Press, 2018.
12. *Furse Th.* The political economy of US maritime strategy in the Indo-Pacific // The Pacific Review. 2023. 36 (3). Pp. 662–690. DOI: 10.1080/09512748.2022.2111455.
13. *Helleiner E*. The neomercantilists: A global intellectual history. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.
14. *Давыдов О.* Южная Корея и американская стратегия свободной и открытой Индо-Пасифики // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 8. С. 31–40. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40.
15. *Ким Е. У., Самсонова (Пак) В. Г.* Индо-Тихоокеанская стратегия Республики Корея // Проблемы Дальнего Востока. 2023. Вып. № 3 С. 58–69. DOI: 10.31857/S013128120025775-3.
16. *Haruko W.* The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. RSIS Working Paper. No. 326. Singapore: Nanyang Technological University. 2020. https://dr.ntu.edu.sg/handle/10356/143604 (дата обращения: 02.06.2023).
17. *Doyle T., Rumley D.* The rise and return of the Indo-Pacific. Oxford University Press, 2019.

* Center for Strategic and International Studies (США) признан нежелательной организацией в России.

18. *Wirth Ch., Jenne N.* Filling the void: The Asia-Pacific problem of order and emerging Indo-Pacific regional multilateralism // Contemporary Security Policy. 2022. 43 (2). Pp. 213–242. DOI: 10.1080/13523260.2022.2036506.
19. *Wilkins Th., Kim J.* Adoption, accommodation or opposition? – regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // The Pacific Review. 2022. 35 (3). Pp. 415-445. DOI: 10.1080/09512748.2020.1825516.
20. *Seah S., Lin J., Suvannaphakdy S., Martinus M., Pham T.P.T., Seth F.N., Hoang T.H.* The state of Southeast Asia: 2022. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2022. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (дата обращения: 23.05.2023).
21. *Feng Liu*. Balance of power, balance of alignment, and China's role in the regional order transition // The Pacific Review. 2023. 36 (2). Pp. 261–283. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160791.
22. *Kuik Cheng-Chwee.* Shades of grey: riskification and hedging in the Indo-Pacific // The Pacific Review, 2022. DOI: 10.1080/09512748.2022.2110608
23. Интеграционные процессы в Восточной Азии: тенденции, задачи, перспективы (на примере Китая, Республики Корея и Вьетнама): Доклад / Отв. ред. И.А. Коргун. М.: Институт экономики РАН. 2021. https://www.inecon.org/docs/2021/Korgun_paper_2021.pdf (дата обращения: 30.04.2023).
24. *Teo S.* South Korea in the ASEAN-centered regional network // Asian Politics and Policy. 2023. 15 (1). Pp. 98–112. https://doi.org/10.1111/aspp.12676.

REFERENCES

1. *Koga K.* Struggle for coalition-building: Japan, South Korea, and the Indo-Pacific // Asian Politics and Policy. Policy. 2023. 15 (1). Pp. 63–82. https://doi.org/10.1111/aspp.12679.
2. *Lebow R.* Classical Realism. In: International Relations Theories: Discipline and Diversity / *Eds Dunne T., Kurki M., Smith S.* – New York: Oxford University Press. 2001. Pp. 52–70.
3. *Davydov O.* South Korea announces Indo-Pacific Doctrine. Commentaries (09.01.2023). https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/south-korea-advances-indo-pacific-doctrine (accessed: 28.04.2023). (In Russ.).
4. *Yeo A.* South Korean foreign policy in the Indo-Pacific era. Brookings Report (November, 2022). Available at: https://www.brookings.edu/research/south-korean-foreign-policy-in-the-indo-pacific-era/ (accessed: 02.06.2023).
5. *Kim E.* Assessment of South Korea's New Indo-Pacific Strategy. the Center for Strategic and International Studies*, 2023. Available at: https://www.csis.org/analysis/assessment-south-koreas-new-indo-pacific-strategy (accessed: 15.05.2023).
6. *Park Jae Jeok*. The US-led security network in the Indo-Pacific in international order transition: a South Korean perspective // The Pacific Review. 2023. 36 (2). Pp. 329–350. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160790.
7. *Dyachkov I.* Russia's Relations with North and South Korea in the New Reality // Problemy Dalnego Vostoka. 2022. № 6. Pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013128120023290-0. (In Russ.).
8. *Efremova K.A.* ASEAN as a Potential Actor in Global Governance: Prerequisites, Opportunities, and Prospects // Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 44–55. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04. (In Russ.).

* Center for Strategic and International Studies (США) признан нежелательной организацией в России.

9. *Kahler M.* Middle Powers, Network Power, and Soft Power. In: *V.D. Cha & M. Dumond* (Eds.). The Korean Pivot. Center for Strategic and International Studies*: 2017. Pp. 10–15.
10. *Mo J.* South Korea's middle power diplomacy: A case of growing compatibility between regional and global roles // International Journal. 2016. 71 (4). Pp. 587–607.
11. *Snyder S.* South Korea at the Crossroads: Autonomy and Alliance in an Era of Rival Powers. New York: Columbia University Press, 2018.
12. *Furse Th.* The political economy of US maritime strategy in the Indo-Pacific. The Pacific Review. 2023. 36(3). Pp. 662–690. DOI: 10.1080/09512748.2022.2111455.
13. *Helleiner E.* The neomercantilists: A global intellectual history. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2021.
14. *Davydov O.* South Korea and the U.S. Strategy of Free and Open Indo-Pacific // World Economy and International Relations. 2021. Vol. 65. No. 8. Pp. 31–40. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-31-40 (In Russ.)
15. *En K., Samsonova V.* The Indo-Pacific Strategy of the Republic of Korea // Problemy dalnego vostoka. 2023. Iss. 3 C. 58–69. DOI: 10.31857/S013128120025775-3. (In Russ.).
16. *Haruko W.* The "Indo-Pacific" concept: geographical adjustments and their implications. RSIS Working Paper. No. 326. Singapore: Nanyang Technological University, 2020. https://dr.ntu.edu.sg/handle/10356/143604 (accessed: 02.06.2023).
17. *Doyle T., Rumley D.* The rise and return of the Indo-Pacific. Oxford University Press, 2019.
18. *Wirth Ch., Jenne N.* Filling the void: The Asia-Pacific problem of order and emerging Indo-Pacific regional multilateralism // Contemporary Security Policy. 2022. 43 (2). Pp. 213–242. DOI: 10.1080/13523260.2022.2036506.
19. *Wilkins Th., Kim J.* Adoption, accommodation or opposition? – regional powers respond to American-led Indo-Pacific strategy // The Pacific Review. 2022. 35(3). Pp. 415–445. DOI: 10.1080/09512748.2020.1825516.
20. *Seah S., Lin J., Suvannaphakdy S., Martinus M., Pham T.P.T., Seth F.N., Hoang T.H.* The state of Southeast Asia: 2022. Singapore: ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2022. https://www.iseas.edu.sg/wp-content/uploads/2022/02/The-State-of-SEA-2022_FA_Digital_FINAL.pdf (accessed: 23.05.2023).
21. *Feng Liu*. Balance of power, balance of alignment, and China's role in the regional order transition // The Pacific Review. 2023. 36(2). Pp. 261–283. DOI: 10.1080/09512748.2022.2160791.
22. *Kuik Cheng-Chwee.* Shades of grey: riskification and hedging in the Indo-Pacific // The Pacific Review, 2022. DOI: 10.1080/09512748.2022.2110608.
23. Regional Integration in East Asia: trends, goals and future tasks (cases of China, Republic of Korea and Vietnam): Report / Ex. ed. *I.A. Korgun, A.A. Yakovlev, V.O. Gorbacheva, K.H. Nguen.* M.: The Institute of Economics RAS. 2021. P. 54. https://www.inecon.org/docs/2021/Korgun_paper_2021.pdf (accessed: 30.04.2023). (In Russ.).
24. *Teo S.* South Korea in the ASEAN-centered regional network // Asian Politics and Policy. 2023. 15 (1). Pp. 98–112. https://doi.org/10.1111/aspp.12676.

Дата поступления рукописи: *20.06.2023 г.*

* Center for Strategic and International Studies (США) признан нежелательной организацией в России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Коргун Ирина Александровна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR
Irina A. Korgun – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1496-4375
irinakorgun@yandex.ru

REPUBLIC OF KOREA'S INDO-PACIFIC STRATEGY: PRIORITIES AND REPERCUSSIONS FOR REGIONAL STABILITY IN EAST ASIA

This study aims to analyze the priorities of the Indo-Pacific Strategy (IPS) of the Republic of Korea (ROK) and specifically attempts to assess the potential impact of the strategy on the balance of power in the region from the perspective of classical realism. It also evaluates the extent to which the current level of economic cooperation with Southeast Asia (SEA) and India corresponds to its central position in the strategy.

The study concludes that in the medium and long term, the IPS may have a destabilizing impact on the regional situation and negatively affect the image of the ROK as a neutral player, as it has been perceived so far. According to classical realism, strengthening alliances at the expense of the interests of other players will lead to increased conflicts, as has happened repeatedly throughout history. Despite the Korean government emphasizing the significance of the SEA and India region for the economy, the ROK's dependency on China has not diminished. Currently, there is a noticeable increase in the country's economic interaction with the United States, further pulling Seoul into the orbit of American partners and making it a tool for achieving foreign policy and strategic goals for certain circles of the US administration.

Keywords: *Indo-Pacific Strategy, Republic of Korea, trade and investment cooperation, Southeast Asia, India, USA, East Asia.*

JEL: F50, F10.

В.П. КЛАВДИЕНКО
доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА КИТАЯ: ТЕНДЕНЦИИ, НОВАЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследованы тенденции и особенности развития возобновляемой энергетики Китая в контексте современной трансформации глобального энергетического хозяйства. Определены факторы стремительного роста ключевых секторов «зеленой» энергетики. Раскрыты приоритетные направления НИОКР и инновационных технологических преобразований в сфере возобновляемой энергетики Китая, объем и структура их финансирования. Проведен сравнительный анализ КИУМ и приведенной стоимости электроэнергии различных технологий генерации в Китае и в ряде других стран. Рассмотрены перспективы и проблемы дальнейшего развития возобновляемой энергетики Китая на пути к углеродной нейтральности.

Ключевые слова: *возобновляемая энергетика, ископаемое топливо, энергетический переход, мировая экономика, Китай.*

УДК: 338, 339

EDN: MSKMFO

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_134_156

Введение

Одним из основных императивов перехода экономики на траекторию устойчивого развития выступает снижение удельного объема выбросов парниковых газов в атмосферу (например, в расчете на единицу потребляемой энергии, созданного ВВП, километров пробега для транспортных средств и/или других видов хозяйственной деятельности). В масштабах мирового хозяйства главным эмитентом парниковых газов признается энергетический сектор, а главной страной загрязнителем – Китай, на долю которого приходится треть мирового объема выбросов двуокиси углерода – газа, вызывающего наибольший парниковый эффект.

Выбросы в атмосферу двуокиси углерода (CO_2) при сжигании топлива прямо пропорциональны содержанию в нем углерода. При этом содержание углерода в разных видах источников энергии

неодинаковое: в ископаемом топливе оно высокое, тогда как в ядерном топливе и в возобновляемых источниках энергии оно равно нулю. Следовательно, интенсивность выбросов CO_2 при производстве электроэнергии можно снизить путем структурных изменений в потреблении энергоресурсов и переориентации, например, на возобновляемые источники или на ядерное топливо.

В Китае 90% выбросов в атмосферу диоксида углерода связаны с энергетикой, основанной на ископаемом топливе, поэтому проблема снижения выбросов CO_2 является в этой стране одной из наиболее острых. Ключевым направлением разрешения этой проблемы стала трансформация энергетической системы Китая, осуществляемая за счет перехода к широкому использованию возобновляемых источников энергии. Эта политика поддерживается пакетом мер государственного стимулирования «зеленых» инвестиций, технологий и НИОКР.

Какими темпами идет развитие возобновляемой энергетики Китая? Какие факторы содействуют этому процессу, и что тормозит его? Почему, став мировым лидером по генерации «чистой» энергии, Китай остается главным виновником в повышении уровня диоксида углерода в атмосфере? — эти и другие вопросы рассматриваются в данной статье.

Лидер увеличивает отрыв от конкурентов

Бурный рост китайской экономики в начале XXI столетия сопровождался масштабным потреблением энергоресурсов (прежде всего ископаемого топлива) и возросшей эмиссией парниковых газов. Только в 2000–2010 гг. она возросла более чем в 2,5 раза. С 2007 г. Китай становится главным эмитентом CO_2 в атмосферу.

Вопросы, связанные с сокращением выбросов парниковых газов, начали занимать все более важное место в повестке дня руководства КНР. В 2005 г. правительство страны приняло Закон о возобновляемой энергетике, который стал триггером развития отрасли. В 2007 г. Китай первым из развивающихся стран принял Национальную программу мер по борьбе с изменениями климата. В 12-й пятилетний план социально-экономического развития страны (2011–2015 гг.) впервые включены задания по снижению эмиссии углекислого газа и оксидов азота в атмосферу [30]. В 2016 г. под эгидой Национальной комиссии по развитию и реформам на основе 13-го пятилетнего плана социально-экономического развития впервые был разработан пятилетний план развития возобновляемой энергетики (2016–2020 гг.), что существенно повысило статус отрасли не только в энергетическом хозяйстве страны, но в экономике и обществе в целом.

Развернувшийся в последние десятилетия общемировой процесс борьбы с климатическими изменениями и заявленные многими стра-

нами намерения отказаться или существенно сократить использование угля в пользу возобновляемых источников энергии стали серьезным вызовом для КНР, в которой уголь является значимым фактором обеспечения экономического роста и благосостояния населения.

Отвечая на глобальные вызовы XXI в., председатель КНР Си Цзиньпин на 75 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2020 г. объявил о том, что КНР будет стремиться достичь пика выбросов углекислого газа до 2030 г. и углеродной нейтральности до 2060 г. [10, с. 127; 11; 12]. Ключевым направлением достижения этих стратегических целей признается дальнейшее развитие и повышение эффективности генерации на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ), широкого использования цифровых технологий, искусственного интеллекта и иных прорывных инновационных технологий [11; 18; 31; 35].

Китай располагает богатыми ресурсами возобновляемых источников энергии, однако использование этих ресурсов (исключая гидроресурсы) для генерации энергии в промышленных масштабах стало набирать обороты лишь в конце XX в. Суммарная выработка электричества на основе использования энергии ветра и солнечного излучения тогда составляла менее 3% общей выработки электроэнергии. В настоящее время Китай – общепризнанный мировой лидер во всех секторах возобновляемой энергетики по объему инвестиций, по установленной мощности, производству и потреблению чистой энергии.

Успехи Китая в освоении возобновляемых источников энергии неоспоримы. Менее чем за полтора десятилетия стране удалось создать мощную производственную и научно-техническую базу, развить сырьевую платформу новой инновационной отрасли. Суммарная установленная мощность в возобновляемой энергетике Китая в 2012–2022 гг. возросла в 3,5 раза, превысив 1160 ГВт. Сегодня она составляет треть глобальной установленной мощности в этой отрасли, превышая соответствующий показатель вместе взятых основных стран-конкурентов (см. табл. 1).

Наиболее высокими темпами в последнее десятилетие прирастали мощности в ветроэнергетике и солнечной энергетике. Общая установленная мощность в ветроэнергетике КНР увеличилась в 6 раз и к 2023 г. достигла 366 ГВт, что составляет 40% установленной мировой мощности в этом секторе (больше чем во всех странах ЕС и США вместе взятых). Еще быстрее нарастала установленная мощность в солнечной энергетике КНР. В 2012–2022 гг. она возросла в 46 раз и к 2023 г. составила 395 ГВт, превысив треть суммарной мировой мощности в этой отрасли.

Небезынтересна смена лидера в этом секторе зеленой энергетики. До 1997 г. с большим отрывом по объему установленной мощности и выработке электроэнергии лидировала солнечная энергетика США,

Таблица 1

Доля стран – лидеров в глобальной установленной мощности возобновляемой энергетики и ее секторах (%)

Сектор возобновляемой энергетики	Китай		ЕС (27 стран)		США	
	2012 г.	2022 г.	2012 г.	2022 г.	2012 г.	2022 г.
Общая установленная мощность в возобновляемой энергетике	20,9	34,4	22,1	16,9	11,4	10,4
Ветроэнергетика	28,4	40,7	36,4	22,7	22,1	15,7
Солнечная энергетика	6,4	37,3	68,5	22,3	8,3	10,7
Гидроэнергетика	22,9	29,7	13,3	11,0	11,1	7,4
Биоэнергетика	6,0	20,8	34,5	23,6	14,7	7,6

Рассчитано и составлено автором по: [19; 23; 24].

с 1997–2004 г. мировым лидером в отрасли становится Япония. В 2005 г. первенство в солнечной энергетике на десять лет переходит к Германии, а с 2015 г. неизменным мировым лидером по установленной мощности и объему генерации в солнечной энергетике является Китай. Доминирование Китая в мировой гелиоэнергетике не ограничивается масштабом установленной мощности. Важно и то, что на его долю приходится свыше ⅔ мирового производства поликремния — основного сырья для изготовления солнечных панелей.

Высокая динамика роста мощностей была характерна также для биоэнергетики Китая. В последнее десятилетие общая установленная мощность в этой отрасли увеличилась в 5 раз. В 2022 г. Китай по этому показателю вдвое превосходил идущую следом за ним Бразилию и втрое США, расположившиеся на третьей позиции. Однако уровень утилизации отходов в Китае пока невысок. Ежегодно страна дает 900 млн т отходов сельхозпродукции и лесного хозяйства. Использование такого количества биомассы эквивалентно 400 млн т условного топлива, но только лишь 10% из этого объема отходов используется в качестве энергоносителей [35].

Из всех секторов возобновляемой энергетики наибольшей установленной мощностью располагает гидроэнергетика КНР – 413,5 ГВт (2022 г.), сохраняя в течение многих лет мировое лидерство по этому показателю. Однако в последнее десятилетие среднегодовой прирост мощностей в гидроэнергетике невысок (менее 3%). И хотя она по-прежнему вносит наибольший вклад от ВИЭ в общий объем генерации электроэнергии, вклад этот перманентно снижается в пользу ветро- и солнечной энергетики.

Характерной тенденцией возобновляемой энергетики Китая стало не только нарастание совокупной установленной мощности, но и неуклонное увеличение доли отрасли в общей выработке электроэнергии. Если в 2000 г. доля ВИЭ в общей генерации составляла 16,6%, в 2012 г. – 19,0%, то в 2022 г. она возросла до 29,7% с долями гидро-, ветро-, гелио- и биоэнергетики 16,0; 7,8; 3,9; 2,0% соответственно [24].

Стремительное развитие возобновляемой энергетики (особенно ветровой и солнечной) в Китае было обеспечено рядом факторов, важнейшими из которых стали: всесторонняя государственная поддержка, щедрые инвестиционные вложения, новые технологические решения и инновационные разработки в отрасли.

Государственная поддержка

Правительство КНР использовало разнообразные практики стимулирования развития возобновляемой энергетики, сочетающие административные меры, инструменты финансовой и фискальной политики. В январе 2006 г. вступил в силу принятый правительством КНР «Закон о возобновляемой энергетике», который заложил правовую основу для механизма государственной поддержки генерации и потребления энергии от возобновляемых источников, определил методы и формы взаимодействия государства и бизнеса в освоении нетрадиционных источников энергии. Предусматривалось широкое использование финансовых и фискальных инструментов для изменения соотношения цен в пользу возобновляемых источников энергии и соответствующих технологий.

Основным инструментом стимулирования освоения ВИЭ стали компенсации к тарифам на энергию, генерируемую на основе возобновляемых источников [20, с. 238]. Суть этого инструмента заключалась в том, что государство поддерживало закупочные цены на «чистую» энергию на уровне реальных издержек на ее производство, компенсируя производителям повышенные расходы в течение определенного периода времени (до 20 лет). При этом существенно снижались риски для инвесторов, поскольку уже на этапе планирования они получали долговременные гарантии на реализацию энергии от возобновляемых источников по фиксированным ценам.

Кроме гарантированной закупки «зеленой» энергии у производителей по льготным долгосрочным тарифам практическое применение получили такие формы государственной поддержки для предприятий ветровой и солнечной энергетики, как льготные кредиты, повышенные налоговые вычеты по расходам на НИОКР, ускоренная амортизация основных средств, льготные таможенные пошлины на импорт оборудования, налоговые каникулы. Так, вновь зарегистрированным

в налоговых органах предприятиям – производителям оборудования и комплектующих для ветро- и солнечной энергетики была предоставлена возможность получить налоговые каникулы сроком на 5 лет (2+3). Эта преференция дала предприятиям право на полное освобождение от налога в течение первых двух лет с момента получения прибыли и уплату налогов по сниженной ставке (50% от основной) в последующие три года [4].

По мере повышения эффективности технологий генерации в ветро- и солнечной энергетике действовавший механизм их государственной поддержки, ядром которого являлось субсидирование в формате льготных тарифов и налоговые преференции, постепенно стал сворачиваться и замещаться элементами нового, более гибкого механизма взаимодействия государства и бизнеса.

В мае 2019 г. был запущен подготовленный Национальной комиссией по развитию и реформам, Национальным управлением по энергетике и Министерством финансов КНР пилотный проект без субсидиарной генерации солнечными и наземными ветроэнергетическими установками в районах, обеспеченных соответствующими возобновляемыми источниками энергии [10].

Эта новация была ориентирована на развитие рыночных отношений в энергетическом секторе страны, на формирование конкурентных условий для различных технологий генерации электроэнергии. Суть этой новации в том, что государство устанавливает для провинций минимальные квоты потребления электроэнергии от возобновляемых источников в общем объеме потребления электричества. При этом квоты состоят из двух частей: доля потребления электроэнергии от всех видов возобновляемых источников и доля «зеленой» энергии без учета гидрогенерации. Величина второй части квот рассматривается как главное обязательное задание и устанавливается в зависимости от обеспеченности провинции гидроресурсами. Чем эта обеспеченность лучше, тем более высокие обязательства по этой части квот накладываются на провинциальном уровне. Так, в 2021 г. для различных провинций она устанавливалась в диапазоне от 10 до 25% [35].

Наряду с квотами вводятся в оборот так называемые «зеленые» сертификаты, представляющие собой свидетельство и/или соответствующую запись в электронном регистре, подтверждающую факт потребления той или иной компанией определенного количества энергии на основе возобновляемых источников. Компании, не справившиеся с официально установленными квотами потребления «чистой» энергии, могут зачислять их выполнение путем покупки «зеленых» сертификатов у организаций, имеющих избыточную долю потребления электроэнергии от возобновляемых источников. В свою очередь компании, превысившие официально установленные квоты потребления

«чистой» энергии, могут продавать эти излишки по рыночным ценам. Логическим дополнением этой модели коммерциализации «чистой» энергии являются штрафные санкции, применяемые к компаниям, не выполняющим установленные квоты потребления электроэнергии, выработанной на основе возобновляемых источников. Таким образом, новая модель коммерциализации возобновляемой энергетики, сочетающая методы административного регулирования с механизмами рынка, позволяет регулятору трансформировать директивные индикаторы освоения ВИЭ в баланс производства и потребления электроэнергии хозяйствующих субъектов, обеспечивая при этом равные конкурентные условия для разных технологий генерации.

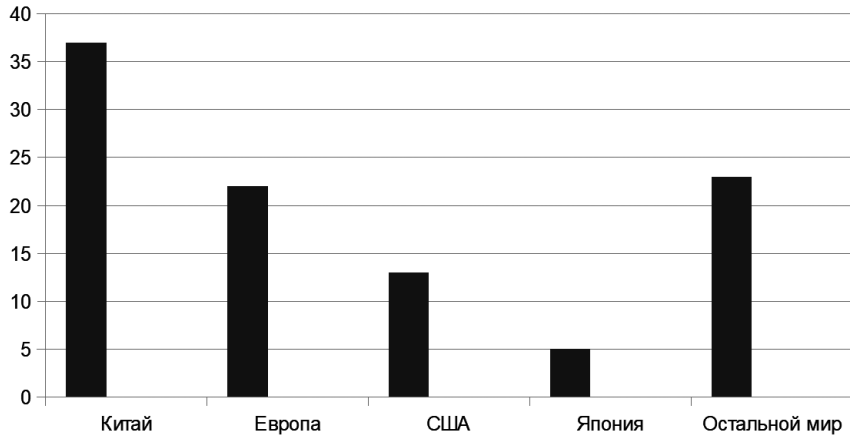
Мощным катализатором рыночных отношений в «зеленой» энергетике Китая стал запуск общенационального рынка торговли квотами на выбросы углекислого газа, официальное открытие которого состоялось в июле 2021 г. Число участников этого рынка неизменно растет. Первоначально в его работе участвовали главные эмитенты углекислого газа – предприятия энергетики. Сегодня его участниками являются более 2200 предприятий энергетической и металлургической, химической и нефтехимической, строительной и цементной промышленности [3; 6; 9; 10].

Внедрение элементов новой модели функционирования возобновляемой энергетики Китая происходит одновременно с постепенным свертыванием прежней компенсационной модели, основанной на долгосрочных контрактах и льготных тарифах на «чистую» энергию. В 2020–2021 гг. льготные тарифы приостановлены для новых наземных ветроэнергетических станций (ВЭС) и солнечных фотоэлектрических станций (СФЭС), а в 2022 г. – для ряда офшорных ВЭС. Показательно, что в 2022 г. более половины генерируемой в стране «чистой» электроэнергии продавалось по рыночным ценам [27].

Щедрые инвестиции

Поощрительная политика правительства к освоению ВИЭ стимулировала инвестиционную активность и бурный приток капитала в возобновляемую энергетику. В последнее десятилетие годовой объем инвестиций в нее увеличился в 2,6 раза, а в 2021 г. он превысил 137 млрд долл. И здесь Китай уверенно лидирует. Доля Китая в глобальных вложениях в «зеленую» энергетику составляет 37%, США – 13%, Японии – 5%, всех стран Европы – 22% (см. рис. 1).

Наиболее привлекательными для инвесторов стали ветровая и солнечная энергетика, а в последние годы также и генерация на основе биомассы. В 2021–2022 гг. из общего объема инвестиций в возобновляемую энергетику Китая 68% было вложено в солнечную энергетику,

Составлено и рассчитано автором по: [33].

Рис. 1. Доля крупнейших инвесторов в мировом объеме инвестиций в возобновляемую энергетику, в %, 2021 г.

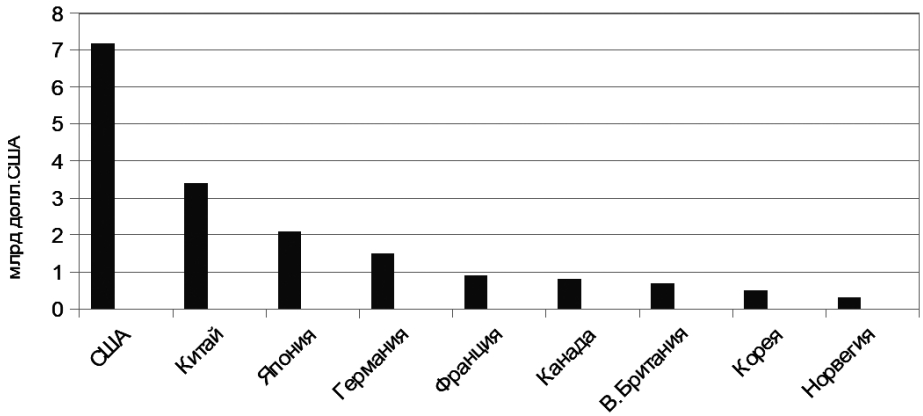
29% – в ветровую, 2% – в производство энергии на основе биомассы. Остальные средства были направлены на освоение энергии малых рек и геотермальных источников.

Бурное развитие возобновляемой энергетики во многом стало возможно благодаря созданию собственной базы производства оборудования и компонентов для объектов отрасли. Крупномасштабные инвестиции в отрасль позволили Китаю в короткие сроки создать мощную собственную научно-техническую и индустриальную базу производства оборудования и различных компонентов для объектов «зеленой» генерации, стать ведущим игроком на мировом рынке «зеленого» бизнеса. Так, из 10 мировых лидеров в производстве ветроэнергетического оборудования 6 являются китайскими фирмами, из 10 крупнейших производителей солнечных фотоэлектрических панелей – 7 китайские компании, обеспечивающие 70% мирового производства солнечных панелей. Показательно, что более 90% установленных в КНР ветроэнергетических турбин местного производства [16].

Исследования и инновации

Наряду с крупномасштабными инвестициями в создание новых мощностей трудно переоценить роль щедрого финансирования НИОКР в подъеме отрасли. В 2020 г. затраты общественных средств (бюджетов всех уровней) на исследования и инновационные разработки, связанные с возобновляемой энергетикой, увеличились по сравнению с 2010 г. более чем вдвое и составили 3,4 млрд долл. В последние годы по объему финансирования из бюджетных средств

НИОКР для возобновляемой энергетики Китай уступает только США (см. рис. 2).

Рассчитано и составлено автором по: [18; 32].

Рис. 2. Финансирование НИОКР и инноваций для возобновляемой энергетики из бюджетных средств, 2020 г.

Замечу, однако, что доля НИОКР для возобновляемой энергетики в структуре правительственных расходов на все исследования и разработки по энергетике составляет 40%, на НИОКР в области ядерной энергетики приходится 9%, при этом приоритетным направлением по-прежнему остаются исследования и разработки в области ископаемого топлива (51%). Для сравнения: в США, Канаде, Великобритании, Норвегии, Японии, Корее доля ассигнований на исследования и разработки в области возобновляемой энергетики в правительственных расходах на НИОКР по энергетике составляет 70–80%.

Главным спонсором «зеленых» НИОКР выступает бизнес-сектор (компании и предприятия государственной, частной, смешанной форм собственности), доля которого в финансировании НИОКР, связанных с возобновляемой энергетикой, составляет 60–75%. В расходах бизнеса на НИОКР по энергетике преимущество также отдается исследованиям и разработкам в сфере ископаемого топлива (30%), возобновляемая энергетика получает втрое меньше (11%), ядерная – 4%, значительные средства бизнес направляет на НИОКР в области ультра-высоковольтных ЛЭП (27%), электротранспорта (16%).

Основными бенефициарами средств на исследования и разработки для «зеленой» генерации являются солнечная и ветровая энергетика. В эти сектора поступает более 80% от всего объема средств на НИОКР для возобновляемой энергетики.

В ветроэнергетике Китая приоритетные направления НИОКР связывают с новыми инженерными решениями в области:

– производства турбин большей мощности;
– совершенствования дизайна ветроэнергетических установок (ВЭУ) и основных ее компонентов (лопасти, механические системы, системы контроля и управления и др.);
– создания прочных недорогих композитных материалов для несущих конструкций и ключевых компонентов ВЭУ;
– использования аддитивных технологий для производства деталей и компонентов турбин для ВЭУ;
– разработки ветрогенераторов для зон слабых ветров;
– внедрения новых практик дистанционного обслуживания ВЭУ с использованием искусственного интеллекта;
– совершенствования технологий защиты ВЭУ, расположенных в офшорах, от тайфунов,
– утилизации отработанного оборудования и др.

В сфере гелиоэнергетики внимание китайских ученых и исследователей сфокусировано на научных изысканиях и инновационных решениях в областях: улучшения дизайна и качественных характеристик солнечных элементов; разработки гибких солнечных панелей, способных принимать разнообразную форму с учетом местного ландшафта; освоения производства высокоэффективных гетероструктурных солнечных модулей; получения эффективных тонкопленочных солнечных элементов на основе перовскитов и др. [2; 5; 12; 32].

Синергетический эффект

Реализованные в секторах зеленой энергетики результаты НИОКР и инновационные разработки позволили усовершенствовать дизайн и расширить модельный ряд изделий с учетом природно-климатических условий их эксплуатации, улучшить технические характеристики и нарастить единичные мощности установок. Если в прошлом десятилетии на рынке преобладали турбины для ВЭУ мощностью в 2 МВт, то сегодня китайские компании предлагают турбины мощностью 6 МВт и более. Характерными тенденциями в ветроэнергетике стали также внедрение технологий автоматического контроля и регулирования основных компонентов ВЭУ (ротора, редукторов, инвертеров, системы изменения угла атак лопастей), повышение высоты башни и увеличение диаметра ротора. За последние полтора десятилетия высота башни в среднем увеличилась с 60 до 120 м, а диаметр ротора – с 70 до 122 и более метров. Повышение высоты башни и увеличение диаметра ротора позволило задействовать больший объем ветрового потенциала для генерации энергии и повысить эффективность работы ветроэнергетических генераторов. Показательно, что в 2010–2021 гг. коэффициент использования установленной мощности (КИУМ), характе-

ризующий эффективность работы энергетических агрегатов, в Китае увеличился для материковых ветроэнергетических установок с 25 до 36%, для офшорных ВЭУ – с 30 до 37% (см. табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент использования установленной мощности в ветроэнергетике (%)

Страны	Береговые ветроэнергетические установки		Офшорные ветроэнергетические установки	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Китай	25	36	30	37
Индия	25	35	36	42
США	33	41	39	45
Европа	27	36	38	43
Мир в целом	27	39	38	39

Составлено автором по: [25; 29].

Результатом инновационных разработок в гелиоэнергетике стало широкое внедрение цифровых технологий и искусственного интеллекта. Искусственный интеллект определяет конфигурацию солнечных ферм вплоть до азимутальной ориентации и оптимального угла наклона каждой солнечной панели, обеспечивая оптимальную генерацию, позволяет осуществлять дистанционный мониторинг оборудования, выявлять повреждения и загрязнения модулей, нарушения в работе инвертеров, отклонения трекеров от заданного наклона. При этом сокращаются затраты времени на проверку оборудования и устранение дефектов, повышается КИУМ. Среднее значение КИУМ китайских СФЭС в 2010–2021 гг. увеличилось с 12 до 17% [25; 29].

Совокупное влияние благоприятных факторов (крупномасштабных инвестиций, улучшения технико-экономических характеристик оборудования, внедрения технологий искусственного интеллекта, всесторонней государственной поддержки отрасли) содействовало уменьшению удельных капитальных затрат на установку и обслуживание оборудования, снижению издержек на генерацию энергии. Так, в 2010–2021 гг. удельные затраты на инсталляцию материковых ВЭУ в Китае уменьшились на 26%, и сегодня они составляют 1157 долл./кВт·ч, что на 17% меньше чем в США, на 29% меньше чем в Европе. Удельные капитальные затраты на инсталляцию мощностей для СФЭС снижались еще быстрее (на 83%), составив к 2022 г. 628 долл./кВт·ч, что на 42% меньше чем в США и на 31% меньше чем в Европе [18; 20; 22].

Наряду с уменьшением удельных капитальных затрат на инсталляцию мощностей, устойчивой тенденцией в «зеленой» энергетике

стало снижение издержек генерации. По данным Международного агентства по возобновляемой энергетике, в период 2010–2021 гг. приведенная стоимость одного кВт·ч электроэнергии, генерируемой наземными ВЭУ, в Китае уменьшились в среднем втрое, а электроэнергия от СФЭС обходится на порядок дешевле (см. табл. 3).

Таблица 3

Приведенная стоимость генерации электроэнергии (*долл.* США /кВт·ч)

Страны	Приведенная стоимость генерации наземными ВЭУ		Приведенная стоимость генерации СФЭС	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Китай	0,083	0,028	0,381	0,034
Индия	0,090	0,030	0,132*	0,035
США	0,103	0,031	0,305	0,050
Европа	0,130	0,042	0,420	0,052
Мир в целом	0,102	0,033	0,417	0,048

* 2013 г.

Составлено автором по: [24; 25; 26; 32].

Как показывают данные табл. 3, стоимость выработки электроэнергии от ВЭС и СФЭС в Китае находится в пределах 3–4 центов за кВт·ч, что ниже издержек генерации электроэнергии на угольных электростанциях, газотурбинных станциях комбинированного цикла или АЭС. Снижение издержек и повышение конкурентоспособности технологий генерации «чистой» энергии открывает новые горизонты для формирования инновационной, не агрессивной к окружающей среде энергетики Китая.

Планы и прогнозы

В октябре 2021 г. обнародован «План действий по достижению пикового уровня выбросов углекислого газа до 2030 г. в КНР», в котором сформулированы основные направления «зеленой» трансформации экономики страны на период до 2030 г., определены задачи для энергетического хозяйства, в том числе конкретные цели в области чистой энергетики на этапе достижения пика эмиссии двуокиси углерода. Вот лишь некоторые из них:

– увеличить долю неископаемых источников в общем потреблении энергии до 25%;
– достичь более 1200 ГВт общей установленной мощности в ветровой и солнечной энергетике;

– увеличить установленные мощности в гидроэнергетике на 40 ГВт;
– достичь в ядерной энергетике установленной мощности 120 ГВт;
– обеспечить покрытие крыш новых общественных учреждений и фабричных зданий солнечными батареями не менее чем на 50%;
– обеспечить не менее чем на 70% экологически чистыми видами транспорта города с населением более 1 млн человек [11].

План действий предусматривает также: совершенствование механизма стимулирования развития возобновляемой энергетики; повышение стандартов энергоэффективности оборудования и оптимизацию структуры промышленности; широкое использование безуглеродных и низкоуглеродных технологий в сельском хозяйстве; ускорение и поощрение подготовки кадров для возобновляемой энергетики в институтах и университетах; активизацию НИОКР и ускорение продвижения передовых технологий в возобновляемой энергетике; запуск ряда крупных национальных проектов по стратегически важным прорывным низкоуглеродным, безуглеродным и углеродоотрицательным технологиям; включение достигнутых результатов в области «зеленых» технологий и декарбонизации в оценку деятельности институтов, университетов и государственных организаций [11].

В марте 2022 г. Национальная комиссия по развитию и реформам КНР опубликовала План развития современной энергетики на 2021–2025 гг., в котором определены приоритеты энергетической стратегии страны, в том числе в сфере возобновляемой энергетики на текущую пятилетку. Ключевыми среди них названы энергетическая безопасность и декарбонизация отрасли. Важнейшим инструментом обеспечения этих приоритетных направлений должна стать возобновляемая энергетика, прежде всего ветровая и солнечная.

Плановые задания предусматривают к 2025 г. 50%-е увеличение выработки электроэнергии от ВИЭ по сравнению с уровнем 2020 г., устанавливают долю «чистой» электроэнергии в потреблении электроэнергии на 2025 г. в 33%, в том числе для «чистой» электроэнергии, не связанной с гидроэнергетикой – в 18%. Предусматривается создание мощных баз генерации «чистой» энергии в пустынных районах страны. При этом расширение потенциала ее генерации в текущей пятилетке, в отличие от предыдущей, не предполагает безусловного свертывания угольной генерации. Работающие на угле энергетические объекты будут выполнять роль стабилизаторов формирующейся инновационной низкоуглеродной энергосистемы страны. Намечено также смещение акцентов в сфере инновационных разработок, связанных с «зеленой» энергетикой. В фокусе научных изысканий и инженерных решений будут находиться технологические инновации. Исследования в области рыночных реформ и разработки бизнес-моделей станут менее востребованными.

Перспективы развития возобновляемой энергетики в КНР оцениваются исследователями, как правило, оптимистично. По прогнозам китайских ученых из Университета Цинхуа, на пути к углеродной нейтральности доля ВИЭ в первичном энергопотреблении страны возрастет до 20% в 2030 г. и до 65–68% – в 2060 г. [35]. Прогноз, подготовленный специалистами Китайской государственной нефтегазовой компанией CNPC, предполагает чуть большие показатели – увеличение доли ВИЭ в первичном энергопотреблении в 2030 г. до 23,9%, и в 2060 г. – до 70,4%. При этом совокупная доля солнечной и ветровой энергетики в 2060 г., по оценкам CNPC, возрастет до 60%, а вклад гидроэнергетики уменьшится до 10 против 16% в 2020 г. [17].

Оптимистично оценивают перспективы развития возобновляемой энергетики Китая также и зарубежные аналитики. В 2023 г. компания British Petroleum опубликовала три возможных сценария энергоперехода китайской экономики к углеродной нейтральности. Первый из предложенных сценариев, получивший название новый импульс (New Momentum), предполагает снижение выбросов CO_2 к 2050 г. на 55% по сравнению с 2019 г., согласно второму сценарию – под названием ускоренный (Acceleration), снижение эмиссии двуокиси углерода составит 92%, третий вариант – чистый ноль (Net Zero) – предполагает снижение выбросов CO_2 на 99% к уровню 2019 г. [13; 21].

Показательно, что во всех трех сценариях предполагается существенный рост доли ВИЭ (без учета гидроресурсов) в первичном энергопотреблении: в сценарии новый импульс – до 38%, в ускоренном и нулевом сценариях – до 60 и 62% соответственно. Доля гидроресурсов к 2050 г. во всех трех сценариях определена в пределах до 8–13%. При этом доля угля по всем трем сценариям существенно уменьшится: в сценарии новый импульс – до 20%, в сценарии ускоренный и нулевой – до менее 5% [13].

Не оспаривая прогнозные оценки зарубежных аналитиков относительно долговременных перспектив развития возобновляемой энергетики в Китае, не следует, однако, переоценивать ее роль в настоящее время и в обозримом будущем.

Сокращать нельзя наращивать

При неоспоримых успехах в освоении ВИЭ основой китайской энергетики остается ископаемое топливо (83%). При этом главным энергоносителем выступает уголь, доля которого в энергопотреблении составляет 55% (см. табл. 4). Для сравнения: в США доля угля в первичном энергопотреблении всего 11%, в странах ЕС (в среднем) – 12%, в Японии – 27%.

Таблица 4

Доля источников энергии в первичном энергопотреблении в Китае (%)

Виды источников энергии	2000 г.	2010 г.	2021 г.
Ископаемые источники (уголь, нефть, газ)	93,9	91,7	82,7
в том числе уголь	69,6	70,0	54,7
Низкоуглеродные источники	6,1	8,3	17,3
в том числе:			
возобновляемые источники	5,7	7,6	15,0
ядерное топливо	0,4	0,7	2,3

Рассчитано и составлено автором по: [14].

В последние годы инвестиции в угольную промышленность КНР продолжают расти, увеличиваются мощности в угольной генерации. По оценкам экспертов Международного энергетического агентства, в 2022 г. из суммарного мирового прироста мощности в угольной генерации 95% пришлось на Китай [33].

Являясь основой китайской энергетики, уголь вместе с тем остается наиболее проблемным топливом для окружающей среды. Так, работающие на угле энергетические объекты дают 70% выбросов в атмосферу двуокиси углерода, 90% – двуокиси серы, 67% – оксидов азота. Учитывая проблемный характер этого вида топлива для окружающей среды, одной из важных задач энергетической стратегии Китая признается повышение экономической эффективности угольных ТЭС, разработка и внедрение экологически чистых технологий сжигания угля. Эта двуединая задача решается в КНР комплексно.

Одним из направлений ее решения стала модернизация энергетических объектов путем замены малых энергоустановок более крупными и мощными, с высоким КПД. Особое внимание уделяется оснащению ТЭС технологиями со сверхкритическими и ультрасверхкритическими параметрами пара, позволяющими увеличить КПД до 46–48% против 33–35% на энергоблоках старых образцов.

Другим направлением решения поставленной задачи стало внедрение технологий чистой переработки угля при теплогенерации. В соответствии с решениями правительства на всех вновь вводимых и на крупных (свыше 135 МВт) действующих энергоблоках в обязательном порядке должны использоваться десульфуризационные установки (ДСУ), позволяющие сократить выбросы двуокиси серы (SO_2), образующиеся в результате сжигания угля. Современные ДСУ обеспечивают эффективность улавливания SO_2 до 95%, при этом позволяют также удалять из дымовых газов от 40 до 70% оксидов азота.

Актуальным направлением декарбонизации энергетики Китая становится внедрение технологий CCUS (Carbon Capture, Utilization

and Storage – улавливания, использования и хранения углерода) на угольных ТЭС и на заводах по переработке угля в химикаты. Эти инновационные технологии включают улавливание углекислого газа при сжигании топлива стационарными источниками (например, работающими на ископаемом топливе электростанциями), очистку и транспортировку уловленного газа, использование его для производства полезных продуктов или захоронение в геологических пластах. Технологии CCUS позволяют снизить выбросы CO_2 на предприятиях, работающих на угле, практически до нуля [1]. Однако важно и то, что эти технологии очень затратные. Поэтому привлечение частных инвесторов к реализации проектов CCUS – задача непростая, и без государственной поддержки здесь не обойтись.

В настоящее время главными акторами реализации проектов CCUS являются государственные корпорации. В энергетическом секторе это Huaneng Group Corp, Huadian Group Corp, China Energy Group, в нефтегазовом секторе – Sinopec, CNPC, в металлургии – сталелитейные гиганты – Baowu Steel, Hebei Steel и др. По данным Глобального института технологий улавливания и хранения углерода (Global CCS Institute), в 2022 г. в Китае на различных стадиях разработки находилось более 50 проектов CCUS. Совокупная мощность действующих в стране установок по улавливанию CO_2 составляла около 3 млн т в год [34]. Как показывают эти данные, вклад технологий CCUS в декарбонизацию китайской экономики (энергетики в частности) пока невелик и составляет всего 0,026% от общих годовых выбросов CO_2 в стране (или 0,028% объема выбросов от сжигания ископаемого топлива, в частности, 0,037% от сжигания угля). К 2030 г. в стране планируется ввести в строй более тысячи новых ТЭС, работающих на технологиях чистого угля [6].

Барьеры на пути «озеленения»

Структурные сдвиги в энергетическом хозяйстве КНР в пользу генерации на основе ВИЭ, осуществляемые вместе с мерами по модернизации традиционных технологий в энергетике, стали одним из факторов заметного снижения показателя углеродоемкости экономики страны, рассчитанного как отношение общих выбросов двуокиси углерода к ВВП в соответствующий период (см. табл. 5).

Как показывают данные табл. 5, тенденция к снижению углеродоемкости китайской экономики в последние десятилетия проявляется вполне отчетливо. Тем не менее, несмотря на значительный прогресс в декарбонизации китайской экономики, углеродоемкость ее остается в разы выше, чем в других крупных экономических системах. Во многом это связано с львиной долей угля и невысокой долей ядерного топлива

Таблица 5

Удельные выбросы двуокиси углерода (тонн CO_2 / 1000 *долл* США ВВП) **(по ППС)**

Страны	2000 г.	2010 г.	2021 г.
Китай	0,72	0,68	0,45
Индия	0,36	0,31	0,25
Япония	0,25	0,23	0,20
США	0,39	0,31	0,21
ЕС-27	0,22	0,18	0,13
Мир в целом	0,34	0,32	0,26

Составлено автором по: [22].

в энергобалансе страны, а также с доминированием в промышленности отраслей с высокой энергоемкостью и интенсивностью выбросов (металлургии, цементного производства) [15]. При этом замещение традиционных источников возобновляемыми источниками энергии в Китае наталкивается на целый ряд технических, административных и экономических барьеров:

– Одним из существенных препятствий на пути более широкого освоения возобновляемых источников являются административные барьеры, связанные с получением разрешений на строительство объектов возобновляемой энергетики. Действия центральных властей, направленные на вывод из эксплуатации объектов угольной генерации, сталкиваются с сопротивлением на местах, обусловленным риском роста безработицы и сокращением налоговых поступлений [7; 8]. В результате сроки согласования проектов на установку объектов возобновляемой энергетики затягиваются до 5 лет и более. В некоторых провинциях (Hunan, Henan, Shanxi) местная администрация не разрешает сооружение новых объектов ВЭ, аргументируя отказы разрушением ландшафта, дефицитом земельных площадей и др.
– Остаются не полностью решенными вопросы, связанные с интеграцией объектов возобновляемой энергетики в единую электросеть. Зависимость генерации на этих объектах от погодных условий, неравномерность выработки, возможные колебания выходной мощности при перемене скорости ветра и солнечного излучения существенно затрудняют планирование производства электроэнергии, вызывают необходимость строительства электростанций традиционного типа для стабилизации частоты в энергосети и поддержания надежного энергоснабжения. Коэффициент использования установленной мощности в ветроэнер-

гетике Китая остается все еще значительно ниже, чем у электростанций, работающих на газе (в 1,5 раза), на угле (почти вдвое) и на ядерном топливе (в 2,5 раза). КИУМ солнечных фотоэлектрических станций еще меньше (вдвое ниже ВЭС).

– Генерирующие объекты возобновляемой энергетики требуют значительно больших земельных площадей, чем электростанции, работающие на ископаемом топливе. Так, для производства количества электроэнергии, эквивалентного производству одной ТЭС, занимающей несколько десятков га, солнечной фотоэлектрической станции требуется площадь в 100 раз большая, а для ветропарка – в 250 раз большая. Замещение же ископаемых источников энергии гидроресурсами и строительство новых плотин вызывает затопление огромных территорий и вынужденное переселение миллионов людей, что ограничивает возможности экстенсивного роста гидроэнергетики.
– Ускоренное развитие ВЭ невозможно без использования редкоземельных металлов (РЗМ), уникальные свойства которых делают их незаменимыми в производстве ветровых турбинных генераторах, фотоэлектрических панелей для солнечной энергетики. Кроме того, они широко востребованы в атомной энергетике, в производстве энергосберегающих ламп, аккумуляторов для электромобилей, жидкокристаллических дисплеев телевизоров, ноутбуков, смартфонов и целого ряда других высокотехнологичных продуктов.

Китай щедро наделен РЗМ и является мировым лидером не только по запасам, но также по добыче и переработке редкоземельных руд. На него приходится более половины мировых запасов, свыше 60% добычи и 90% производства РЗМ [13; 28]. Обеспеченность Китая РЗМ дает ему дополнительные конкурентные преимущества на глобальном рынке «зеленого» бизнеса. Вместе с тем нельзя не отметить, что добыча РЗМ влечет за собой существенную проблему. Она заключается в том, что в породах, которые их обычно содержат, концентрация этих минералов очень низка. Кроме того, РЗМ невозможно найти по отдельности, они перемешаны в горных породах друг с другом, а зачастую и с радиоактивными элементами. Для выработки даже небольшого количества РЗМ необходимо извлечь и переработать огромное количество руды, что связано с образованием большой массы отходов и загрязнением окружающей среды. Производство одной тонны РЗМ генерирует 12 тыс. т жидких и 2 тыс. т твердых отходов. При этом в атмосферу выбрасывается большое количество вредных веществ и токсинов, включая диоксид углерода [28]. Таким образом, начальные звенья производственной цепочки «зеленой» энергетики представляются отнюдь не зелеными;

– Нельзя не принять во внимание и то, что сложившаяся в Китае энергетическая система, основанная на ископаемом топливе, – это огромный сложный механизм, порождающий колоссальные доходы и включающий не только технологические, но также финансово-экономические, социально-политические компоненты. Многочисленные институты обеспечивают функционирование сложившейся энергетической системы, устанавливают соответствующие технические стандарты, нормы, правила, процедуры, регулируют финансовые и товарные потоки, подготавливают для нее квалифицированные кадры. Огромная армия людей разных профессий обеспечивает функционирование этой системы, получает от этой системы свои доходы, идентифицирует себя с ней и не испытывает мотиваций к ее изменениям.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:
– в последнее десятилетие Китай значительно укрепил свои позиции в качестве мирового лидера в ключевых секторах возобновляемой энергетики, заметно увеличил отрыв от идущих следом конкурентов по суммарной установленной мощности и по объему генерации в ветро-, солнце-, гидро-, биоэнергетике;
– в стране создана мощная индустрия по производству оборудования и комплектующих для СФЭС и ВЭС, обеспеченная отечественной сырьевой базой, в том числе редкоземельными минералами, необходимыми для производства «зеленого» оборудования;
– не ограничиваясь статусом фабрики мира по производству оборудования для возобновляемой энергетики, Китай последовательно наращивает научно-технический потенциал, уверенно продвигаясь к мировому лидерству также в сфере «зеленых» НИОКР и инноваций;
– щедрое финансирование от государства и бизнес-сектора получают не только НИОКР и инновации, ориентированные на использование ВИЭ, но и прорывные инновационные разработки в области традиционной энергетики;
– накопленный потенциал в освоении ВИЭ и сопряженных высокотехнологичных производств формирует благоприятные предпосылки для повышения роли страны во всей глобальной цепочке создания стоимости «чистой» энергии;
– главным инструментом государственного регулирования энергетического хозяйства остается планирование. В пятилетних планах (2021–2025 гг.) развитие возобновляемой энергетики определяется как ключевое направление декарбонизации энергетики

и необходимый атрибут энергетической безопасности. Важной составной частью государственной поддержки возобновляемой энергетики стал механизм экологического регулирования, включающий квоты на выбросы углекислого газа, зеленые сертификаты, торговлю квотами на выбросы, штрафные санкции к предприятиям за невыполнение установленных квот и др.;

– катализатором трансформации структуры производства энергии и энергопотребления в пользу возобновляемой энергетики в КНР выступает государство. Отлаженный механизм государственного регулирования, сочетающий богатый арсенал административных мер и широкий набор инструментов кредитно-денежной и фискальной политики, позволяет правительству страны обеспечивать рациональное использование имеющихся энергетических и финансовых ресурсов, научно-технический потенциал для формирования инновационной низкоуглеродной энергетики с учетом международной экологической повестки;
– в обозримой перспективе традиционная энергетика не утратит своего существенного значения из-за той огромной роли, которую она и созданная для нее инфраструктура играют в экономике Китая. Ни «зеленые», ни традиционные технологии генерации не имеет абсолютных преимуществ и не в состоянии решить все задачи, стоящие перед огромной экономикой страны;
– новые технологии в сфере использования возобновляемых энергоносителей и ископаемого топлива рассматриваются не как альтернативные, а как дополняющие друг друга в процессе формирования углеродонейтральной энергетики, как симбиоз, обеспечивающий эффективное использование различных технологий генерации и источников энергии, с учетом их ресурсного потенциала, технологического и регионального предпочтения. В эпоху цифровизации и искусственного интеллекта и традиционная, и новая энергетика получают шанс преодолеть технологические, экономические и институциональные барьеры на пути к устойчивому развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметова В.Р., Смирнов О.В.* Улавливание диоксида углерода: проблемы и перспективы // Башкирский химический журнал. 2020. Т. 27. № 3. С. 103–115.
2. *Горбачева Н.В.* Динамика инновационной деятельности традиционной и возобновляемой энергетики // Инновации. 2019. № 5. С. 35–45.
3. *Жуков С.В., Резникова О.Б.* Энергетический переход в США, Европе и Китае: новейшие тенденции // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4. С. 15–31.
4. *Клавдиенко В.* Налоговое стимулирование инновационной активности предприятий в Китае // Общество и экономика. 2018. № 7. С. 39–50.

5. *Клавдиенко В.П.* Возобновляемая энергетика в странах БРИКС: контуры мейнстрима // Инновации. 2019. № 8. С. 82–87.
6. *Кранина Е.И.* Китай на пути к достижению углеродной нейтральности // Финансовый журнал. 2021. № 5. С. 51–61.
7. *Луконин С.А., Аносов Б.А.* Китай: декарбонизация экономики и следование принципам ESG // Федерализм. 2021. Т. 26. № 3 (103). С. 192–205.
8. *Макеев Ю.А., Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Декарбонизация в Китае: проблемы осуществления энергоперехода и финансирования // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 89–105.
9. *Макеев Ю.А., Салицкий А.И., Семенова Н.К, Чжао Синь.* Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 9–32.
10. *Матвеев В.А.* Современная энергетическая политика Китая: внешние и внутренние вызовы. М.: ИДВ РАН, 2022.
11. Action Plan for Carbon Dioxide Peaking before 2030 // National Development and Reform Commission, People`s Republic of China. October 27, 2021.
12. An Energy Sector Roadmap to Carbon Neutrality in China. IEA, 2021.
13. BP Energy Outlook. 2023. Edition.
14. BP Statistical Review of Word Energy.2022. 71-st Edition. London. UK, 2022.
15. *Chang N.* Changing Industrial Structure to Reduce Carbon Dioxide Emission: a Chinese Application // Energy Policy. 2015. Vol. 103. No 9. Pp. 40–48.
16. China Energy Transition Status Report // P.R. China. Beijing, 2021.
17. China National Petroleum Corporation. World and China Energy Outlook. China. Beijing, 2022.
18. Energy Technology Innovation. IEA, 2022.
19. Energy Transition Investment Trends. 2022. Bloomberg NEF, 2022.
20. Financing Clean Energy in Developing Asia / Ed. By B. Susantono, Y. Zhai. Ram M. Shrestha, L. Mo. ADB, 2021.
21. Global energy outlook 2023: Sowing the Seeds of an Energy Transition. IEA. March, 2023.
22. Global Energy Review: CO2 Emission. IEA, 2022.
23. IRENA (2023) Renewable Capacity Statistics. Abu Dhabi, 2023.
24. IRENA (2023) Renewable Energy Statistics. 2023. Abu Dhabi, 2023.
25. IRENA (2022) Renewable Power Generation Costs, 2022. Abu Dhabi, 2022.
26. IRENA (2022) Renewable Technology Innovation Indicators: Mapping Progress in Cost, Patents and Standards. Abu Dhabi, 2022.
27. IRENA (2022) Renewables 2022. Analysis and Forecast to 2027. IEA, 2022.
28. IRENA (2022) World Energy Transition Outlook 2022: 1,5 Cº Pathway. Abu Dhaby, 2022.
29. Levelized Costs of New Generation in the Annual Energy Outlook 2022 // Independent Statistics&Analis. US Energy Information Administration, 2022.
30. *Li J., Wang X.* Energy and Climate Policy in China Twelve Five Plan: A paradigm shift // Energy Policy. 2012. Vol. 41. No 2. Pp. 519–528.
31. *Lyu Ch., Xie Z., Li Z.* Market Supervision, Innovation Offsets and Energy Efficiency: Evidence from Environmental Pollution Liability Insurance in China // Energy Policy. 2022. Vol. 171 (C).
32. Tracking Clean Energy Innovation. Focus on China // IEA, 2022.

33. World Energy Investment. IEA, 2023.
34. *Wu Y.* Repositioning CCUS for China`s Net-Zero Future /Melbourne. Global CCS Institute, 2022.
35. *Zhao F., Bai F., Liu X., Liu Z. A* Review on Renewable Energy Transition under China`s Carbon and Neutrality Target // Sustainability. 2022. Vol. 14. Iss. 22.

REFERENCES

1. *Akhmetova V.R., Smirnov O.V*. Carbon dioxide capture and storage – problems and perspectives // Bashkir Chemical Journal. 2020. Vol. 27. No. 3. Pp.103–115. (In Russ.).
2. *Gorbachova N.V*. Innovations in conventional and renewable power generation. Comparative analysis // Innovations. 2019. No. 5. Pp. 35–45. (In Russ.).
3. *Zhukov S.V., Reznikova O.V.* Energy transition in the United States, Europe and China: latest trends // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No. 4. Pp. 439–449. (In Russ.).
4. *Klavdienko V*. Tax incentives for business enterprises to engage in innovative activity and research in China // Society and Economy. 2018. No. 7. Pp. 39–50. (In Russ.).
5. *Klavdienko V.P*. Renewable energy in BRICS: contours of mainstream // Innovations. 2019. No. 8. Pp. 82–87. (In Russ.).
6. *Kranina E.I.* China on the way to achieving carbon neutrality // Financial Journal. 2021. Vol.13. No. 5. Pp. 5–161. (In Russ.).
7. *Lukonin S.A., Anosov B.A*. China: decarbonising the economy and adhering to the ESG principles // Federalism. 2021. Vol 26. No. 3. Pp. 192–205. (In Russ.).
8. *Makeev Yu.A., Salitski A.I., Semenova N.K*. Decarbonization in China: energy transition and financing challenges // Vostok (Oriens). 2022. No. 1. Pp. 89–105. (In Russ.).
9. *Makeev Yu. A., Salitski A.I., Semenova N. K., Xin Zh*. Energy transformation in China: perspectives and obstacles // Outlines of Global Transformations: Politics. Economics. Law. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 9–32. (In Russ.).
10. *Matveev V.A*. Modern energy policy of China: external and internal challenges. Moscow. IFES RAS, 2022. (In Russ.).
11. Action Plan for Carbon Dioxide Peaking before 2030 // National Development and Reform Commission, People`s Republic of China, October 27, 2021.
12. An Energy Sector Roadmap to Carbon Neutrality in China. IEA, 2021.
13. BP Energy Outlook, 2023. Edition.
14. BP Statistical Review of Word Energy.2022. 71-st Edition. London. UK, 2022.
15. Chang N. Changing Industrial Structure to Reduce Carbon Dioxide Emission: a Chinese Application // Energy Policy. 2015. Vol. 103. 9. Pp. 40–48.
16. China Energy Transition Status Report // P.R. China. Beijing, 2021.
17. China National Petroleum Corporation. World and China Energy Outlook. China. Beijing, 2022.
18. Energy Technology Innovation. IEA, 2022
19. Energy Transition Investment Trends. 2022. Bloomberg NEF, 2022.
20. Financing Clean Energy in Developing Asia / Ed. By B. Susantono, Y. Zhai, Ram M. Shresha, L. Mo. ADB, 2021.
21. Global energy outlook 2023: Sowing the Seeds of an Energy Transition. IEA, March. 2023.
22. Global Energy Review: CO2 Emission. IEA, 2022.
23. IRENA (2023) Renewable Capacity Statistics. Abu Dhabi, 2023.

24. IRENA (2023) Renewable Energy Statistics, 2023. Abu Dhabi, 2023.
25. IRENA (2022) Renewable Power Generation Costs. 2022. Abu Dhabi, 2022.
26. IRENA (2022) Renewable Technology Innovation Indicators: Mapping Progress in Cost, Patents and Standards. Abu Dhabi, 2022.
27. IRENA (2022) Renewables 2022. Analysis and Forecast to 2027. IEA, 2022.
28. IRENA (2022) World Energy Transition Outlook 2022: 1,5 Cº Pathway. Abu Dhabi, 2022.
29. Levelized Costs of New Generation in the Annual Energy Outlook 2022 // Independent Statistics&Analis. US Energy Information Administration, 2022.
30. *Li J., Wang X.* Energy and Climate Policy in China Twelve Five Plan: A paradigm shift // Energy Policy. 2012. No. 2. Pp. 519–528.
31. *Lyu Ch., Xie Z., Li Z.* Market Supervision, Innovation offsets and Energy Efficiency: Evidence from Environmental Pollution Liability Insurance in China // Energy Policy. 2022. Vol. 171 (C).
32. Tracking Clean Energy Innovation. Focus on China // IEA, 2022.
33. World Energy Investment. IEA, 2023.
34. *Wu Y.* Repositioning CCUS for China`s Net-Zero Future / Melbourne. Global CCS Institute, 2022.
35. *Zhao F., Bai F., Liu X., Liu Z. A* Review on Renewable Energy Transition under China`s Carbon and Neutrality Target // Sustainability. 2022. Vol. 14. Iss. 22.

Дата поступления рукописи: *08.06.2023 г.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Клавдиенко Виктор Петрович – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5929-2755
viklav8@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR
Viktor P. Klavdienko – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5929-2755
viklav8@mail.ru

RENEWABLE ENERGY IN CHINA: TRENDS, INNOVATIONS, PROSPECTS

The article examines the main trends and specifics of renewable energy development in China in the context of the current transformation of the global energy economy. The author identifies the factors promoting rapid growth of key sectors of green energy, describes the priority areas of R&D and innovative technological transformations in this field in China, and provides data on the volume and structure of their financing. A comparative analysis of the capacity factor and LCOE of various generation technologies in China and a number of other countries was carried out, and the prospects and problems of further development of China's renewable energy on the way to carbon neutrality were considered.

Keywords: *renewable energy, fossil fuels, energy transition, world economy, China.*
JEL: F63, Q42.

А.Д. ВАСИЛЬЧЕНКО
младший научный сотрудник отдела экономических исследований
ФГБУН Институт Европы РАН

Д.В. ЛОГВИНОВ
магистрант второго года обучения факультета международных
экономических отношений МГИМО (Университет) МИД России

А.А. СЕМЕНОВА
младший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки
и Африканского Рога ФГБУН Институт Африки РАН

НЕЦЕНОВЫЕ ФАКТОРЫ СПРОСА НА ИМПОРТ ПШЕНИЦЫ В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Северная Африка прочно закрепилась на первой строчке в рейтинге крупнейших регионов по объему импорта пшеницы. Это обусловлено тем, что внутреннее производство пшеницы в странах данного региона остается ограниченным в силу природно-климатического фактора, а внутренний спрос на нее продолжает расти под влиянием динамичного прироста населения. Емкий рынок для сбыта зерновых в странах Северной Африки привлекателен для крупнейших экспортеров пшеницы и заставляет их применять весь спектр ценовых и неценовых инструментов в конкурентной борьбе за желанную нишу. Российская пшеница является наиболее конкурентной с точки зрения цены, однако, как показало исследование, в данном регионе именно неценовые факторы оказывают ключевое влияние на принятие решения о заключении внешнеторгового контракта. Целью данной работы является выявление существенных неценовых факторов, которые влияют на распределение рыночных долей основных поставщиков пшеницы на североафриканский рынок. Авторы статьи, используя модель панельных данных, провели регрессионный анализ этих факторов. Учет результатов, полученных в ходе данного исследования, позволит недостаточно представленным в данном регионе экспортерам нарастить поставки и закрепить нишу, в полной мере отвечающую их экспортному потенциалу.

Ключевые слова: *экспорт, импорт, сельское хозяйство, рынок пшеницы, конкурентоспособность, Алжир, Египет, Марокко, Тунис.*

УДК: 339.13, 339.56, 339.97

EDN: OLLZYL

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_157_180

Отчетливо проявившейся и значимой тенденцией последних десятилетий является повышение роли стран Африки в качестве емкого рынка сбыта сельскохозяйственной продукции, и прежде всего зерновых. Ключевую роль в продовольственном импорте стран региона играет пшеница: ее потребление непрерывно растет под влиянием естественного прироста населения, в основном малообеспеченного, проблема удовлетворения потребностей которого в условиях ограниченных возможностей для внутреннего производства зерновых в странах Африки, требует своего разрешения.

На долю четырех стран Северной Африки (СА) – Алжира, Египта, Марокко и Туниса, речь которых пойдет далее, – совокупно приходится около 10% мирового импорта пшеницы. Данное обстоятельство обусловливает усиление конкуренции между традиционными поставщиками зерновых культур в регион и новыми экспортерами данной продукции из числа развивающихся стран.

На сегодняшний день ниша, которую занимают на продовольственном рынке стран СА поставщики пшеницы из развивающихся стран, не в полной мере соответствует их возможностям и экспортному потенциалу. При этом доля рынка, которую занимают экспортеры из развивающихся стран, предлагающие пшеницу по наиболее конкурентной цене, в разных странах СА значительно варьируется. Это происходит потому, что конкурентная борьба на рынке пшеницы в значительной степени определяется, по мнению авторов, неценовыми факторами.

В данном исследовании, с целью повышения объективности авторских оценок, были рассчитаны модели регрессии, в которых зависимой переменной являлся импорт данной продукции из основных стран-поставщиков, а факторными переменными были определены количественные показатели, отвечающие за неценовые факторы, которые, согласно выдвинутой гипотезе, должны оказывать влияние на предпочтение импортеров стран Северной Африки по закупкам пшеницы.

Специфика внутреннего производства пшеницы в странах Северной Африки: пределы возможной самообеспеченности

В Северной Африке пшеница является основной сельскохозяйственной культурой, ее традиционно выращивают на плодородных землях между Средиземным морем и бескрайними песками Сахары. В былые времена римляне хотели превратить североафриканские страны в «житницу Рима». Они основали здесь множество городов и проводили масштабные ирригационные работы [2]. В колониальную

эпоху североафриканские страны, в особенности Алжир, считались основной продовольственной базой колониальной империи Франции. При этом основным продуктом сельскохозяйственного экспорта была именно высококачественная пшеница.

С течением времени внутренних производственных мощностей перестало хватать не только для того, чтобы направлять излишки на экспорт, но и для удовлетворения собственного спроса. Переход от статуса нетто-экспортера к нетто-импортеру происходил из-за стремительного роста численности населения, процессов урбанизации и перелива рабочей силы во вторичный и третичный сектора по мере их усиления. Общая численность населения четырех стран региона сегодня превышает 205 млн человек, более половины от этого числа составляет население крупнейшей страны Арабского мира – Арабской Республики Египет (АРЕ). По прогнозам ООН, к 2050 г. прирост населения в СА составит 27%. Таким образом, в регионе будет проживать уже более 279 млн человек[1], в то время как еще в 1999 г. общая численность населения в данном регионе составляла 138,2 млн человек. При этом доля населения, занятого в сельском хозяйстве в указанных выше четырех странах СА, за период 1999–2019 гг. упала с 29,5 до 19,3%[2].

Как показали исследования [5], в результате недостаточной эффективности текущих практик в агропромышленном секторе, к примеру, в Египте в долгосрочной перспективе урожайность в производстве зерновых будет снижаться. Избыточное орошение, применяемое в связи с низкой эффективностью водопользования, может привести к снижению плодородия земель. Кроме того, ухудшение качества воды негативно скажется на качестве продукции и на продуктивности сельскохозяйственного производства, особенно в уязвимых районах дельты реки Нил, которые подвержены повышению уровня грунтовых вод и засолению почв.

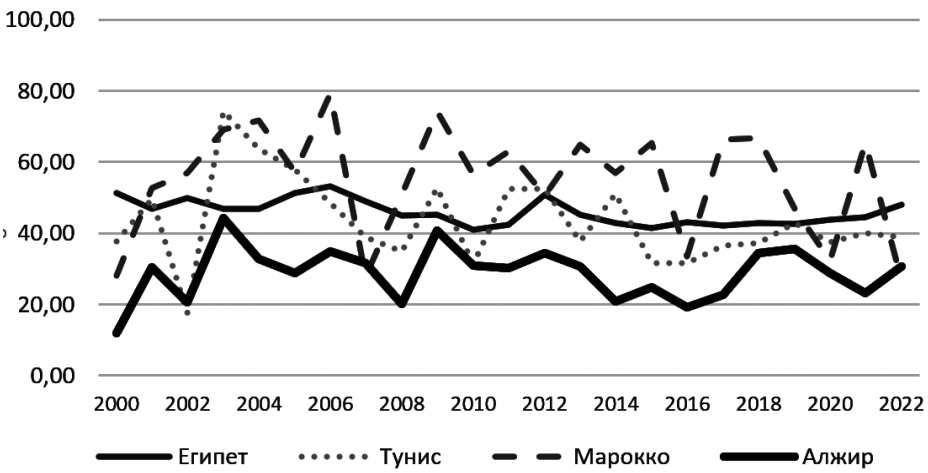
Сельскохозяйственное производство во всех четырех странах СА очень чувствительно к изменению климата. По оценкам, к примеру, в Марокко повышение среднегодовой температуры на 1 градус будет означать потерю 6% урожая пшеницы [6]. Ожидается, что в Египте из-за неблагоприятного влияния климатического фактора урожайность пшеницы снизится настолько значительно, что негативный эффект может перекрыть позитивную роль усиленной разработки новых орошаемых площадей [12]. Так, из-за постоянно меняющегося объема осадков сборы урожая год от года весьма нестабильны [1]. Подобные негативные сценарии в странах Северной Африки могут привести к росту социаль-

[1] По данным United Nations – World Population Prospects. https://population.un.org.

[2] Рассчитано авторами на основе данных World Development Indicators. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators.

ной напряженности в регионе, что также может негативно сказаться на производственном потенциале этих стран.

Чтобы понять, как объемы внутреннего производства определяют спрос на импорт зерна, необходимо проанализировать динамику показателя самообеспеченности стран СА пшеницей. Для этого авторы используют индекс самообеспеченности пшеницей – ИСП (англ. – self-sufficiency ration, SSR), который рассчитывается как процент внутреннего производства от общего объема пшеницы (см. рис. 1).

Рассчитано авторами по: данные index mundi. https://www.indexmundi.com/agriculture/?country=eg&commodity=wheat&graph=domestic-consumption.

Рис. 1. Индекс самообеспеченности пшеницей четырех стран Северной Африки, 2000–2022 гг., %

Алжир на протяжении рассматриваемого периода, кроме 2002 и 2022 гг., оставался страной с самыми низкими значениями самообеспеченности пшеницей, сохраняя при этом самый высокий среднегодовой темп прироста ИСП в 4,6% (см. табл. 1). Максимальное значение данного индекса составило 44,2% в 2003 г., минимальное – 12,0% – фиксировалось в 2000 г. Самый значительный рост индекса, равный 155,6%, наблюдался в 2001 г. Тогда самообеспеченность пшеницей выросла в 2,5 раза по сравнению с 2000 г. В 2022 г. ИСП не превысил 31% (третье место).

Несмотря на усилия властей Алжира по достижению самообеспеченности в производстве продовольствия, быстро растущая численность городского населения (средний темп прироста с 2000 по 2021 г. составлял 1,1%), политическая нестабильность и волатильность мировых цен на нефть и газ, а также климатические факторы, такие как нехватка воды, вызванная отсутствием дождей, опустынивание и эрозия почвы, вероятно, в обозримом будущем будут удерживать страну в списке нетто-импортеров пшеницы.

Таблица 1

Индекс самообеспеченности пшеницей стран Северной Африки, 2000–2022 гг. (%)

Показатель	Египет	Тунис	Марокко	Алжир
Среднее значение	45,93	43,38	54,89	28,82
Среднегодовой темп прироста	–0,3	0,2	-0,2	4,6
Максимальное значение индекса	53,17	74,19	79,12	44,23
Минимальное значение индекса	40,97	17,62	26,67	11,95
Значение индекса в 2022 г.	48,04	38,96	26,67	30,59

Рассчитано авторами по: данные index mundi. https://www.indexmundi.com/agriculture/?country=eg&commodity=wheat&graph=domestic-consumption.

Египет среди других стран региона показывал самую стабильную динамику индекса самообеспеченности пшеницей; его среднее значение за этот период составляет 45,93% (второе место в выборке см. рис. 1). Несмотря на то что Египет постепенно наращивает внутреннее производство, имея средний темп прироста производства в 2,1%, индекс самообеспеченности имеет отрицательный темп прироста, равный –0,3%. В период 2000–2022 гг. максимальное значение было достигнуто в 2006 г. и составило 53,2%, минимальное – 41,0% – в 2010 г. Самое сильное падение индекса зафиксировано в 2013 г., когда его значение сократилось на 10,9% по сравнению с предыдущим годом. Напротив, наибольший рост самообеспеченности составил 20% в 2012 г. В 2022 г. Египет занял первое месте среди рассматриваемых стран по самообеспеченности пшеницей.

Однако если темпы роста населения в Египте останутся высокими или хотя бы умеренными, спрос на пшеницу будет продолжать опережать ее производство, и поэтому, несмотря на предпринимаемые усилия, можно прогнозировать, что самообеспеченность страны пшеницей будет постепенно падать. Одновременно с этим возрастет конкуренция за воду со стороны городов. Запланированное расширение сельскохозяйственных угодий и интенсификация посевов пшеницы будут недостаточными для удовлетворения растущего спроса на пшеницу, и в будущем Египет будет вынужден импортировать пшеницу. Хотя у Египта есть земля, технологии и планы по расширению внутреннего производства пшеницы, удовлетворение растущего спроса с опорой на ирригационную воду будет сложной задачей. При этом увеличение или даже просто сохранение текущих площадей орошаемых земель будет сложным для всей Северной Африки [7].

Марокко – страна с самой сильной амплитудой колебания индекса самообеспеченности, а также с исторически сложившимися

самыми высокими пиками его значения. Среднее значение ИСП здесь составляет 54,9% (первое место в выборке). Его среднегодовой темп прироста отрицательный и равен –0,2%. Максимальное значение, равное 79,1%, было в 2006 г. Затем последовало его стремительное падение почти на 65%. Минимальное значение зафиксировано в 2022 г. – 26,7%. Марокко занял последнее место по самообеспеченности среди выбранных стран. Это обусловлено тем, что в 2022 г. производство пшеницы в стране упало на 64,2% из-за сильнейшей засухи (при этом импорт вырос на 84,2%). По итогам года королевство импортировало пшеницы в 2,8 раза больше, чем произвело.

Марокко имеет один из самых высоких показателей потребления пшеницы на душу населения в мире – порядка 250 кг пшеницы на человека в год [8]. Производство пшеницы – основного продукта питания в стране – по-прежнему зависит от количества осадков. Чтобы решить данную проблему, правительство разработало Национальную программу по водоснабжению и ирригации (PNAEPI) на 2020–2027 гг., в рамках которой к 2026 г. будут построены 20 плотин. Однако на данный момент нет признаков, что это позволит стране существенно снизить свою зависимость от импорта пшеницы.

В Тунисе среднее значение ИСП составляет 43,4% (третье место в выборке). Интересно отметить, что в 2002 г. минимальное значение индекса было равно 17,6%, а уже в следующем году оно выросло до максимального за весь период значения и составило 74,2%. Рост индекса в 2003 г. по сравнению с 2002 составил 321,1%, иными словами, самообеспеченность пшеницей увеличилась в 3 раза всего за год. В 2004 г. страна импортировала на 38,2% больше, чем годом ранее. Самое значительное падение индекса было в 2002 г. – 64,6%. В 2022 г. Тунис занял второе место по самообеспеченности. Также за весь рассматриваемый период среднегодовой темп прироста самообеспеченности оставался положительным – около 0,2%.

Производство пшеницы в Тунисе пострадало как от многолетней засухи, так и от продолжавшейся в течение десяти лет политической нестабильности. После революции 2011 г. в стране сменилось 10 правительств, каждое из которых меняло свою экономическую и внешнеполитическую политику. Все эти события усугубили зависимость Туниса от импорта пшеницы. Достичь самообеспеченности этой стране также сложно из-за крайне устаревшей сельскохозяйственной техники: в Тунисе около 3 000 комбайнов, 80% из них изношенные. Политика по привлечению иностранных компаний также может не дать ожидаемых результатов в связи с тем, что их бизнес-модель направлена на выращивание культуры на экспорт, а не на поставку на местный рынок.

Таким образом, можно прогнозировать, что зависимость стран СА от импорта зерновых сохранится. Импорт пшеницы будет уве-

личиваться по мере роста населения, а также с учетом негативного влияния климатического фактора и ограниченных возможностей по расширению пахотных земель. В этих условиях правительства будут искать пути организации эффективных закупок пшеницы на мировых рынках, а экспортеры, со своей стороны, – стремиться нарастить объемы поставок на динамично растущие рынки Северной Африки.

Характерные особенности конкурентной борьбы на рынке пшеницы стран Северной Африки

В научных исследованиях последних двух десятилетий подчеркивается конкурентный характер ценообразования на региональном рынке зерновых [9]. Сами рынки отдельных африканских стран глубоко интегрированы друг с другом, что также способствует совершенной конкуренции производителей. Несмотря на то, что в теории удаленные локации регионального рынка обслуживаются меньшим числом трейдеров, что создает предпосылки олигополистического ценообразования, трейдерская маржа здесь остается на низком уровне и не превышает 10% [11].

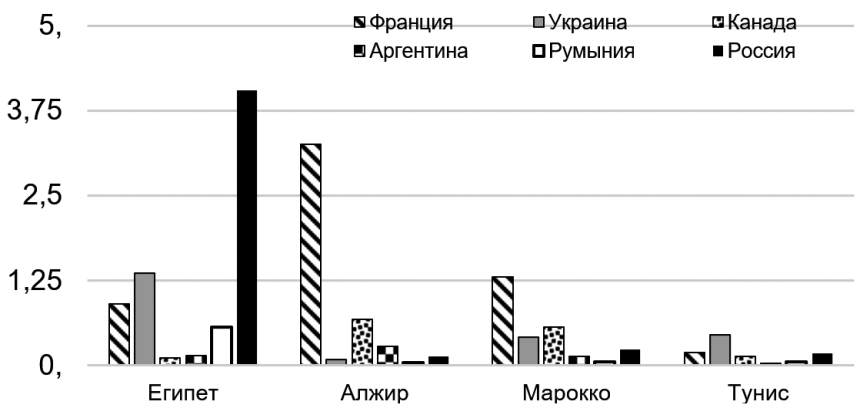
Глобальная сеть торговли пшеницей в значительной степени контролируется небольшим числом стран: США, Францией, Германией, Бельгией, Великобританией, ОАЭ, Италией, Турцией и Канадой. Эмпирический анализ положения крупнейших поставщиков на мировом рынке пшеницы, проведенный группой европейских исследователей, показал, что самая тесная связь цен наблюдается в парах Россия – Канада, а также США – Франция [9]. Наиболее значимым поставщиком, с точки зрения влияния отдельного экспортера пшеницы на мировые цены, является Франция, ценовые шоки которой транслируются как на США, так и на Россию, Украину, Канаду и Аргентину. При этом динамика российских экспортных цен влияет также на цены поставок США и Аргентины, а Аргентина, в свою очередь, является абсолютным реципиентом ценовых шоков других лидеров рынка.

В экспертной среде сформировалось мнение, что, несмотря на доминирующие позиции по объемам экспорта зерна, страны Причерноморья и другие крупные игроки из числа развивающихся стран (таких как Аргентина) по-прежнему не оказывают значимое влияние на цены мирового рынка.

Говоря о структурных сдвигах, наблюдаемых на мировых рынках зерна, необходимо определить положение России как крупного игрока, в частности на африканском рынке. Согласно недавним исследованиями на основе так называемого «обобщенного метода моментов», российские экспортеры обладают определенной степе-

нью рыночной власти в Турции, тогда как в Египте она практически отсутствует [14]. Кроме того, как показала модель упомянутого выше исследования, Россия устанавливает более высокие экспортные цены после повышения курса валюты конкурента. Например, она может устанавливать более высокие цены экспорта в Турцию и Египет, когда издержки конкурирующих стран возрастают. Таким образом, доля рынка такого крупного экспортера на мировом рынке пшеницы, как Россия, существенно меняется от одной страны к другой.

Северная Африка наиболее плотно вовлечена в производственно-сбытовые цепочки поставок пшеницы со странами Европы. Для региона характерно явление т. н. «географической гомофилии», или «эффект соседства», когда вероятность образования торговой связи между странами в секторе повышается, если они принадлежат к одному региону (Средиземноморье) и имеют общую морскую границу (см. рис. 2). В этой связи для повышения объективности в модель, которая будет рассмотрена ниже, были введены фиктивные переменные, отражающие наличие или отсутствие между экспортером или импортером давних исторических связей, а также факт членства данных стран в настоящее время в одном и том же региональном интеграционном объединении.

Рассчитано авторами по: данные статистической базы UN Comtrade https://comtrade.un.org/data/

Рис. 2. Основные поставщики пшеницы на рынки Северной Африки, 2005–2021 гг. (млрд долл. США)

Вопрос о принципах и особенностях функционирования механизма конкурентной борьбы на рынке зерна в Африке в литературе освещен недостаточно полно. При этом результаты ряда последних исследований [6] указывают на устойчивую взаимозависимость между крупными игроками на рынке зерновых культур в мире и повышен-

ной чувствительности рынка к экзогенным шокам и торговым ограничениям, вводящимся против отдельных экспортеров по политическим соображениям. В частности, шок предложения со стороны экспортеров из Причерноморья, как показала практика, способен вызвать негативный отклик в мировых ценах на пшеницу, сопоставимый с эффектом глобального кризиса.

Уровень государственного регулирования на рынке пшеницы СА довольно высок, хотя в 1980–1990 гг. во многих странах региона была предпринята попытка реорганизации рынка пшеницы в сторону повышения его открытости и снижения доли государственного участия. Сегодня в Северной Африке действует частичная или полная монополия государства на импорт и экспорт зерновых. Это обусловлено тем, что регулярность поставок зерновых, и в первую очередь пшеницы, связана с обеспечением продовольственной безопасности и социально-экономической стабильности стран региона. Большая часть импорта осуществляется специализированными государственными структурами в рамках открытых тендеров. Заявки на поставку должны удовлетворять определенным стандартам качества импортируемой пшеницы (например, содержания влаги или белка), указания страны происхождения и условий оплаты.

Исторически сложившаяся высокая степень участия государства в мероприятиях по обеспечению продовольственной безопасности и по стабилизации зернового рынка связана также с тем, что правительства четырех стран в рамках программ социального обеспечения субсидируют стоимость пшеницы, чтобы снизить цены на хлеб. Так, в Египте – крупнейшем мировом импортере пшеницы – 40% всей импортируемой пшеницы поступает через Главное управление Египта по закупкам товаров (General Authority For Supply Commodities – GASC).

GASC осуществляет регулярные закупки пшеницы в рамках реализации государственной программы субсидирования хлебопекарной промышленности. Она предусматривает предоставление государственных субсидий на всех этапах производства и сбыта хлеба. Закупленная в рамках публичных тендеров пшеница поступает в сеть частных и государственных мукомольных предприятий, которые, в свою очередь, производят муку грубого помола и поставляют ее в 30 тыс. пекарен по всей стране. Из муки выпекают традиционный египетский круглый хлеб, право на приобретение которого по льготной цене имеют около 73% египетских домохозяйств [4]. Как хорошо видно на рис. 2, ключевую роль на рынке Египта в 2005–2021 гг. играли поставщики из России. При этом текущие объемы поставок не исчерпывают потенциал двусторонней «зерновой дипломатии». По словам заместителя министра иностранных дел России Сергея

Вершинина, в дальнейшем Египет может стать «очень важной опорной точной», своего рода «зерновым хабом» для поставок российского зерна в страны Ближнего Востока и Африки[3].

Марокканские власти, среди прочих мер, устанавливают фиксированные цены на муку, а также в зависимости от объема собственного урожая и уровня мировых цен на пшеницу могут повышать, понижать или приостанавливать действие таможенных пошлин в целях регулирования внутреннего рынка. Основными поставщиками пшеницы на этот рынок традиционно являются Франция, Канада и Украина.

Ключевую роль на алжирском рынке традиционно играют поставщики французской пшеницы. Их рыночная власть здесь схожа с той, что имеет Россия на соседнем рынке Египта. В 2021–2022 гг., благодаря слаженной работе профильных российских ведомств, на алжирский рынок зашли поставщики из России, а объем поставок в этот период превышал 300 тыс. т. По мнению торгового представителя России в Алжире Ивана Налича, в среднесрочной перспективе Россия может удвоить поставки пшеницы и занять до 15% рынка[4].

Ежегодно Тунис закупает в среднем 1,7 млн т пшеницы[5]. В отличие от других стран Северной Африки структура поставщиков пшеницы здесь довольно диверсифицирована. Крупнейшим поставщиком в 2017–2021 гг. оставалась Украина, ее доля в среднем составляла 40,1%. Еще 51,4% поставок приходится на семь других поставщиков: Канаду, Испанию, Россию, Италию, Болгарию, Грецию и Францию. Обращает на себя внимание то, что пять из них – страны Средиземноморья, члены ЕС и Европейской ассоциации свободной торговли, в состав которой входит и сам Тунис.

ФАО прогнозирует общее сокращение поставок из Причерноморья в 2023/2024 гг. при сохранении объемов российского импорта[6]. Определяющим фактором для такого прогноза является сокращение украинских поставок в 2022/2023 на 47% год к году[7], что будет определять расширение экспортных возможностей на тунисском рынке пшеницы для других экспортеров. В этой связи основным конкурентом России на пути к освоению «украинской ниши» становится Канада. С одной стороны, в течение последних 5 лет доля канадских

[3] https://t.me/mayamanna/2685.

[4] https://aemcx.ru/2022/11/22/%D0%BE%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80-%D0%B2%D1%8D%D0%B4-%D0%B0%D0%BB%D0%B6%D0%B8%D1%80/?ysclid=ldhdqzm3i9283673670.

[5] Рассчитано авторами на основе данных ITC Trade Map 2018–2021 гг.

[6] По данным Food Outlook – Biannual Report on Global Food Markets. FAO. 22. https://www.fao.org/3/cb9427en/cb9427en.pdf.

[7] Там же. С. 113.

поставщиков превышала долю российских, а, с другой – Россия обладает ценовым преимуществом: цена тонны пшеницы у российских производителей в среднем на 9,1%[8] ниже, чем у канадских, что обусловлено в первую очередь высокой долей транспортно-логистических расходов в цене поставляемой пшеницы.

Немаловажное влияние на поставки пшеницы в текущих реалиях оказывает политический фактор. После обострения российско-украинского кризиса в феврале 2022 г. и общего ухудшения ситуации в области безопасности в Черном море страны Северной Африки, основные импортные потоки пшеницы которых традиционно приходятся на Причерноморье (см. рис. 2), оказались под угрозой продовольственного кризиса. Для предотвращения резкого роста цен на пшеницу Россией совместно с Украиной, Турцией и ООН была создана Черноморская зерновая инициатива, благодаря которой удалось в короткие сроки стабилизировать мировые цены на пшеницу. Так, если в марте 2022 г. цены на пшеницу на Чикагской бирже достигали исторических максимумов – 493 долл. за т, то уже после подписания 22 июля соглашения об экспорте зерна между Россией и Украиной мировые цены пошли вниз[9].

Некоторые изменения в структуре основных поставщиков последних двух лет были связаны с тем, что страны Северной Африки осознали необходимость диверсификации и снижения зависимости от крупнейших поставщиков или от одного поставщика-монополиста. Основными поставщиками пшеницы в указанные страны-импортеры являются Аргентина, Канада, Россия, Румыния, Франция и Украина. Именно они были выбраны авторами при построении модели. Критерием выбора стран для анализа являлся показатель стоимостного объема импорта и экспорта пшеницы[10] в период 2005–2021 гг.

Эмпирическая часть

Анализ влияния неценовых факторов в настоящем исследовании проводился за период 2005–2021 гг. Учитывая специфику исходных данных (изменяющаяся во времени кросс-секция), базовой формой модели было решено выбрать модель панельных данных. При этом расчет моделей производился по каждому отдельному импортеру,

[8] Рассчитано авторами на основе данных ITC Trade Map 2018–2021 гг.

[9] https://russiancouncil.ru/blogs/k-valyentova/vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-eksport-pshenitsy-na-primere-livana/?ysclid=lh7j6pv0yw364171361.

[10] Показатели торговли приведены в рамках позиции 1001 Гармонизированной системы описания и кодирования товаров.

чтобы впоследствии было бы возможно сформулировать практические рекомендации для отечественных экспортеров по усилению своего присутствия на рынке конкретной страны региона. Исходное уравнение регрессии можно представить следующим образом:

$$LnImp_{it} = \beta_1 + \beta_2 Dist_i + \beta_3 RCA_{it-1} + \beta_4 RTP_{it-1} + \beta_5 ExpDiv_{it-1} + \\ + \beta_6 FertArea_{it-1} + \beta_7 Hist_i + \beta_8 Integr_{it} + \beta_9 Relat_{it\,[t-5;\,t-1]} + \\ + \beta_{10} LnProdEx_{it} + \beta_{11} LnProdIm_t + u_{it}$$

Таблица 2

Описание переменных регрессионной модели

Обозначение переменной	Единица измерения	Содержание переменной	Источник данных
Параметры объекта и периода времени			
i	–	Порядковый номер экспортера, поставляющего пшеницу в выбранную страну Северной Африки (общее число экспортеров = 6)	–
t	год	Период, за который регистрируются значения импорта пшеницы и прочие параметры (общий период лет = 2005–2021 гг.)	–
Результирующая переменная			
$LnImp_{it}$	натуральный логарифм от кг	Импорт пшеницы в страну Северной Африки из конкретной страны в физическом выражении (без учета влияния фактора цен)	UN Comtrade
Факторные переменные			
$Price_{it}$	долл. за тонну	Расчетная среднегодовая цена импорта пшеницы в конкретную страну СА от конкретного поставщика	UN Comtrade
$Dist_i$	км	Приведенное (с учетом маршрута) расстояние доставки пшеницы от порта отгрузки экспортера в порт выгрузки импортера	Searates.com Online Freight Shipping and Transit Time Calculator

Продолжение табл. 2

Обозначение переменной	Единица измерения	Содержание переменной	Источник данных
RCA_{it-1}	индекс, от 0 до ∞	Индекс сравнительного конкурентного преимущества, характеризующий относительную специализацию экспортера на экспорте пшеницы в мире. Рассчитывается как отношение доли товара в совокупном экспорте страны к доле товара в совокупном экспорте всех стран мира. Значение индекса больше 1 свидетельствует о том, что страна имеет специализацию на экспорте данного товара (то есть имеет сравнительное преимущество в системе международного разделения труда)	UnctadStat
RTP_{it-1}	индекс, от –1 до 1	Индекс выявленного торгового предпочтения, характеризующий интенсивность торговли между партнерами (–1 отсутствие торговли, 1 торговля только между этими партнерами, 0 географическая нейтральность)	–
$ExpDiv_{it-1}$	индекс, от 0 до 1	Индекс диверсификации экспорта, характеризующий степень разнообразия сети покупателей продукции экспортера (0 – один покупатель, 1 – бесконечное множество покупателей)	UnctadStat
$FertArea_{it-1}$	кг / гектар орошаемой земли	Использование удобрений при производстве агрокультур в расчете на гектар орошаемой земли. Высокие значения характеризуют экологическую составляющую с/х в стране-экспортере как негативную	World Bank World Development Indicators
Hist	фиктивная переменная (0 или 1)	Значение 1 соответствует наличию давних исторических связей между экспортером или импортером	–

Окончание табл. 2

Обозначение переменной	Единица измерения	Содержание переменной	Источник данных
$Integr_{it}$	фиктивная переменная (0 или 1)	Значение 1 соответствует ситуации, когда экспортер и импортер в данном периоде состоят в одном региональном интеграционном объединении, в котором регулируется торговля товарами	WTO Regional Trade Agreements Database
$Relat_{it}$	скользящая средняя исторических значений $LnImp_{it}$, период 5 лет	Параметр, отвечающий за устойчивость импорта между страной СА и крупным экспортером. Тестируется гипотеза о том, что средневзвешенные прошлые значения импорта влияют на текущие значения импорта	–
$LnProdEx_{it}$	натуральный логарифм от кг	Производство пшеницы в стране-экспортере. Тестируется гипотеза о том, что в неурожайные годы экспорт пшеницы выбранного экспортера снижается	FAOSTAT
$LnProdIm_{i}$	натуральный логарифм от кг	Производство пшеницы в стране-импортере. Тестируется гипотеза о том, что в годы, когда внутреннее производство заметно возрастало, объемы импортных закупок сокращались	FAOSTAT
u_t	случайная ошибка модели	Учитывает остаточные идиосинкратические компоненты, а также ненаблюдаемые пространственные и временные эффекты	–

Источник: составлено авторами.

На начальном этапе моделирования регрессионный анализ осуществлялся с помощью объединенной модели панельных данных (Pooled OLS). Особенностью данной модели является то, что в ней не учитываются индивидуальные неоднородности объектов анализа. Следовательно, в рамках модели Пула реализуется обычный метод наименьших квадратов (МНК), как при анализе кросс-секционной структуры данных.

На втором этапе моделирования авторы проанализировали, есть ли в модели Пула нарушения двух базовых условий модели – гомоскедастичности и автокорреляции. В том случае, если имеется наруше-

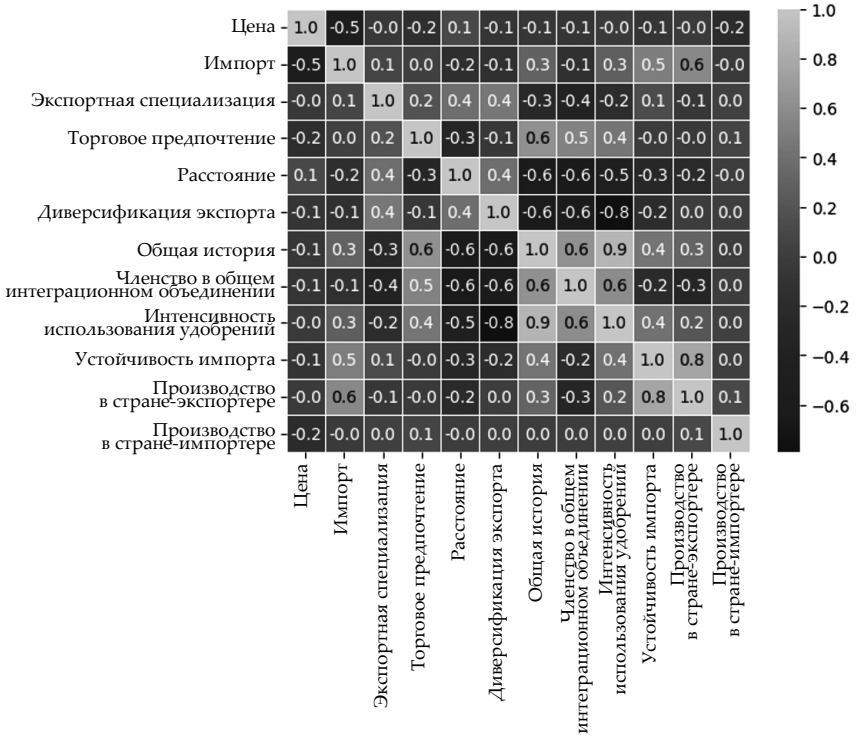
ние как минимум одного из двух условий, был произведен расчет двух других классов моделей панельных данных, а именно модели со случайными эффектами (Random Effects Model) и модели с фиксированными эффектами (Fixed Effects Model), специфика которых позволяет корректно учесть индивидуальные неоднородности объектов анализа (в нашем случае – отдельных экспортеров пшеницы).

Таблица 3

Описательные статистики переменных (на примере массива для Марокко)

Обозначение переменной	Содержание переменной	Число значений признака	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	25%	50%	75%	Максимум
Price	цена	107	211	76	79	152	206	271	377
LnImp	импорт	132	15,7	7,8	0,0	17,2	19,3	20,3	21,6
RCA	экспортная специализация	126	7,4	7,1	0,1	3,2	4,8	8,6	33,7
RTP	торговое предпочтение	126	0,2	0,4	–0,6	–0,1	0,2	0,4	0,8
Dist	расстояние	132	5216	2559	1694	4074	4449	6751	9878
ExpDiv	диверсификация экспорта	126	0,5	0,1	0,3	0,4	0,6	0,6	0,7
Hist	общая история	132	0,2	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0
Integr	членство в общем интеграционном объединении	132	0,3	0,5	0,0	0,0	0,0	1,0	1,0
FertArea	интенсивность использования удобрений	126	69	57	11	29	49	84	228
Relat	устойчивость импорта	102	16	6	0	14	18	20	21
LnProdEx	производство в стране-экспортере	132	24	1	22	23	24	24	25
LnProdIm	производство в стране-импортере	132	22	0	21	22	22	23	23

Источник: составлено авторами.

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Корреляционная матрица факторов регрессионной модели (на примере массива для Марокко) (характеристика параметров данной модели приведена в табл. 2. Описательные статистики также указаны в табл. 3)

Заключительный этап моделирования предполагал выбор подходящей модели регрессии из трех ранее описанных моделей и интерпретацию получившихся значений оценок при разных факторах. Уровень значимости, принимаемый в настоящем исследовании, составляет 5%.

Допущения и ограничения модели

Учитывая специфику исходных данных, в модели имеются следующие ограничения. Во-первых, по ряду лет значение импорта по конкретным парам экспортер-импортер равняется нулю. Следовательно, значение ценового параметра в этих случаях не может быть определено достоверно. Таким образом, было решено не включать ценовой параметр в модель регрессии. Во-вторых, за счет наличия нулевых значений импорта, дисперсия по данному показателю получается высокой. В целях устранения данной проблемы было решено снизить масштабность показателя импорта путем его логарифмирования.

Таблица 4

Результаты эконометрического моделирования

Импортер		Алжир		Египет		Марокко		Тунис	
выбранный тип модели		RE		FE		RE		FE	
параметр	описание	оценка	P-значение	оценка	P-значение	оценка	P-значение	оценка	P-значение
const	Константа	16,9540	0,7950	–39,3430	0,8412	–70,4100	0,1068	–25,3890	0,7434
RCA	Экспортная специализация	0,1438	0,3355	0,1871	0,2130	0,3133*	0,0226	–0,0862	0,5299
RTP	Торговое предпочтение	2,5539	0,2177	–1,9407	0,6965	–1,1448	0,6131	5,8005	0,1932
ExpDiv	Диверсификация экспорта	62,5440	0,5933	–69,0600*	0,0023	–15,322	0,2138	–0,5846	0,9736
FertArea	Интенсивность использование удобрений	0,0317	0,2844	–0,0214	0,6242	0,0228	0,4376	–0,0191	0,6154
Relat	**Устойчивость импорта**	0,3369*	0,0407	–0,0432	0,8288	–0,2534	0,2687	–0,5051*	0,0244
LnProdEx	**Производство в стране-экспортере**	2,8877*	0,0403	8,6038*	0,0044	7,2579*	0,0000	4,2803**	0,0933
LnProdIm	Производство в стране-импортере	–3,4318	0,2058	–5,1088	0,5600	–3,4244*	0,0145	–2,5821	0,2353
Price	Цена	–0,0101	0,3856	0,0176**	0,0883	–0,0111	0,3229	0,0089	0,2948
Число наблюдений		102		102		102		102	
R2 (%)		39		24		42		11	
F-статистика		7,2990		3,4360		8,4691		1,3836	
P-значение		0,0000		0,0017		0,0000		0,2148	

* – значимость на уровне 5%, ** – значимость на уровне 10%.

Источник: составлено авторами.

Кроме того, в модели сделано допущение о том, что решения по импортным закупкам принимаются в данных странах-импортерах централизованными органами, которые опираются на некоторые прошлые данные (например, на качество торговых отношений с партнером, экологичность производства его агропромышленного комплекса и т. п.). Поэтому ряд параметров, таких как RCA, RTP, ExpDiv и FertArea, включаются в модель с временным лагом, равным единице.

Еще одним допущением модели является зависимость текущих значений импорта от его предыдущих значений, а также от общей степени тесноты торговых связей между партнерами. Параметр $Relat_{ij[j-5;\ j-1]}$, а также индекс выявленного торгового преимущества, согласно гипотезе, должны отразить подобное влияние.

Наконец, последним допущением модели является гипотеза о том, что объемы импорта зависят также от базовых параметров, таких как объем производства пшеницы в стране-импортере (обратная зависимость) и объемы ее производства в стране-экспортере (прямая зависимость).

В результате проверки полученных моделей Пула на предмет наличия гетероскедастичности и автокорреляции было обнаружено, что только одна модель имела гетероскедастичность (а именно модель регрессии Египта). При этом во всех моделях была обнаружена автокорреляция. Таким образом, для всех четырех стран-импортеров были посчитаны панельные данные со случайными и фиксированными эффектами, выбор наиболее оптимальной из моделей производился с помощью теста Хаусмана. Результаты моделирования с указанием типа модели приведены в табл. 4. Стоит также отметить, что фиктивные переменные, включенные в модель Пула, не доказали свою значимость, а также не подошли под специфику моделей со случайными и фиксированными эффектами и не были включены в итоговый вариант таблицы с результатами моделирования.

Интерпретация полученных результатов

Полученные результаты имеют выраженную страновую специфику, поэтому их стоит рассмотреть в контексте каждой из анализируемых стран-импортеров.

Алжир. Значимыми неценовыми факторами для импорта пшеницы в Алжире из основных стран-поставщиков, согласно модели, стали два параметра – *устойчивость импорта и производство пшеницы в стране-экспортере*. Интерпретировать полученные значения можно следующим образом. Повышение среднего уровня импорта за пять предыдущих лет на 1% объясняет рост текущего импорта на 0,3%. Кроме того, импорт пшеницы Алжиром из основ-

ных стран-поставщиков возрастает на 2,9%, когда их внутреннее производство пшеницы повышается на 1%. Таким образом, для Алжира имеет значимость наличие предыдущей торговой истории со страной-экспортером и ее его производственный потенциал. Можно ожидать, что Алжир закупит больше пшеницы, если поставщик может обеспечить ему дополнительное предложение.

Египет. Оцененная модель регрессии позволила определить два значимых неценовых фактора импорта пшеницы Египтом из основных стран-поставщиков: *диверсификация экспорта страны-поставщика*, а также *производство пшеницы в стране-экспортере*. Согласно полученным результатам, повышение индекса диверсификации экспорта в предыдущем периоде на 0,1 приводит к снижению импорта Египта в текущем периоде на 6,9%. Также повышение производства пшеницы в стране-экспортере на 1% объясняет рост импорта пшеницы в Египте на 8,6%. Таким образом, при расширении географии поставок страны-экспорта Египет рискует лишиться доли импорта, которую он имел до этого, что подчеркивает неустойчивый характер закупок данной страной. При этом, как и в случае с Алжиром, Египет имеет потенциал наращивания импорта пшеницы при условии увеличения ее предложения на мировом рынке.

Марокко. На уровне значимости 5% модель, оцененная по импорту Марокко, определила три значимых неценовых фактора: *индекс выявленного сравнительного преимущества*, а также *производство в стране-экспортере* и *производство в стране-импортере*. Производство пшеницы в стране-экспортере (стране импортере) при прочих равных условиях повышает (понижает) импорт пшеницы Марокко на 7,3% (3,4%). При этом если индекс RCA поставщика в предыдущем периоде повышается на 1%, текущий импорт пшеницы в Марокко повышается на 0,3%. Таким образом, по нашему мнению, импорт пшеницы в данной стране наиболее точно соответствует базовым предпосылкам рыночного характера. Так, объемы импортных закупок достоверно коррелируют с объемами производства. При этом поставщик, который повышает свою специализацию на экспорте пшеницы, получает достоверную возможность нарастить поставки в Марокко.

Тунис. Модель регрессии Туниса отличается тем, что, согласно F-тесту на значимость регрессии, данная модель в целом является значимой только на уровне более 20%. Кроме того, практически все факторы, включенные в данную модель, оказались незначимыми. Наконец, единственный параметр, значимый на уровне 5%, – устойчивость импорта – свидетельствует о наличии обратной взаимосвязи между предыдущими поставками и текущим импортом, что противоречит базовой логике анализа данного процесса.

Важным результатом проведенного исследования можно считать вывод о том, что *ценовой фактор*, согласно модели, *не является значимой детерминантой импорта пшеницы* странами региона из крупнейших стран-поставщиков. Кроме того, для всех четырех экономик незначимыми оказались параметры, отвечающие за интенсивность торговых связей с экспортером (RTP) и использование удобрений при производстве сельскохозяйственных культур. Таким образом, можно отметить, что общая интенсивность торговли в предыдущем периоде не объясняет объемы поставок пшеницы в текущем году в данной выборке стран. Кроме того, органы, отвечающие за централизованный процесс закупки пшеницы у крупных поставщиков, вероятно, не уделяют отдельного внимания природно-климатическому фактору в производстве пшеницы в стране-экспортере.

Подводя итог проведенному эконометрическому моделированию, стоит сделать ряд замечаний относительно полученных результатов и направлений дальнейших исследований. Объясняющая способность оцененных моделей регрессии оказалась недостаточно высокой. Таким образом, включенные переменные лишь отчасти объясняют динамику импорта. Вероятно, необъясненная часть дисперсии импорта стран Северной Африки может быть объяснена собственно ценовым фактором. Однако специфика исходного набора данных, как было отмечено ранее, не позволила нам включить данный параметр в модель.

Кроме того, отбор неценовых факторов также в значительной степени зависел от доступных количественных данных. Определенное ограничение на объясняющую способность моделей регрессии наложил также тот факт, что импорт пшеницы в странах Северной Африки в значительной степени представляет собой централизованную закупку зерна государственными структурами. Принятие решений о закупках в этом случае представляет собой более специфический процесс, детали которого не раскрываются в публикуемой статистике.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и рекомендаций для российских экспортеров пшеницы. Во-первых, стоит помнить про преимущественно нерыночный характер импорта пшеницы странами региона, при котором ценовой параметр не оказывает определяющего влияния на принятие решений об импортных закупках пшеницы. Во-вторых, при выходе на рынок Алжира или принятии решения об увеличении объема поставок в эту страну важно обращать внимание на значи-

мость прочных отношений с импортирующими структурами данной страны, что является важным условием закрепления на рынке Алжира и наращивания поставок пшеницы в будущем. Наконец, в-третьих, как показали результаты моделирования, для стран Северной Африки на протяжении последних двадцати лет была характерна положительная взаимосвязь между импортом пшеницы и объемами производства данной культуры в странах-экспортерах. Данный феномен можно объяснить тем, что потребители пшеницы в странах региона реализуют так называемое «доедание», т. е. доводят потребление пшеницы до нормального уровня. Следовательно, правительства, осуществляющие закупку данной культуры, с готовностью приобретут дополнительные объемы пшеницы на фоне роста объемов ее культивации в стране-экспортере. Таким образом, расширение посевных площадей и повышение эффективности производства может послужить «локомотивом» расширения экспортных поставок пшеницы в Северную Африку.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аль-Хамати М.А.* Внешнеторговый потенциал стран Северной Африки в сфере сельского хозяйства и продовольствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2022. Т. 30. №3. С. 385–370.
2. *Васильев* В. Французская Северная Африка. М.: Государственное издательство политической литературы, 1943.
3. *Кузнецов А.В.* Изменение географии производства в России под влиянием разворота экспорта на Глобальный Юг // Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз / под общей ред. А.Г. Дружинина и В.П. Сидорова. Материалы международной научной конференции (Ижевск, 13–18 сентября 2021 г.). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. С. 33–38.
4. *Abay K.A.* [et al.]. The Russia-Ukraine crisis: Implications for global and regional food security and potential policy responses // MENA RP Working Paper 39. Washington, DC: International Food Policy Research Institute. 2022. DOI:10.2499/p15738coll2.135913.
5. *Abdelaal H., Thilmany D.* Grains Production Prospects and Long Run Food Security in Egypt // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 16. Pp. 1-18. DOI: 10.3390/su11164457.
6. *Achli S.* [et al.]. Vulnerability of Barley, Maize, and Wheat Yields to Variations in Growing Season Precipitation in Morocco // Appl. Sci. 2022. No. 12. P. 1–28. DOI: 10.3390/app12073407.
7. *Asseng S.* [et al.]. Can Egypt become self-sufficient in wheat? // Environmental Research Letters. 2018. Vol. 13. No. 9. DOI:10.1088/1748-9326/aada50.
8. *Bishaw Z.* [et al.]. Political Economy of the Wheat Sector in Morocco: Seed Systems, Varietal Adoption, and Impacts // International Center for Agricultural Research in the Dry Areas, Beirut, Lebanon. 2019.

9. *Dillon B., Dambro C.* How Competitive Are Crop Markets in Sub-Saharan Africa? // American Journal of Agricultural Economics. 2017. Vol. 99. No. 5. Pp. 1344–1361. DOI: 10.1093/ajae/aax044.
10. *Gutierrez L.* [et al.]. Agricultural Grain Markets in the COVID-19 Crisis, Insights from a GVAR Model // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 16. Pp. 1–13. DOI:10.3390/su14169855.
11. *Gutiérrez-Moya E.* [et al.]. Analysing the Structure of the Global Wheat Trade Network: An ERGM Approach // Agronomy. 2020. Vol. 10. No. 12. Pp. 1–19. DOI:10.3390/agronomy10121967.
12. *Schilling J.* [et al.]. Climate change vulnerability, water resources and social implications in North Africa. Regional Environmental Change. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–12. DOI: 10.1007/s10113-020-01597-7.
13. *Svanidze M., Đurić I.* Global Wheat Market Dynamics: What Is the Role of the EU and the Black Sea Wheat Exporters? // Agriculture. 2021. Vol. 11. No. 8. DOI:10.3390/agriculture11080799.
14. *Uhl K. M.* [et al.]. Russian Market Power in International Wheat Exports: Evidence from a Residual Demand Elasticity Analysis // Journal of Agricultural & Food Industrial Organization. 2019. Vol. 17. No. 2. DOI: 10.1515/jafio-2016-0026.

REFERENCES

1. *Al-Hamati M.A.* The foreign trade potential of the North African countries in the field of agriculture and food. RUDN Journal of Economics, 30(3), 358–370. 2022. DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-3-358-370. (In Russ.).
2. *Vasiliev V.* French North Africa. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1943. (In Russ.).
3. *Kuznetsov A.V.* Changes in the geography of production in Russia under the influence of the turn of exports to the Global South // Present and future of Russia in a changing world: socio-geographical analysis and forecast / ed. A.G. Druzhinin and V.P. Sidorov. Proceedings of the international scientific conference (Izhevsk, September 13–18, 2021). Izhevsk: Publishing Center "Udmurt University". 2021. P. 33–38. (In Russ.).
4. *Abay K.A.* [et al.]. The Russia-Ukraine crisis: Implications for global and regional food security and potential policy responses // MENA RP Working Paper 39. Washington, DC: International Food Policy Research Institute. 2022. DOI: 10.2499/p15738coll2.135913.
5. *Abdelaal H., Thilmany D.* Grains Production Prospects and Long Run Food Security in Egypt // Sustainability. 2019. Vol. 11. No. 16. Pp. 1–18. DOI: 10.3390/su11164457.
6. *Achli S.* [et al.]. Vulnerability of Barley, Maize, and Wheat Yields to Variations in Growing Season Precipitation in Morocco // Appl. Sci. 2022. No. 12. Pp. 1–28. DOI: 10.3390/app12073407.
7. *Asseng S.* [et al.]. Can Egypt become self-sufficient in wheat? // Environmental Research Letters. 2018. Vol. 13. No. 9. DOI: 10.1088/1748-9326/aada50.
8. *Bishaw Z.* [et al.]. Political Economy of the Wheat Sector in Morocco: Seed Systems, Varietal Adoption, and Impacts // International Center for Agricultural Research in the Dry Areas, Beirut, Lebanon. 2019.
9. *Dillon B., Dambro C.* How Competitive Are Crop Markets in Sub-Saharan Africa? // American Journal of Agricultural Economics. 2017. Vol. 99. No. 5. Pp. 1344–1361. DOI: 10.1093/ajae/aax044.

10. *Gutierrez L.* [et al.]. Agricultural Grain Markets in the COVID-19 Crisis, Insights from a GVAR Model // Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 16. Pp. 1–13. DOI: 10.3390/su14169855.
11. *Gutiérrez-Moya E.* [et al.]. Analysing the Structure of the Global Wheat Trade Network: An ERGM Approach // Agronomy. 2020. Vol. 10. No. 12. Pp. 1–19. DOI: 10.3390/agronomy10121967.
12. *Schilling J.* [et al.]. Climate change vulnerability, water resources and social implications in North Africa. Regional Environmental Change. 2020. Vol. 20. No. 1. Pp. 1–12. DOI: 10.1007/s10113-020-01597-7.
13. *Svanidze M., Đurić I.* Global Wheat Market Dynamics: What Is the Role of the EU and the Black Sea Wheat Exporters? // Agriculture. 2021. Vol. 11. No. 8. DOI:10.3390/agriculture11080799.
14. *Uhl K. M.* [et al.]. Russian Market Power in International Wheat Exports: Evidence from a Residual Demand Elasticity Analysis // Journal of Agricultural & Food Industrial Organization. 2019. Vol. 17. No. 2. DOI: 10.1515/jafio-2016-0026.

Дата поступления рукописи: *05.03.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильченко Александр Дмитриевич – младший научный сотрудник отдела экономических исследований ФГБУН Институт Европы РАН, Москва, Россия
vasilchenko@instituteofeurope.ru

Логвинов Даниил Владимирович – магистрант второго года обучения факультета международных экономических отношений МГИМО (Университет) МИД России, Москва, Россия
logvinov_daniel@mail.ru

Семенова Анна Алексеевна – младший научный сотрудник Центра изучения стран Северной Африки и Африканского Рога ФГБУН Институт Африки РАН, Москва, Россия
nightingale2199@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr D. Vasilchenko – Junior Researcher at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vasilchenko@instituteofeurope.ru

Daniil V. Logvinov – 2nd year student of Master program "Economics", Faculty of International Economic Relationships of MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia
logvinov_daniel@mail.ru

Anna A. Semenova – Junior Researcher at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
nightingale2199@mail.ru

NON-PRICE DEMAND FACTORS FOR WHEAT IMPORTS
IN NORTH AFRICAN COUNTRIES

North Africa has firmly established itself as a leading world region in terms of wheat imports. While domestic production remains limited due to natural and climate factors, domestic demand for wheat keeps growing due to fast population growth. That makes the region an attractive grain market, and forces largest exporters to use the whole range of price and non-price instruments in the competition for the desired market niche. Russian wheat is the most competitive in terms of price. However, as this study shows, in the target region, it is non-price factors that have a key influence on the decision to conclude a foreign trade contract. In this regard, the purpose of this paper is to reveal, using a panel data model, significant non-price factors that affect the distribution of market shares of the main suppliers of wheat to the North African market. Taking these factors into consideration will allow underrepresented exporters to increase supplies and secure a niche that fully meets their export potential.

Keywords: *export, import, agriculture, wheat market, competitiveness, Algeria, Egypt, Morocco, Tunisia.*

JEL: C23, N57, Q17.

А.С. ЧЕТВЕРИКОВА
кандидат экономических наук,
руководитель Центра европейских исследований
ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ СТРАН ПРИБАЛТИКИ И ПОЛЬШИ

В статье представлен анализ развития инвестиционных связей Польши и стран Прибалтики. Оценивается общая динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), выделены основные этапы и факторы, влияющие на ПИИ. Обосновывается вывод о том, что эти страны продолжают служить импортерами капитала и фундаментальных причин для изменения данной ситуации нет. Анализируются основные диспропорции инвестиционных связей, включая отраслевой и территориальный аспекты. Выделены общие черты и ключевые различия инвестиционных секторов Польши и прибалтийских республик. На основе расчета индекса Херфиндаля–Хиршмана оценено изменение уровня диверсификации отраслевой структуры входящих и исходящих ПИИ Польши, Эстонии, Латвии и Литвы начиная с 2010 г.

Ключевые слова: *Польша, прибалтийские республики, динамика ПИИ, отраслевая и территориальная структура ПИИ, диспропорции инвестиционных связей.*

УДК: 339.9

EDN: WZMYEK

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_181_196

Страны северо-восточной Европы, являющиеся членами Евросоюза, привлекали иностранных инвесторов своим выгодным транспортно-географическим положением. В первую очередь это относилось к прибалтийским республикам, чья экономика в значительной степени опиралась на успешную реализацию транзитной функции этими странами. Польша как «новые ворота» в Европу для иностранных инвесторов начала позиционироваться позже: изначально иностранных инвесторов привлекали «традиционные» факторы для ПИИ – низкая стоимость рабочей силы, размер внутреннего рынка и пр. [11, p. 13]. Однако сейчас наращивание необходимой транспортно-логистической инфраструктуры, в том числе для удовлетворения общеевропейских потребностей, стало более актуальным. Страны

региона представляют интерес не только с точки зрения обеспечения входа на европейский рынок иностранных компаний, но и влияния ПИИ на их экономики.

Латвия, Литва, Эстония и Польша не являются центром приложения иностранного капитала: на них приходилось в 2021–2022 гг. 0,8% мировых входящих ПИИ и 0,1% исходящих ПИИ. На европейском уровне их позиции более значимы, однако их скорее можно отнести к слабым: всего 3,1% входящих ПИИ ЕС и 0,4% исходящих [16; 17]. Данные страны в большей степени аккумулируют иностранные вложения, чем вывозят за рубеж свои собственные. Одним из факторов, определяющих их роль как нетто-импортеров, является их инвестиционная привлекательность. Согласно последнему рейтингу Doing Business 2020[1], прибалтийские республики входили в 20-ку наиболее привлекательных стран мира: Литва была 11-й, Эстония – 18-й, Латвия – 19-й. Польша стала 40-й [8], но ее место компенсировалось размером экономики, позволяющим аккумулировать значительно большие вложения, чем в странах Прибалтики.

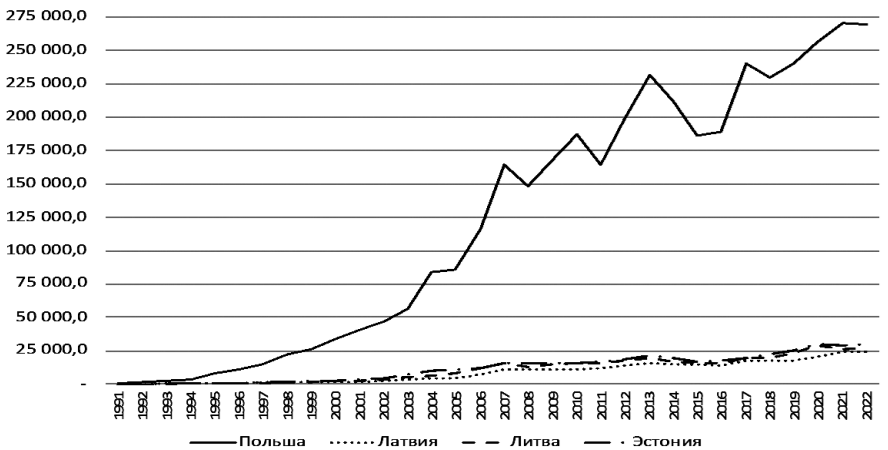
Общая динамика ПИИ

Активное встраивание в мировые инвестиционные потоки было характерно для рассматриваемых стран еще в период трансформации, начавшейся в 1990-е годы [9]. Приток ПИИ на их территории активно рос, особенно в Польшу. Страны надеялись получить многие выгоды от иностранного капитала, включая прогресс в сфере высоких технологий и активизацию экономического роста [3, с. 26–27].

Часть исследований подтверждает влияние притока ПИИ на экономический рост прибалтийских республик [10], а также Польши. Например, проводимые оценки свидетельствовали об увеличении темпов экономического роста Польши на 1,52% при увеличении ПИИ на 1% [12]. Вторым периодом резкого роста входящих накопленных ПИИ стал этап вступления стран в ЕС и первые годы членства в интеграционном объединении (см. рис. 1). В дальнейшем тенденции роста продолжились, однако динамика не была стабильной [7, с. 31]. На нее оказывали влияние как ситуация на мировых рынках, так и геополитические факторы. Среди факторов, отрицательно сказавшихся на объемах вложений, можно выделить мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., замедление экономического роста, последствия санкционного режима. При этом COVID-19, несмотря на негативные

[1] Всемирный банк приостановил составление рейтинга Doing Business в 2021 г. Новый рейтинг по оценке инвестиционной привлекательности (Business Ready) находится в стадии разработки (https://www.worldbank.org/en/businessready).

оценки того периода, не оказал негативного влияния на накопленные входящие ПИИ во всех четырех странах. Экономические и политические события 2022 г. пока проявились в форме сокращения входящих накопленных ПИИ в Польше и замедления темпов их прироста в Латвии, зафиксированных статистикой.

Источник: [17].

Рис. 1. Входящие накопленные ПИИ Польши и стран Прибалтики, млн долл.

Продолжающийся процесс привлечения ПИИ повлек за собой и увеличение их значимости для принимающих государств. Зависимость экономик от иностранного капитала принесла не только положительное влияние, но и множество негативных последствий, включая нарастание дисбалансов [2]. «Наиболее зависимой» является самая маленькая экономика – эстонская: отношение ПИИ к ВВП в 2022 г. превысило 118%[2], увеличившись в 1,5 раза по сравнению с моментом вступления в ЕС. Эстония наиболее активно начала интегрироваться в мировые инвестиционные потоки в конце XX столетия: уже в 2001 г. отношение ПИИ к ВВП составило более 53%. В Латвии данный показатель в 2022 г. был равен почти 61% (рост более чем вдвое по отношению к 2004 г.), в Литве – более 48% (1,8 раз), Польше – 46% (1,6 раз). Таким образом, на примере рассматриваемых стран видно, что чем меньше экономика, тем выше значение иностранного капитала для ее развития. Однако прямой зависимости влияния размеров экономики на объемы ПИИ нет: латвийская экономика почти вдвое меньше литовской, при разнице в соотношении ПИИ в 1,3 раза. Те же несоот-

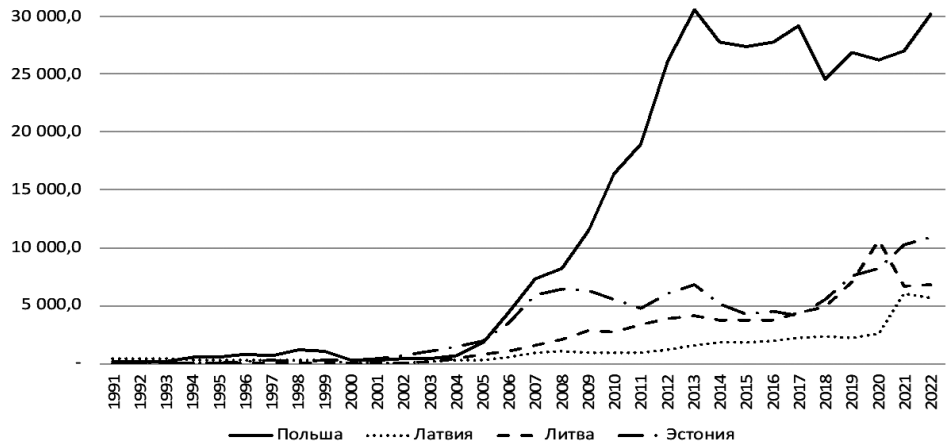
[2] Здесь и далее используется статистическая информация Евростата, если не указано иное. Рассчитывается Евростатом как стоимость обязательств в рамках ПИИ из всех стран мира в отчетной экономике на конец периода к ВВП.

ветствия имеют место и при сравнении польской и литовской ситуаций. Средние темпы прироста входящих ПИИ за последние 10 лет составили 3-7% в год – наибольшие показатели в Латвии и наименьшие – в Польше.

Как и в ситуации с потоками входящих ПИИ, инвестиции за границу пережили этап активного роста в трансформационный период конца XX в. Местные компании также начали инвестировать в зарубежные экономики. Примечательно, что в начале 1990-х годов фактор размера экономики не являлся превалирующим: например, латвийские прямые инвестиции за рубежом в 2–4 раза превышали польские. Кроме того, многое определялось законодательной базой и другими внутренними факторами: латвийские инвесторы были лидерами в зарубежной инвестиционной экспансии, в то же время Литва являлась аутсайдером на протяжении всех 1990-х годов.

Нестабильность исходящих ПИИ оставалась характерной чертой как до вступления Польши, Латвии, Литвы и Эстонии в Евросоюз, так и после 2004 г. При общей позитивной динамике странам не удавалось избегать колебаний объемов вложений за границей (см. рис. 2). Пик прироста зарубежных инвестиционных вложений пришелся на 2004–2006 гг., когда увеличение объемов составляло 1,8–3,5 раз в зависимости от страны. Сокращения ПИИ обусловливались как внутренней экономической ситуацией в странах, изменениями законодательной базы, так и решениями по отдельным крупным инвестиционным проектам. Малые объемы ПИИ зачастую демонстрируют резкие колебания, возникающие на фоне продажи крупных активов или, наоборот, их покупки. Например, падение исходящих ПИИ Польши в 2018 г. стало следствием не только общеэкономических факторов, но и изменений в польско-шведских связях. Средние темпы прироста исходящих ПИИ за последние 10 лет составили 2–23% в год, при наибольших показателях в Латвии и наименьших – в Польше.

Начало трансформационного периода и особенности национальных условий функционирования компаний предопределили различия в потоках входящих и исходящих ПИИ Польши и прибалтийских республик. Неготовность национальных игроков вкладывать свои средства за рубеж и сложная экономическая ситуация в этих странах являлись основными факторами их малых исходящих инвестиций на фоне начала процесса активного освоения их территорий иностранными компаниями. Пик диспропорций в соотношении входящих ПИИ к исходящим пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов, когда регион имел дополнительную инвестиционную привлекательность в свете скорого вступления Польши, Латвии, Литвы и Эстонии в Евросоюз (см. табл. 1). Иностранные компании стремились успеть получить максимальные выгоды от вхождения новых рынков в состав ЕС.

Источник: [17].

Рис. 2. Исходящие накопленные ПИИ Польши и стран Прибалтики, млн долл.

В свою очередь национальные игроки не до конца накопили ресурсный потенциал для масштабной зарубежной экспансии. Значителен был и государственный сектор, доля которого в некоторых странах региона и в настоящее время остается высокой. Так, рост частных компаний, достижение определенного уровня зрелости экономики Польши и вступление в ЕС обеспечили экспорт польского капитала за рубеж [1, с. 104]. В дальнейшем диспропорции в соотношении входящих ПИИ к исходящим уменьшились, однако остаются высокими, особенно в Польше и Латвии, в связи с особенностями структур собственности и экономик в целом. Страны продолжают преимущественно импортировать иностранный капитал, и фундаментальных причин для кардинального изменения этой ситуации нет.

Таблица 1

Накопленные ПИИ Польши и стран Прибалтики, 2022 г.

Страна	Входящие ПИИ, млрд долл.	Исходящие ПИИ, млрд долл.	Соотношение входящих ПИИ к исходящим, среднее за период, %						
			1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2022
Польша	269,8	30,2	10,5	41,4	111,6	18,6	7,7	8,6	9,5
Латвия	24,1	5,7	1,1	22,3	34,1	12,6	10,4	7,8	4,1
Литва	27,5	6,8	–	109,4	38,2	7,6	4,7	3,8	3,9
Эстония	29,9	10,9	4,6	8,2	6,6	2,8	3,5	3,9	2,8

Рассчитано автором по: [17].

Особенности инвестиционного сектора Польши и стран Прибалтики

Процессу аккумулирования инвестиций на территориях способствовало улучшение инвестиционного климата в Польше и странах Прибалтики. Согласно индексу законодательных ограничений ПИИ ОЭСР, иностранные инвесторы с вступлением этих стран в ЕС стали испытывать меньше препятствий (см. табл. 2). И если в 2003 г. Эстония, обладавшая лучшими показателями в регионе, была 8-й среди стран ОЭСР, а Польша – 22-й, то в 2020 г. все прибалтийские республики входили в десятку лидеров среди стран ОЭСР: Эстония занимала 6 место, Литва – 7-е, Латвия – 9-е. Только Польша стала 27-й в связи с сохранением определенной закрытости своего рынка по сравнению со странами Прибалтики. Польские показатели на протяжении последнего десятилетия превышают и средние значения по ОЭСР. В секторальном аспекте по сравнению со средними по ОЭСР показателями в Эстонии повышенные ограничения сохранились в отношении лесного хозяйства, в Латвии – недвижимости, в Польше – сельского и лесного хозяйства, СМИ, мобильной связи и недвижимости.

Все большая вовлеченность во внешние инвестиционные связи повышала и риски, формируемые открытостью экономик. Страны становились все более зависимыми от внешнего капитала. Как и в других странах Центрально-Восточной Европы, в регионе наблюдались повышенные показатели значимости ПИИ в экономике [3, с. 33–34]. Наиболее ярко это прослеживается на небольших экономиках, где роль иностранного капитала наиболее значима: в Эстонии доля входящих ПИИ в ВВП превысила 90%, в Латвии – 60%. Размер литовской экономики предполагает потенциально значительно большую значимость для нее иностранного капитала, однако внутренние факторы, включая отраслевую структуру хозяйства, препятствуют ее увеличению. Размер внутреннего рынка Польши позволяет ей сохранять долю входящих ПИИ на уровне 40% ВВП. При этом все 4 страны практически одинаково увеличили данный показатель за прошедшие более чем два десятилетия: в 2021 г. доля входящих ПИИ в ВВП в странах увеличилась в 1,9–2,3 раза по сравнению с 2000 г.

Противоположная картина была характерна для вывоза капитала: страны по-разному выходили на внешние рынки. Наиболее активна была Эстония, инвесторы которой уже в 2000 г. аккумулировали за границей 5% ВВП (см. табл. 2). Поддержание высоких темпов зарубежной экспансии, в том числе за счет инвестиций в РФ, определило лидерство Эстонии по доле исходящих ПИИ в ВВП – более 30%, что в целом несвойственно малым экономикам. Текущими основными направлениями приложения эстонского капитала являются Латвия, Литва,

Таблица 2

Показатели инвестиционного сектора Польши и стран Прибалтики

Показатель	Страна	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Индекс законодательных ограничений ПИИ ОЭСР*	Польша	0,083	0,076	0,072	0,072	0,072	–
	Латвия	0,059	0,029	0,022	0,020	0,021	–
	Литва	–	0,022	0,022	0,019	0,019	–
	Эстония	0,039	0,035	0,031	0,018	0,018	–
Доля входящих ПИИ в ВВП / доля исходящих ПИИ в ВВП, %	Польша	21 / 1	28 / 1	39 / 3	39 / 5	43 / 5	40 / 4
	Латвия	27 / 0	29 / 2	46 / 4	54 / 7	61 / 8	61 / 15
	Литва	21 / 0	32 / 3	42 / 7	39 / 9	53 / 19	46 / 17
	Эстония	48 / 5	79 / 13	79 / 28	80 / 25	109 / 33	91 / 33
Доля трех ключевых стран-инвесторов в накопленных ПИИ, %	Польша	55,8	50,7	43,3	46,7	52,5	49,0
	Латвия	29,8	38,0	34,3	37,7	38,7	49,3
	Литва	45,4	50,7	38,3	37,4	50,7	42,3
	Эстония	74,2	73,6	64,8	57,6	51,8	53,0
Доля основного сектора во входящих / исходящих ПИИ, %	Польша	39 / 44	37 / 17	31 / 39	32 / 50	33 / 25	31 / 28
	Латвия	23 / 24	26 / 43	28 / 33	29 / 45	24 / 35	21 / 70
	Литва	– / –	38 / 37	29 / 29	27 / 43	40 / 59	37 / 52
	Эстония	43 / 47	50 / 56	25 / 29	26 / 22	30 / 25	30 / 31

* за 2000 и 2005 г. даны значения индекса за 2003 и 2006 г. соответственно, как наиболее близкие годы, по которым представлены данные.

Рассчитано автором по: OECD FDI Regulatory Restrictiveness Index. https://www.oecd.org/investment/fdiindex.htm; OECD International Direct Investment Statistics. https://www.oecd.org/investment/statistics.htm; [15]; Central Bank of Latvia. https://www.bank.lv/en/; Official statistic portal of Lithuania. https://www.stat.gov.lt; Central Bank of Estonia. https://www.eestipank.ee/en; National Bank of Poland. https://ssl.nbp.pl (дата обращения: 16.06.2023).

Финляндия, Кипр, Великобритания, Польша. Введение антироссийских санкций со стороны ЕС оказало влияние на ПИИ в РФ: эстонские накопленные ПИИ в 2022 г. сократились на 26% по сравнению с 2021 г., их объем снизился до уровня середины 2010-х годов.

Эффект соседства в исходящих ПИИ свойственен для Латвии с Литвой. С 2000-х годов они начали вывоз капитала, преимущественно в ближайшие государства – в соседние прибалтийские республики. В дальнейшем ПИИ стали направляться и в традиционные европейские «офшоры» – Нидерланды и Кипр, а также в Польшу, Швецию, Болгарию. С 2019 г. литовский капитал стал активно вкладываться в США, в результате чего американское направление стало ключевых: по итогам 2022 г. на него приходилось более 40% всех исходящих ПИИ Литвы. Этот же фактор и определяет и существенный рост доли исходящих ПИИ в ВВП Литвы за последние годы. В свою очередь из Лат-

вии в 2021–2022 гг. резко возросли вложения в Эстонию и Литву. В России накопленные ПИИ из Латвии в 2022 г. сократились более чем на 61% по сравнению с предыдущим годом, что соответствовало уровню вложений 2011 г.

Польша выделяется наиболее медленным процессом интеграции во внешние инвестиционные связи по исходящим ПИИ – на уровне 4–5% ВВП. Несмотря на более сформированный и крупный национальный капитал, способный на зарубежную экспансию, территориальная привязка ПИИ определяется, как и в случае прибалтийских республик, эффектом соседства [4] и «удобных» юрисдикций. Главным образом польские инвестиции направлялись в Люксембург, Чехию, Германию, Кипр, Нидерланды, а также Великобританию.

Относительно малые объемы ПИИ предопределяют нестабильность позиций крупнейших стран-инвесторов. Однако с 2000 г. для стран региона прослеживаются определенные тренды: в Польше и Эстонии наблюдалось снижение доли трех ключевых стран-инвесторов в накопленных ПИИ, для Латвии – напротив, ее увеличение, для Литвы – сохранилась противоречивая динамика с тенденцией к сокращению в последние годы (см. табл. 2). Все страны региона отличаются не диверсифицированной географической структурой входящих ПИИ. При этом для прибалтийских республик характерна значимая роль североевропейского капитала [5]. На долю трех ключевых стран-инвесторов приходилось 35–60% всех накопленных ПИИ. Антилидером продолжает оставаться Эстония: по итогам 2022 г. доля трех стран возросла до 58,8% ПИИ. Напротив, за последние годы Литва стала страной с наиболее диверсифицированной структурой ПИИ: доля трех ключевых инвесторов снизилась до 40,2% в 2022 г. В 2022 г. в Латвии данный показатель составил 49,2%. При этом РФ выбыла из числа лидирующих инвесторов латвийской экономики: сокращение российских накопленных ПИИ превысило 21% по сравнению с 2021 г. Ее место заняла Литва, нарастившая ПИИ на 9,5%, обеспечившая тем самым 7,8% всех накопленных ПИИ в Латвии. Динамика в Польше свидетельствует о том, что относительно высокие позиции основных инвесторов на уровне 45–50% ПИИ являются следствием объективных факторов, включая объем внутреннего рынка, структуру экономики и законодательную базу [6].

«Узость» географической структуры ПИИ не предопределяется размером экономики принимающей стороны – на нее оказывает влияние множество других факторов, таких как структура хозяйства, географическое положение, исторически сложившиеся связи и пр., что находит подтверждение и на примере и прибалтийских республик, и Польши. Однако примечательно, что 2022 г. в отношении Латвии, Литвы и Эстонии стал исключением: чем больше экономика, тем ниже была доля

основных стран-инвесторов. Та же зависимость относилась и к пятерке ключевых поставщиков ПИИ. В Эстонии Люксембург, Финляндия, Швеция, Латвия и Литва обеспечили 70,7% ПИИ. В Латвии на Швецию, Эстонию, Литву, Россию и Кипр пришлось 61,4%, в Литве – на Германию, Швецию, Эстонию, Великобританию и Латвию – 52,7%.

Дисбалансы инвестиционных связей стран Прибалтики и Польши заключаются не только в географической структуре, но и в отраслевой. В странах до сих пор сохраняется повышенная доля основного сектора в ПИИ. И если в отношении входящих ПИИ все страны за два десятилетия снизили этот показатель, диверсифицировав отраслевую структуру вложений, то для зарубежной экспансии были характерны разные тенденции (см. табл. 2).

Латвия остается лидером по отраслевой диверсификации входящих ПИИ. В 2021 г. здесь сменился основной сектор приложения ПИИ – им стала научная, профессиональная и техническая деятельность. Также вложения аккумулируются в финансовой сфере, недвижимости, торговле. Наиболее «узкая» структура приложения капитала характерна для Литвы, хотя в 2022 г. доля основного сектора снизилась до 35%. Самыми привлекательными для иностранных компаний являлись финансовый сектор, промышленность, торговля и недвижимость.

В Эстонии основными секторами приложения иностранного капитала являются финансовая и страховая деятельность, недвижимость, научная, профессиональная и техническая деятельность, промышленность. Таким образом, в прибалтийских республиках ПИИ направляются главным образом в третичный сектор. В Польше основные иностранные инвестиции вложены в промышленность, чья доля за последнее десятилетие сохраняется на уровне 30%. Наиболее привлекательными являются машиностроение, химическая промышленность, АПК. ПИИ также направлялись в торговлю, финансовую и страховую деятельность.

Для исходящих ПИИ, в первую очередь по причине их незначительных объемов, были характерны разнонаправленные тенденции в отношении доли основного сектора в отдельные годы, что прослеживается даже на примере Польши, как наиболее масштабного экспортера капитала. В XXI в. Польша и Эстония смогли снизить значимость одной отрасли, рассматриваемой в контексте экспорта капитала. Польские инвестиции за рубежом, в силу особенностей формирования и функционирования национальных ТНК, продолжают вкладываться в промышленность, в первую очередь в нефтегазовый сектор, металлургию, машиностроение, а также в финансовую и другие сферы третичного сектора. Эстонские инвесторы концентрировали свою деятельность в сфере услуг. Изначально основной эстонский капитал за

границей направлялся в финансовую и страховую деятельность, в 2011 г. лидерство перешло к административной и вспомогательной деятельности. За последние годы ключевым сектором вновь стала финансовая сфера. В 2022 г. на нее пришлось почти 24% всех исходящих ПИИ. Также эстонские инвестиции вкладывались в зарубежную промышленность и торговлю.

Латвию и Литву возможно отнести к другой подгруппе, где исходящие ПИИ становятся все более узкоспециализированными. При этом один сектор обеспечивает более 50% всех вложений: литовские инвесторы вкладывают в профессиональную, научную и техническую деятельность, латвийские – в финансовый сектор. Специализация основных исходящих ПИИ частично предопределяет и его позиции: финансовый сектор требует априори больших вложений. В 2022 г. доля ключевого сектора в исходящих ПИИ Литвы составила почти 50%. Средства также направлялись в торговлю, финансовый сектор, недвижимость. Практически мизерные объемы исходящих ПИИ Латвии способствуют динамичной трансформации их отраслевой структуры. После пандемии доля финансового сектора удвоилась и в 2022 г. достигла 71,4% всех исходящих ПИИ. Однако столь кардинальные изменения связаны только с одним проектом по реорганизации бизнеса: в 2021 г. Swedbank принял решение создать единую холдинговую структуру на территории прибалтийских республик с штаб-квартирой в Латвии [13], что повлекло за собой как рост исходящих ПИИ в Литву и Эстонию, так и резкое увеличение доли финансового сектора. Привлекательными для эстонского капитала также были заграничная торговля, профессиональная, научная и техническая деятельность, промышленность.

Особенности отраслевой структуры ПИИ

Помимо вышеуказанных закономерностей ключевых секторов инвестиционных связей Польши, Латвии, Литвы и Эстонии для этих стран можно выделить и некоторые другие черты этой сферы.

Являясь инвестиционно привлекательными территориями, страны не могут «обеспечить» широкий спектр направлений приложения капитала для иностранных инвесторов. Более трех четвертей входящих ПИИ Польши и стран Прибалтики в настоящее время обеспечивают всего 5 секторов (см. табл. 3). Несмотря на существующие межстрановые различия, во всех четырех странах большая часть ПИИ аккумулируется в третичном секторе. Часть сфер исключена из инвестиционной деятельности зарубежных компаний по причинам их защиты со стороны государства или непривлекательности условий вложения капитала.

Таблица 3

Отраслевая структура входящих ПИИ Польши и стран Прибалтики, 2022 г. (%)

Отрасли	Польша*	Латвия	Литва	Эстония
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство	0,4	4,0	1,6	2,1
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	0,2	0,8	0,2	0,3
Обрабатывающая промышленность	31,3	12,1	16,6	12,1
Снабжение электроэнергией, газом, паром и кондиционирование воздуха	2,9	2,6	1,5	0,7
Водоснабжение, канализация, удаление отходов и ремедиация территорий	0,2	0,1	0,1	0,2
Строительство	5,0	1,9	1,9	0,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	14,9	13,3	10,2	11,6
Перевозка и хранение	1,6	3,3	2,4	2,5
Деятельность по предоставлению услуг проживания и питания	1,0	1,1	0,5	0,3
Информация и связь	6,2	3,0	6,3	5,6
Финансовая деятельность и страхование	14,2	15,2	34,7	27,1
Операции с недвижимым имуществом	10,5	14,4	8,3	18,8
Профессиональная, научная и техническая деятельность	8,5	21,0	6,3	13,1
Прочее	3,1	7,2	9,4	4,9

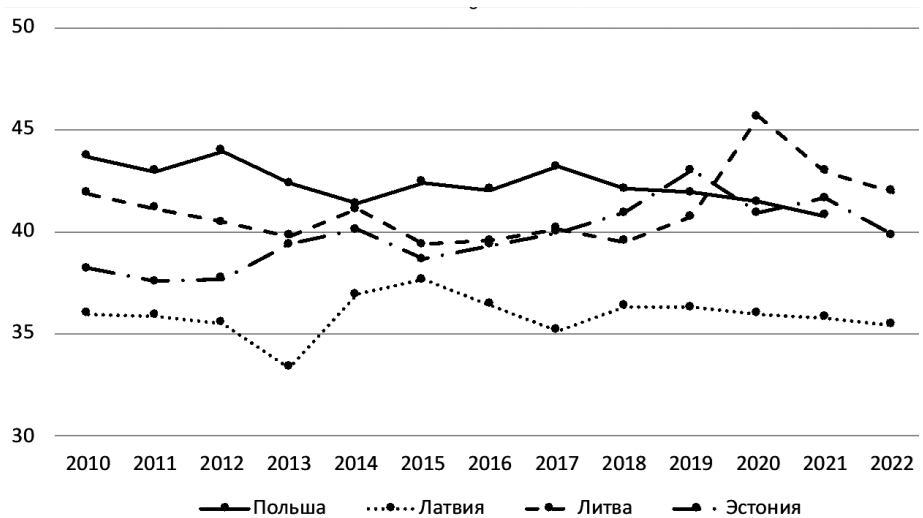
* *Для* Польши доступны данные за 2021 г.

Рассчитано автором по: данные Central Bank of Latvia. https://www.bank.lv/en/; Official statistic portal of Lithuania. https://www.stat.gov.lt; Central Bank of Estonia. https://www.eestipank.ee/en; National Bank of Poland. https://ssl.nbp.pl (дата обращения: 16.06.2023).

Существует множество подходов к изучению ПИИ, в том числе применительно к странам региона [14]. Изменения в отраслевой структуре инвестиционных связей возможно проследить на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана[3], отражающего концентрацию ПИИ отдельных государств. На уровне отдельных видов деятельности Польша и страны Прибалтики характеризуются сходным уровнем концентрации в отно-

[3] В качестве отдельных отраслей при расчетах автором принимались отдельные виды экономической деятельности согласно классификатору NACE Rev.2 (коды деятельности A, B, C и т. д.).

шении входящих ПИИ: с 2010 г. индекс находился в пределах 33,0 – 46,0 (см. рис. 3), что свидетельствует об относительно диверсифицированной структуре приложения капитала. При этом динамика показателя в рамках рассматриваемых стран была различна. Тренд на падение индекса отмечался у Польши. Тенденция сокращения, но более слабо выраженная, была характерна и для Латвии, сохранившей лидерские позиции по уровню диверсификации на протяжении всего периода. Литва и Эстония, напротив, с 2010 г. увеличили индекс Херфиндаля-Хиршмана, хотя с начала пандемии показатели стали падать, тем самым широта приложения иностранного капитала увеличивалась. Наибольшие скачки показателей были характерны для малых экономик: в Латвии в 2014 г. индекс вырос на 3,6 п. п., в Литве в 2021 г. упал на 2,7 п. п.

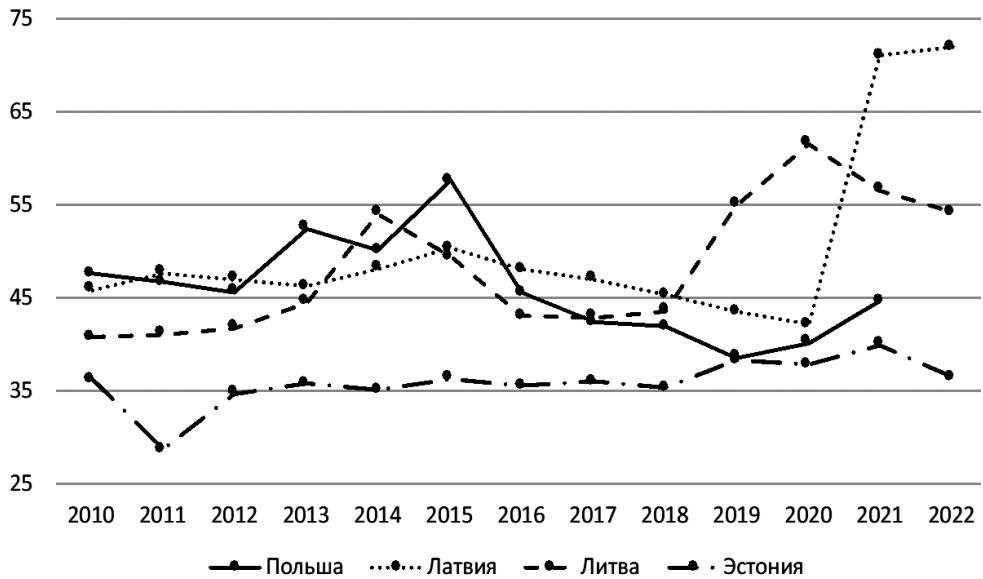

Рассчитано автором по: данные Central Bank of Latvia. https://www.bank.lv/en/; Official statistic portal of Lithuania. https://www.stat.gov.lt; Central Bank of Estonia. https://www.eestipank.ee/en; National Bank of Poland. https://ssl.nbp.pl (дата обращения: 16.06.2023).

Рис. 3. Индекс Херфиндаля-Хиршмана в отношении отраслевой структуры входящих ПИИ Польши и стран Прибалтики, 2010–2022 гг.

В силу национальных особенностей разброс индекса Херфиндаля-Хиршмана в отношении исходящих ПИИ более значительный. С 2010 г. он находился в пределах 28,0 – 72,0. И в этом случае внутренние факторы, включая структуру национальных акторов, способных на зарубежную экспансию, имеют приоритетное значение. Польша, несмотря на колебания, с 2010 г. сократила индекс и перестала быть аутсайдером по диверсификации исходящих ПИИ. В 2016 г. ее индекс упал на 12,1 п. п., что стало наибольшим сокращением среди стран с 2010 г. В свою очередь у всех прибалтийских республик увеличился индекс Херфиндаля-Хиршмана. Набольшие показатели индекса были

характерны для Латвии в 2022 г. – 71,9, что свидетельствует о высокой концентрации ПИИ и о текущих дисбалансах инвестиционных связей. Рост ее индекса на 28,8 п. п. в 2021 г. стал максимальным среди стран с 2010 г. Эстония сумела сохранить лидерские позиции по уровню диверсификации – 36,4 по итогам 2022 г.

Рассчитано автором по: данные Central Bank of Latvia. https://www.bank.lv/en/; Official statistic portal of Lithuania. https://www.stat.gov.lt; Central Bank of Estonia. https://www.eestipank.ee/en; National Bank of Poland. https://ssl.nbp.pl (дата обращения: 16.06.2023).

Рис. 4. Индекс Херфиндаля-Хиршмана в отношении отраслевой структуры исходящих ПИИ Польши и стран Прибалтики, 2010–2022 гг.

Инвестиционные связи стран Прибалтики и Польши сильно трансформировались за последние десятилетия, пройдя этап активного роста и последующей определенной стабилизации, характеризующейся относительно устойчивым положением импортеров капитала. Для стран региона присуще сохранение дисбалансов, включающих отраслевые и региональные аспекты. Для самых малых экономик значение ПИИ высоко, что привносит не только положительное, но и отрицательное воздействие на экономику, особенно в периоды кризисов. Динамичность потоков ПИИ, даже при их малых объемах, сказывается на инвестиционной сфере в целом. Несмотря на различия, для прибалтийских республик и Польши возможно выделить и общие характеристики их ПИИ: имеющий место эффект соседства, уровень отраслевой диверсификации входящих ПИИ, значимость ключевых стран-инвесторов. Страны региона остаются партнерами друг для друга в инвестиционной сфере, что сохранится и в перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Габарта А.А.* Особенности внешнеторговой и инвестиционной политик Польши // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 97–106.
2. *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 9–24.
3. *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С.* Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост / Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2014.
4. *Кузнецов А.В., Четверикова А.С.* Восточноевропейские страны ЕС: куда идут их инвестиции // Современная Европа. 2007. № 4 (32). С. 70–84.
5. *Оленченко В.А.* Иностранные инвестиции в государствах Прибалтики: к вопросу о соперничестве российского и североевропейского капиталов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 30–49.
6. *Секачева А.Б.* Инвестиционная политика Польши в контексте торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 81–96.
7. *Шейнин Э.Я.* Инвестиционный процесс в странах Центрально-Восточной Европы / Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019.
8. Doing Business 2020. Washington: The World Bank, 2020.
9. Emerging-market multinational enterprises in East Central Europe / Ed. by A. Szunomar. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
10. *Irandoust M.* Structural changes, FDI, and economic growth: evidence from the Baltic states // Economic Structures. 2016. Vol. 5. No. 14. https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-016-0045-8#citeas (дата обращения: 16.06.2023).
11. *Kuzel M.* The investment development path: evidence from Poland and other countries of the Visegrad Group // Journal of East-West Business. 2017. Vol. 23. No. 1. Pp. 1–40.
12. *Soylu O.B.* Do foreign direct investment and savings promote economic growth in Poland? // Economic and Business Review. 2019. Vol. 5 (19). No. 4. Pp. 3–22.
13. Swedbank Baltics AS. Annual Report 2022. https://www.swedbank.lv/static/pdf/reports/annual/swedbank_baltics_konsolidetais_gada_parskats_2022_ENG.pdf (дата обращения 16.06.2023).
14. *Tvaronavičienė M., Burinskas A.* Review of studies on FDI: The case of Baltic States // Journal of International Studies. 2022. No. 15 (2). Pp. 210–225.
15. World Investment Report 2006. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. New York, Geneva: UNCTAD, 2006.
16. World Investment Report 2022. International tax reforms and sustainable investment. New York: UNCTAD, 2023.
17. World Investment Report 2023. Investing in sustainable energy for all. New York: UNCTAD, 2023.

REFERENCES

1. *Habarta A.A.* Characteristics of foreign trade and investment policy of Poland // Contemporary Europe. 2016. No. 6 (72). Pp. 97–106. (In Russ.)
2. *Glinkina S.P., Kulikova N.V.* On the model of capitalism in Central and Eastern Europe // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No 3. Pp. 9–24. (In Russ.).
3. *Glinkina S.P., Kulikova N.V., Sinitsina I.S.* Countries of Central and Eastern Europe: European integration and economic growth / Scientific report. Institute of Economics RAS, 2014. (In Russ.).
4. *Kuznetsov A.V., Chetverikova A.S.* Eastern European countries of the EU: where its investments go // Contemporary Europe. 2007. No. 4 (32). Pp. 70–84.
5. *Olenchenko V.A.* On Russian / Nordic investment competition in the Baltic States // Baltic region. 2015. No. 2 (24). Pp. 30–49. (In Russ.).
6. *Sekacheva A.B.* Investment policy of Poland in the context of trade and economic cooperation with the Russian Federation // RGGU Bulletin. Series: Economic. Management. Law. 2021. No. 2. Pp. 81–96 (In Russ.).
7. *Scheinin E.Y.* Investment process in the countries of Central and Eastern Europe / Scientific report. Institute of Economics RAS, 2019. (In Russ.).
8. Doing Business 2020. Washington: The World Bank, 2020.
9. Emerging-market multinational enterprises in East Central Europe. Ed. by A. *Szunomar*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020.
10. *Irandoust M.* Structural changes, FDI, and economic growth: evidence from the Baltic states // Economic Structures. 2016. Vol. 5. No. 14. https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-016-0045-8#citeas (date of access: 16.06.2023).
11. *Kuzel M.* The investment development path: evidence from Poland and other countries of the Visegrad Group // Journal of East-West Business. 2017. Vol. 23. No. 1. Pp. 1–40.
12. *Soylu O.B.* Do foreign direct investment and savings promote economic growth in Poland? // Economic and Business Review. 2019. Vol. 5 (19). No. 4. Pp. 3–22.
13. Swedbank Baltics AS. Annual Report 2022. https://www.swedbank.lv/static/pdf/reports/annual/swedbank_baltics_konsolidetais_gada_parskats_2022_ENG.pdf (date of access: 16.06.2023).
14. *Tvaronavičienė M., Burinskas A.* Review of studies on FDI: The case of Baltic States // Journal of International Studies. 2022. No. 15 (2). Pp. 210–225.
15. World Investment Report 2006. FDI from Developing and Transition Economies: Implications for Development. New York, Geneva: UNCTAD. 2006.
16. World Investment Report 2022. International tax reforms and sustainable investment. New York: UNCTAD, 2023.
17. World Investment Report 2023. Investing in sustainable energy for all. New York: UNCTAD, 2023.

Дата поступления рукописи: *01.07.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Четверикова Анна Сергеевна – кандидат экономических наук, руководитель Центра европейских исследований ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4793-4145
chetverikova@imemo.ru

ABOUT THE AUTHOR
Anna S. Chetverikova – Cand. Sci. (Econ.), Head of Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4793-4145
chetverikova@imemo.ru

TRANSFORMATION OF INVESTMENT TIES OF BALTIC STATES AND POLAND

The article presents an analysis of investment ties' development of Poland and Baltic states. The author assesses general dynamics of foreign direct investment and identifies main stages and factors influencing FDI. The conclusion is substantiated that these countries continue to play the role of capital importers and there are no fundamental reasons for this situation to change. The author analyzes main disproportions of investment ties, including sectoral and territorial aspects, and identifies the common features and key differences of investment sectors of Poland and Baltic republics. Based on the calculation of Herfindahl-Hirschman index the change in the level of diversification of the sectoral structure of inward and outward FDI in Poland, Estonia, Latvia and Lithuania since 2010 has been assessed.

Keywords: *Poland, Baltic states, dynamics of FDI, sectoral and territorial structure of FDI, disproportion of investment ties.*
JEL: F21.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Д.А. СУДАРЕВ
аспирант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
старший преподаватель экономического факультета ЭМИТ РАНХиГС

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ НА ОШИБКИ ПРОГНОЗОВ ДОХОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА РОССИИ

Целью статьи является оценка влияния факторов политической природы (электоральных циклов и идеологического спектра парламента) на систематические отклонения фактических показателей исполнения федерального бюджета России по доходам от планируемых в проектах законов о бюджете. Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе была проведена оценка качества бюджетных прогнозов доходов федерального бюджета за период с 2000 по 2022 г. Сравнение фактически исполненных доходов с прогнозируемыми в исходной редакции закона о бюджете показало, что доходы федерального бюджета прогнозируются со статистически значимым систематическим занижением показателей. На втором этапе произведена эмпирическая оценка ряда факторов, потенциально влияющих на выявленный в прогнозах пессимизм. Установлено отсутствие значимого влияния федеральных электоральных циклов, а также слабое влияние идеологического состава парламента на систематическое занижение доходов федерального бюджета. Полученные результаты являются мотивацией для более детального исследования стимулов ключевых участников бюджетного процесса при прогнозировании доходов.

Ключевые слова: *бюджетный процесс, бюджетное прогнозирование, доходы бюджета, точность прогнозов, электоральные циклы, партийная фрагментация, идеология.*

УДК: 336.14

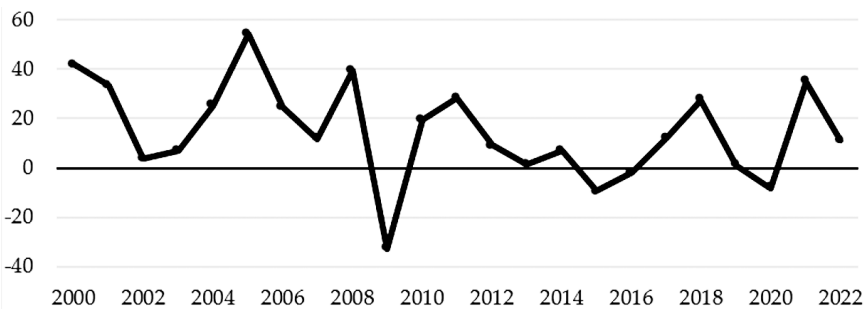
EDN: ZOCLTM

DOI: 10.52180/2073-6487_2023_4_197_216

Введение

Прогнозирование доходов бюджета является важной составляющей бюджетной политики. Ошибки прогнозов поступлений в бюджет приводят к несоответствию между принимаемыми в виде расходов обязательствами и возможностями их реализации с помощью имеющихся доходов. Кроме того, бюджет является важным ориентиром для экономических агентов при формировании ожиданий, что особенно актуально в России, где доля государственного сектора в экономике весьма значительна: по оценкам ИПЭИ РАНХиГС, за последние 20 лет она увеличилась с 31,2% ВВП в 2000 г. до 56,2% ВВП в 2021 г.[1] Это означает, что отклонения фактических показателей бюджета от планируемых могут приводить к серьезным экономическим последствиям, не закладываемым в ожидания экономических агентов.

Результаты исполнения бюджетов по доходам практически всегда отличаются от утвержденных в официальных документах, причем зачастую размеры несоответствий велики. Сказанное верно и для федерального бюджета России, для которого характерны отклонения до 40–50%, или 7–8% от ВВП (см. рис. 1).

Рассчитано автором по: данные Министерства финансов РФ. https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud, Федерального Казначейства https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetov/federalnyj-byudzhet и первых редакций федеральных законов о федеральном бюджете.

Рис. 1. Отклонения фактических показателей доходов федерального бюджета от планируемых в проекте федерального бюджета, в %

В теоретической и эмпирической литературе в качестве причины подобных отклонений рассматривается не только неопределенность при прогнозировании или изменение методологии расчетов, но и использование бюджета как инструмента, посредством которого различные группы интересов пытаются достичь собственные, причем

[1] Индекс государственной собственности ИПЭИ РАНХиГС. https://ipei.ranepa.ru/ru/kgu.

часто конфликтующие цели. Существующие исследования по данной тематике обнаруживают систематические ошибки в прогнозировании доходов бюджетов и пытаются выявить политические и институциональные факторы, приводящие к таким искажениям. Однако большинство из них посвящены анализу политико-институциональной структуры стран ЕС и ОЭСР, а исследования для российского бюджета в таком ключе не проводились.

В данной работе сделана попытка оценить качество прогнозов доходов федерального бюджета России, а также влияние факторов политической природы на устойчивые отклонения в прогнозировании поступлений доходов. Оценка проводится в два этапа: первый этап основан на сравнении данных первых редакций проектов бюджетов и данных об их исполнении в 2000–2022 гг., а также проведении тестов на качество прогнозирования; второй этап включает в себя эмпирическую оценку влияния факторов политической природы на отклонения прогнозов доходов бюджетов.

Полученные в ходе исследования результаты позволят дать ответ на вопрос о наличии мотивации к использованию занижения прогнозов доходов федерального бюджета для решения конфликтов политического характера. Они также могут мотивировать к более детальному рассмотрению в качестве причины отклонений прогнозов сформированную на протяжении десятилетий институциональную структуру бюджетного прогнозирования, то есть тех правил и положений, в соответствии с которыми бюджет проектируется, утверждается и исполняется.

Обзор литературы

Исследования в области оценки и анализа качества бюджетного прогнозирования начали проводиться с начала 2000-х гг. Важная особенность большинства работ, посвященных данной теме, состоит в том, что в них исследуется опыт стран ЕС и ОЭСР, в силу наличия длительной и стабильной выборки по группам стран. При этом все исследования можно разделить на две большие группы.

Первая группа исследований связана с оценкой качества бюджетных прогнозов. В их основе лежит оценка точности прогнозов и поиск систематических отклонений, которые могут свидетельствовать о наличии тех или иных политических или институциональных факторов, влияющих на бюджетный процесс. Эти исследования проводятся методами расчета средних отклонений и тестированием на смещенность, то есть выявлением статистически значимого отклонения средней ошибки от нуля. Подобные тесты показывают наличие смещенности для разных стран в разные периоды времени (для России за 2000–2005 гг. [3], для стран ЕС [15; 16]). Вместе с тем прогнозы,

составляемые независимыми институтами, обладают большей точностью и отсутствием смещенности (оценка прогнозов МВФ, ОЭСР для стран ЕС осуществлена в [6], для независимых прогнозов в США – [9]). Это, возможно, свидетельствует о наличии факторов, не связанных с методологическими аспектами и/или с существующей на момент составления прогнозов неопределенностью, которые влияют на качество официальных прогнозов.

Во второй группе исследований на основании полученных выводов делаются попытки выявить факторы политической или институциональной природы, которые могут способствовать смещениям оценок прогнозов доходов бюджета. В классической работе А. Ауэрбаха [7] утверждается, что наблюдаемые систематические смещения являются результатом асимметричной оценки правительством потенциальных издержек (не только экономических, но и политических) положительных и отрицательных ошибок прогнозов бюджета, так как иначе в среднем ошибка прогноза была бы нулевой. Данное утверждение подтверждается при оценке асимметричной функции потерь от ошибок бюджетных прогнозов европейских стран [16]. Для российского бюджета таких оценок не проводилось.

Подобная асимметрия потерь может возникать вследствие того, что бюджет используется не только как финансовый план, но и как инструмент достижения действующим правительством и парламентом своих политических целей. При прогнозировании доходов бюджета лица, принимающие решения, сталкиваются с необходимостью выбора между выполнением расходных обязательств по отношению к избирателям, максимизацией выгоды определенных групп избирателей и необходимостью использовать бюджет как сигнал о фискальной ситуации в стране, чтобы избежать политических издержек. Излишний оптимизм (ситуация, когда фактические показатели оказываются хуже прогнозируемых) в прогнозах доходов позволяет задать высокий планируемый уровень расходов или дать экономическим агентам сигнал о фискальной устойчивости и оправдывать более слабые, чем планировалось, фактические результаты исполнения бюджета «неожиданными» экономическими шоками [4]. Пессимизм (ситуация, когда фактические показатели оказываются лучше прогнозируемых) как стратегия позволяет, например, давать экономическим агентам сигнал о качестве деятельности правительства в случае позитивных фактических результатов, при этом иметь страховку от внезапных негативных шоков.

В литературе пока не сложилось единого теоретического подхода к описанию причин ошибок прогнозов доходов бюджета, а попытки эмпирически описать возможные политико-институциональные факторы ошибок в зависимости от методологии исследования и выборки дают разные результаты. В данной работе рассматривается два фак-

тора, которые можно объединить понятием «факторы политической природы».

Первый фактор – электоральные циклы. Считается, что выборы являются «способом оценки гражданами текущей работы правительства, поэтому они награждают текущий состав в случае сильной экономики и наказывают в случае слабой» [16, с. 18]. Следовательно, если действующее правительство стремится быть вновь назначенным при избрании нового парламента, оно будет склонно в предвыборном году переоценивать получение доходов бюджета на год выборов (такая переоценка будет одобрена парламентом, также желающим быть переизбранным). Тем самым будут увеличены и планируемые расходы, что позитивно воспринимается избирателями (однако в общем случае это зависит от структуры планируемых расходов). Подтверждающие оптимизм в прогнозах доходов в предвыборный год результаты получены в исследованиях стран ЕС после подписания Маастрихтского договора [8]. Отметим, что данная стратегия обычно работает при наличии у населения фискальных иллюзий – ситуаций, когда избиратели не имеют представления о межвременном бюджетном ограничении государства, поэтому переоценивают выгоду от увеличения текущих расходов и недооценивают издержки будущих налогов [5]. В этом случае избиратели не учитывают два обстоятельства: 1) не все запланированные расходы могут быть реализованы, т. е. роста выпуска и снижения безработицы может не случиться; 2) рост расходов за счет ошибочно прогнозируемых доходов может привести к росту дефицита и долга, что снижает фискальную устойчивость на среднесрочном горизонте.

Однако в ряде эмпирических исследований значимого влияния электоральных циклов на ошибки прогнозов бюджета обнаружено не было [11; 17]. Это может быть связано с тем, что при принятии электоральных решений избиратели ориентируются на текущие, а не на планируемые показатели бюджета. В связи с этим у власти может возникнуть стимул создать возможность для увеличения фактических расходов в год выборов с помощью пессимистичных прогнозов доходов, которые также позволят сигнализировать о лучшем, чем ожидалось, состоянии экономки, а значит – о лучшей работе действующей власти. Следовательно, отсутствие значимого влияния электоральных циклов на ошибки прогнозов доходов бюджета в таком случае может быть объяснено как игнорированием возможности использования бюджета как инструмента достижения целей переизбрания и переназначения (по разным причинам), так и гибкостью выбираемых действующей властью стратегий поведения в каждом конкретном случае.

Второй рассматриваемый фактор, который может влиять на ошибки прогнозов доходов бюджета, – идеологическая, или, если рас-

сматривать более широко, партийная структура правительства и парламента. Согласно партийному подходу (partisan approach), лица, принимающие бюджетные решения, руководствуются мотивом удовлетворения потребностей соответствующего электората или своими идеологическими соображениями. Данное обстоятельство порождает два возможных последствия.

Во-первых, при преобладании приверженцев левой идеологии в правительстве и парламенте можно ожидать стимулирующую редистрибутивную политику и высокие государственные расходы; при этом вопросы дефицита и долга отходят на второй план [10]. Для реализации подобных расходных программ правительство будет склонно переоценивать *ex-ante* доходы бюджета. Следовательно, можно ожидать оптимизм в прогнозах в тех случаях, когда в идеологической структуре парламента и правительства преобладают сторонники левых политических направлений.

Во-вторых, при высокой степени фрагментации (как внутренней, так и между собой) правительства и парламента оказывается сложнее проводить те или иные бюджетные корректировки в сторону снижения расходов, поэтому в бюджетный прогноз может быть заложена «подушка безопасности» (safety margin), что сделает его более пессимистичным, чем в ситуации низкой фрагментации правительства и парламента.

Тем не менее необходимо отметить, что идеологическая фрагментация действует скорее на точность планирования расходов, так как конечный реципиент в лице электората больше заинтересован в расходах, поэтому значимое влияние идеологии на ошибки прогнозов баланса бюджета, полученное в ряде исследований, может быть объяснено динамикой расходов (значимое влияние на баланс бюджета получено в целом по выборке стран ЕС в [8]; при этом влияние на доходы для выборки стран ОЭСР за период 1970–1995 гг. незначимо [14], а в исследовании стран похожей выборки за период 1996–2012 гг. – слабо значимо [11]).

Точность прогнозов доходов федерального бюджета России

Для данного исследования были собраны данные по доходам федерального бюджета России за период 2000–2022 гг. Под ошибкой прогноза для текущего года в исследовании понимается разница между фактическим значением исполнения бюджета в текущем году и планируемым значением из первой редакции закона о бюджете, принятого в предшествующем году. Если ошибка прогноза положительная, значит прогноз носил пессимистический характер, если отрицательная – оптимистический.

Первым этапом исследования является оценка качества рассматриваемых прогнозов, а именно тестирование прогнозов доходов бюджета на наличие систематических ошибок. Первичный анализ точности исполнения федерального бюджета РФ показывает (см. табл. 1), что доходы бюджета в большинстве случаев (18 из 23 раз) прогнозировались с положительными ошибками (что сигнализирует о пессимизме в прогнозировании).

Таблица 1

Отклонение исполнения федерального бюджета по доходам от первой редакции соответствующего федерального закона
(в % от фактического ВВП, 2000–2022 гг.)

2000	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**	**2007**	**2008**
4,58	4,48	0,73	1,27	4,03	8,34	4,58	2,45	6,38
2009	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
–9,25	2,93	4,20	1,58	0,21	1,17	–1,71	–0,33	1,74
2018	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**ME**	**MAE**	**RMSE**	**Bias**
4,04	0,20	–1,54	4,82	1,85	2,03	3,15	3,98	3,71**

Примечание: данные за 2022 г. – на основе второй оценки ВВП. ME – средняя арифметическая ошибка, MAE – средняя абсолютная ошибка, RMSE – среднеквадратичная ошибка. Bias – *t*-статистика для коэффициента a_0 в уравнении (1), ** – значимость на 5%-ном уровне.

Рассчитано автором по: данные Министерства финансов РФ, Федерального казначейства, Федеральной службы государственной статистики.

При этом средняя абсолютная и среднеквадратичная ошибка, которые свидетельствуют о точности прогнозов, достаточно велики (3% и 4% ВВП соответственно). Вместе с тем положительная средняя арифметическая ошибка свидетельствует о систематических занижениях доходов бюджета в прогнозах (на 2% ВВП в среднем за 20 лет). В случае отсутствия систематического смещения средняя арифметическая ошибка была бы близка к нулю, что свидетельствовало бы о высокой неопределенности при прогнозировании, передаваемой в ошибки прогнозов бюджета. Исследования, посвященные странам ЕС и ОЭСР, свидетельствуют о более точных прогнозах (см. табл. 2). Однако здесь необходимо учитывать различия временны*х* периодов и разного объема выборок.

Дополнительно была проведена проверка бюджетных прогнозов на информационную эффективность, которая предполагает отсутствие в прогнозах смещенности (систематического завышения или занижения). Оценка проводилась по методологии [13]: рассматрива-

Таблица 2

Сравнение точности прогнозов доходов бюджетов в России и странах ЕС и ОЭСР

Выборка	Период	Источник	Величина	ME	MAE	RMSE
ЕС, 15 стран	1998–2004 гг.	v. Hagen	% к факт. ВВП	–0,46	Н/Д	2,58
РФ	2000–2005 гг.	Гурвич	% к факт. ВВП	3,9	3,9	4,6
РФ	2000–2022 гг.	Расчеты автора	% к факт. ВВП	2,03	3,15	3,98
ОЭСР, 19 стран	1996–2012 гг.	Johimsen, Lehmann	%	–0,17	5,34	7,87
РФ	2000–2005 гг.	Гурвич	%	28	28	33
РФ	2000–2022 гг.	Расчеты автора	%	12,73	18,55	23,61

Примечание: ME – средняя арифметическая ошибка, MAE – средняя абсолютная ошибка, RMSE – среднеквадратичная ошибка.

Рассчитано автором по: [3; 11; 17].

ется уравнение регрессии ошибки прогноза на ошибки прогнозов двух предыдущих периодов:

$$e_t = a_0 + a_1 e_{t-1} + a_2 e_{t-2} + \mu_t, \quad (1)$$

где e_t – ошибка прогноза для периода t, μ_t – случайные ошибки. О смещении сигнализирует значимость коэффициента a_0. Оценка данного уравнения показывает статистически значимую смещенность прогнозов в сторону занижения: коэффициент a_0 значимо положительный на 5%-ном уровне (столбец Bias в табл. 1 содержит t-статистику для коэффициента a_0 в уравнении (1)). Следовательно, системный пессимизм при прогнозировании параметров бюджета подтверждается. Отметим также, что при оценке регрессии (1) без лагов значимое смещение сохраняется.

В литературе в качестве способа оценки качества прогнозов, а именно выявления ошибок, связанных с объективной трудностью бюджетного прогнозирования, и их отграничения от намеренного искажения прогнозов бюджета рассматривается сравнение официальных прогнозов с прогнозами независимых институтов, занимающихся прогнозированием. При этом необходимо учесть, что данный метод опирается на предпосылку об отсутствии у независимых прогнозирую-

Таблица 3

Сравнение прогнозов доходов первой редакции федерального закона о бюджете (ФЗ) и прогноза Центра развития (ЦР) с исполнением доходов бюджета (в % от фактического ВВП, 2010–2020 гг.)

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Факт	17,9	18,9	18,9	17,8	18,3	16,4	15,7	16,4	18,7	18,4	17,4
ФЗ	15,0	14,7	17,3	17,6	17,2	18,2	16,1	14,7	14,7	18,2	18,9
Ошибка	*2,9*	*4,2*	*1,6*	*0,2*	*1,1*	*–1,8*	*–0,4*	*1,7*	*4,0*	*0,2*	*–1,5*
ЦР	18,2	н/д	17,4	19,0	н/д	19,8	16,5	14,3	14,0	19,2	18,6
Ошибка	*–0,3*	*н/д*	*1,5*	*–1,2*	*н/д*	*–3,4*	*–0,8*	*2,1*	*4,7*	*–0,8*	*–1,2*

Составлено автором по: данные Федерального Казначейства, Федеральных законов о федеральном бюджете; данные института «Центр развития» ВШЭ. https://dcenter.hse.ru/. В случае наличия нескольких вариантов прогноза института «Центр развития» был взят самый пессимистичный.

щих организаций стимулов к искажениям. Выбор бенчмарка для сравнения в данном исследовании сталкивается с существующими ограничениями: практически все прогнозные институты оценивают параметры бюджета расширенного правительства либо баланс федерального бюджета. Единственный известный автору источник прогнозов доходов федерального бюджета – институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

С поправкой на усеченную выборку и разное время прогнозов в течение года можно сказать, что прогнозы Центра развития в основном менее пессимистичны, чем прогнозы федерального бюджета (см. табл. 3). При этом оценка средних отклонений показывает отсутствие смещенности у независимого прогноза (средняя арифметическая ошибка за период с 2010 по 2020 г. равна 0,09% ВВП у прогноза Центра развития против 0,79% ВВП у официального прогноза) и чуть большую их точность (среднее абсолютное отклонение независимого прогноза составляет 1,58% ВВП против 1,77% ВВП у официального прогноза). Таким образом, данная проверка также указывает на наличие в официальных прогнозах доходов смещенности (с учетом указанных выше ограничений к данным результатам нужно относиться осторожно).

Влияние электоральных циклов и партийной структуры парламента

Выявленный системный пессимизм при прогнозировании доходов федерального бюджета на длительном интервале свидетельствует о наличии ряда факторов, стимулирующих участников бюджетного

процесса к производству смещенных прогнозов. В качестве потенциальных факторов в работе исследуется наличие электоральных циклов и идеологическая и партийная структура парламента. Рассматривается следующая модель:

$$REVERR_t = \alpha + \beta_1 ELECT_t + \beta_2 IDEO_t + \beta_3 FRAG_t + \beta_4 X_t + \varepsilon_t \qquad (2)$$

В качестве зависимой переменной используется ошибка прогноза доходов федерального бюджета РФ в процентах ВВП (*REVERR*), которая рассчитывается как разница между исполненными доходами в текущем году и планируемой величиной доходов в первой редакции закона о бюджете, изданном в году, предшествующему текущему. Отрицательное значение переменной свидетельствует о заниженном прогнозе, а положительное – о завышенном.

Переменные интереса разделены на три группы. Первая группа (*ELECT)* охватывает возможные электоральные циклы. Она представлена двумя бинарными переменными: выборы президента РФ (*ELECT_PREZ)* и выборы в Государственную Думу (*ELECT_GD)*. В обоих случаях переменная равна единице, если в году, на который составляется прогноз, проводятся те или иные выборы. На наш взгляд, отдельное рассмотрение выборов президента и Государственной Думы целесообразно по двум причинам: 1) выборы президента проходят в марте, а выборы в Государственную Думу – в последнем квартале года (до 2011 г. в декабре, а с 2016 г. – в сентябре), что может влиять на мотивацию к искажению бюджетных прогнозов; 2) Составление проекта бюджета осуществляется органами исполнительной власти (основными участниками данного процесса являются Министерство финансов РФ и Министерство экономического развития РФ, а также правительство России в целом)[2]. При этом председатель правительства до 2020 г. назначался президентом с согласия Государственной Думы (на данный момент он утверждается Государственной Думой, однако ни одного председателя правительства по такому механизму пока не было назначено), а федеральные министры, непосредственно отвечающие за формирование бюджета (прежде всего, министр финансов и министр экономического развития), до 2020 г., то есть на большей части выборки, предлагались председателем правительства и утверждались президентом без участия Государственной Думы[3]. Таким образом, если текущее

[2] См. «Правила составления проекта федерального бюджета…» (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.03.2018 № 326). Правила для более ранних периодов в этом компоненте не отличаются.

[3] Федеральные конституционные законы от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ и от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

правительство действует, исходя из интереса остаться у власти, то оно скорее может реагировать на выборы президента, чем на выборы парламента. Вместе с тем также будет рассмотрена переменная, отвечающая за любые выборы федерального уровня (*ELECT_ALL)*. В любом случае, в соответствии с существующей литературой, можно ожидать отрицательное значение коэффициента β_1, что будет означать оптимизм в прогнозах доходов бюджета на год выборов.

Переменная *IDEO* описывает идеологическую структуру парламента (оценивать идеологическую структуру правительства не представляется возможным, так как большинство его членов беспартийные). В качестве переменной в данном исследовании используется индекс Шмидта (*IDEO_SCHMIDT)*, который принимает значения от 1 до 5: 1 – левые партии отсутствуют в парламенте, 2 – левые партии занимают до 33% мест в парламенте, 3 – левые партии занимают от 33 до 66% парламента, 4 и 5 – аналогично значениям 1 и 2, только в отношении правых и центристских партий [14]. Значения для России рассчитаны на основе партийной структуры Государственной Думы (см. табл. 4), при этом отнесение партий к левому сегменту основано на исследовании А.А. Вилкова [2].

Таблица 4

Расчет индекса Шмидта

Созыв Думы	Депутатов левых партий	Доля левых партий, %	Индекс Шмидта
II (2000 г.*)	186 (КПРФ**, Народовластие)	41,33	3
III (2001–2004 г.)	113 (КПРФ)	25,11	2
IV (2005–2008 г.)	52 (КПРФ)	11,56	2
V (2009–2012 г.)	95 (КПРФ, СРЗП)	21,11	2
VI (2013–2016 г.)	156 (КПРФ, СРЗП)	34,67	3
VII (2017–2022 г.)	65 (КПРФ, СРЗП)	14,44	2

Примечание: * – периоды в скобках означают годы, бюджет на которые утверждался при действующем парламенте; ** – КПРФ – Коммунистическая партия РФ, СРЗП – «Справедливая Россия – За правду».

Источник: составлено автором.

В соответствии с существующей литературой можно ожидать близкое к нулю отрицательное значение коэффициента β_2, что будет соответствовать выводам об оптимизме в прогнозах при преобладании левых идеологических течений, однако масштаб влияния, на наш взгляд, должен быть несущественным в силу стабильности структуры парламента.

В качестве группы переменных *FRAG* будет рассмотрен индекс Рае (*FRAG_RAE*), который показывает фрагментацию фракционной структуры Государственной Думы (так как большинство членов правительства формально беспартийные, рассмотреть его фрагментацию не представляется возможным). Данный индекс рассчитывается по формуле $RAE = 1 - \sum_{i=1}^{n} s_i^2$, где s – доля мест в парламенте для каждой партии, n – количество партий (без учета беспартийных). Чем выше значение индекса, тем более фрагментирован парламент. Можно ожидать положительное значение коэффициента β_3, так как при фрагментированном парламенте правительству труднее провести те или иные поправки, например, сокращающие расходные программы в случае фактической нехватки доходов, в течение бюджетного года, поэтому правительство будет склонно формировать осторожные прогнозы.

В качестве контрольных (вектор X) переменных используется ряд экономических переменных, которые могут влиять на ошибки прогнозов доходов бюджета. Прежде всего это ошибка прогноза темпа роста реального ВВП в п. п. (*GDP_ERROR*) и ошибка цены на нефть марки Urals в % (*OIL_ERROR*). Данные переменные формируются в рамках прогноза Социально-экономического развития России параллельно бюджету и играют важную роль в определении доходов государства. Ошибка в прогнозировании, вызванная макроэкономической неопределенностью, передается в ошибки доходов бюджета (ошибки в определении цены на нефть передаются через НДПИ, а ошибки в прогнозировании реального ВВП могут отражаться во многих доходах – налог на прибыль, НДС, акцизы и т. д.).

Кроме того, в качестве контрольной переменной будет рассмотрена ошибка ИПЦ в п. п. (*INFL_ERROR*). Уровень инфляции выше ожидаемого может привести к большим, чем планировалось, номинальным доходам бюджета (прежде всего за счет поступлений от НДС). Мы ожидаем положительный знак соответствующего коэффициента для всех рассматриваемых переменных. При работе с выбранными контрольными переменными важно учитывать два обстоятельства: (1) социально-экономические прогнозы также могут быть подвержены смещениям по политическим мотивам [12], что может исказить результаты оценивания, однако тесты на мультиколлинеарность показывают, что данная проблема не является критической; (2) все три рассматриваемые контрольные переменные влияют друг на друга [1], поэтому корректнее использовать их не совместно, а по отдельности.

Описательная статистика переменных приведена в табл. 5[4].

[4] В работе были использованы ошибки HAC (Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent standard errors – стандартные ошибки, состоятельные при наличии гетероскедастичности и автокорреляции).

Таблица 5

Описательная статистика переменных

Обозначение переменной	Содержание переменной	*N*	Среднее	Ст. откл.	Мин	Макс
REVERR	Ошибка прогноза доходов бюджета	23	2,032	3,495	–9,249	8,335
ELECT_ALL	Год федеральных выборов	23	0,435	0,507	0	1
ELECT_PREZ	Год выборов Президента РФ	23	0,217	0,422	0	1
ELECT_GD	Год выборов в Гос. Думу РФ	23	0,217	0,422	0	1
IDEO_SCHMIDT	Идеологический индекс Шмидта	23	2,217	0,422	2	3
FRAG_RAE	Индекс партийной фрагментации Рае	23	0,566	0,172	0,391	0,858
GDP_ERROR	Ошибка прогноза темпа роста ВВП, в п.п.	23	–0,372	3,800	–14,120	4,546
OIL_ERROR	Ошибка прогноза цены на нефть Brent, в %	23	25,886	33,782	–48,800	92,308
INFL_ERROR	Ошибка прогноза темпа инфляции, в п.п.	23	2,245	2,993	–1,490	7,940

Источник: рассчитано автором.

Результаты оценивания приведены в табл. 6. В таблице не показаны результаты моделирования с использованием переменной по инфляции, так как ее значимость в зависимости от состава регрессоров непостоянна, и с использованием ошибки цены на нефть, так как, несмотря на значимость, ее присутствие делает все остальные переменные незначимыми и отличающимися по знаку от результатов остальных моделей.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Ошибки в прогнозах основных макроэкономических показателей в целом действительно влияют на качество прогнозов доходов федерального бюджета. Во всех построенных моделях переменная ошибки темпа роста реального ВВП и ошибки цены на нефть дает значимый положительный результат, ошибка в расчете инфляции оказалась частично значима. Как было сказано ранее, взаимосвязь между ошибками бюджетных прогнозов и макропрогнозов не случайна, так как большая часть ненефтегазовых доходов (налог на прибыль, НДС и т. д.) так или иначе прогнозируются с учетом прогноза ВВП, а нефтегазовых – с учетом цены на нефть.

Федеральные электоральные циклы не оказали значимого влияния на качество прогнозирования доходов. В целом, как было показано в обзоре литературы, этот результат соответствует большинству исследований. Для проверки устойчивости результатов были проведены оценки, для которых в качестве переменной, отражающей электоральные циклы, взято время между датой публикации закона о бюджете и датой выборов (данная методология используется

Таблица 6

Результаты оценивания модели (зависимая переменная REVERR: ошибка прогноза доходов федерального бюджета РФ (в % ВВП)

Обозначение переменной	Содержание переменной	*a*	*b*	*c*	*d*	*e*	*f*	*g*
const	Константа	5,643^{c} (1,853)	6,252^{c} (1,913)	5,991^{b} (1,987)	5,923^{c} (1,987)	5,269^{c} (1,744)	4,096^{b} (2,826)	4,666^{c} (2,922)
ELECT_PREZ	Год выборов Президента РФ	1,163 (1,025)		0,818 (1,113)		0,766 (1,179)	1,192 (1,138)	
ELECT_GD	Год выборов в Государственную Думу РФ		−1,245 (1,085)	−0,945 (1,166)		−0,901 (1,179)		−1,253 (–1,154)
ELECT_ALL	Год федеральных выборов				−0,062 (0,975)			
IDEO_ SCHMIDT	Идеологический индекс Шмидта	−0,909 (0,613)	−0,937^{b} (0,438)	−0,911^{c} (0,513)	−0,950 (0,556)	−1,328^{b} (0,557)		
FRAG_RAE	Индекс партийной фрагментации Рае	−2,805 (2,358)	−2,803 (2,259)	−2,889 (2,318)	−2,621 (2,211)		−3,636^{c} (–,794)	−3,657^{c} (–1,857)
GDP_ERROR	Ошибка прогноза темпа роста ВВП	0,704^{c} (0,089)	0,772^{c} (0,087)	0,741^{c} (0,099)	0,738^{c} (0,098)	0,709^{c} (0,094)	0,716^{c} (8,988)	0,786^{c} (9,868)
Число наблюдений		23	23	23	23	23	23	23
R^2		0,655	0,657	0,665	0,636	0,649	0,644	0,646
F-статистика		19,24	30,72	20,49	23,20	17,52	30,37	50,66

Примечание: a – значимость на 10%-ном уровне, *b* – значимость на 5%-ном уровне, *c* – значимость на 1%-ном уровне; в скобках указаны стандартные ошибки.

Источник: рассчитано автором.

в исследовании [8], обнаружившем значимое влияние электоральных циклов). На используемой в данном исследовании выборке эта переменная подтвердила незначимость электоральных циклов. Причиной выявленной незначимости может быть наличие фискальных иллюзий у населения России, выражающееся в учете только выгод от осуществляемых государством расходов, при этом вопросы финансирования расходов интересуют население в меньшей степени. Тем не менее исследований, подтверждающих или опровергающих наличие фискальных иллюзий в России, на данный момент найдено не было.

Еще одна возможная причина заключается в том, что основными в структуре доходов федерального бюджета являются доходы, расчет которых основан на использовании показателей прогнозов социально-экономического развития и отчетов о поступлениях налогов за прошлые периоды[5]. Таким образом, искусственно повлиять на прогнозы доходов бюджета можно через макроэкономический прогноз. Однако

[5] См., например, Методику прогнозирования поступлений доходов в консолидированный бюджет Российской Федерации…, утвержденную приказом ФНС России от 06.03.2020 г. № ЕД-7-1/143@.

результаты научных [3] и аналитических[6] исследований показывают, что точность официальных российских макропрогнозов по многим показателям несильно отличается от независимых прогнозов, что позволяет говорить об отсутствии их намеренного искажения с целью достижения политических целей.

Идеологическая структура парламента в ряде оцениваемых моделей показывает слабо значимый отрицательный результат, что может свидетельствовать о меньшем пессимизме в прогнозах при большем количестве «левых» парламентариев в составе парламента – полученный результат соответствует выводам рассмотренных в обзоре литературы исследований. Если вместо индекса Шмидта, взятого в качестве индикатора идеологической направленности парламента, использовать долю депутатов, представляющих «левые» партии (см. табл. 4), то, действительно, созывам Думы с большей долей представителей таких партий соответствуют в среднем более оптимистичные (или, точнее сказать, менее пессимистичные) прогнозы доходов федерального бюджета (см. рис. 2) – можно сказать, что среднее «занижение» доходов в прогнозах было меньше в период, когда в составе Думы было больше представителей «левых» партий (за исключением V созыва из-за последствий кризиса 2009 г.), что соответствует большему оптимизму.

Тем не менее, на наш взгляд, к полученным результатам необходимо относиться с осторожностью. В исследованиях, проводимых на базе данных по странам ЕС и ОЭСР, используется метод межстранового сравнения, поэтому в анализе присутствуют страны с разным идеологическим составом правительства и парламента[7]. Кроме того, в данных исследованиях используется идеологический состав правительства, которое ответственно за проектировку бюджета. В России, как было отмечено выше, сделать это не представляется возможным.

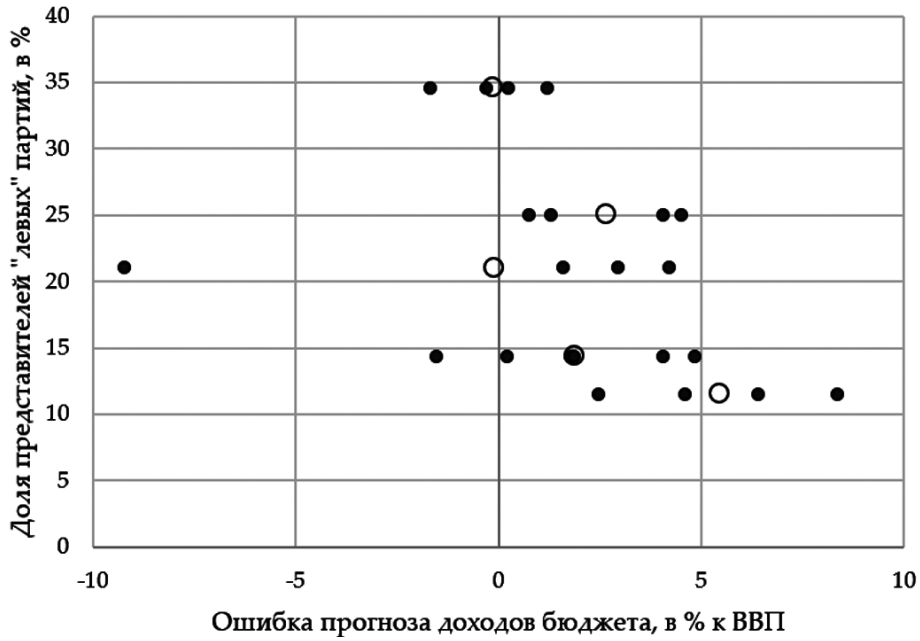
В свою очередь определяемая российским бюджетным законодательством роль Государственной Думы в формировании прогнозов доходов федерального бюджета ограничивает ее полномочия по внесению поправок в величину прогнозируемых доходов, так как изменение общих характеристик по итогам первого чтения хоть и возможно с точки зрения закона[8], однако сопряжено с высокими политическими

---

[6] *Куликов Д.* Специфика источников макроэкономических прогнозов по России // АКРА, 2021. https://www.acra-ratings.ru/research/2517/ (дата обращения: 13.06.2023).

[7] См., например, Political Data Yearbook. https://politicaldatayearbook.com/.

[8] Ст. 202-204 Бюджетного кодекса Российской Федерации (Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.)). https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 13.06.2023).

Примечание: пустые круги – средняя ошибка прогноза доходов бюджета за период деятельности созыва Думы.

Источник: рассчитано автором.

Рис. 2. Зависимость ошибки прогноза доходов бюджета от «левизны» Государственной Думы

издержками. Кроме того, представители Государственной Думы (а именно Комитета по бюджету и налогам) напрямую участвуют в процессе согласования бюджета до его внесения в парламент в рамках бюджетной комиссии и дают свое заключение перед рассмотрением проекта закона в первом чтении. Председателем данного комитета с 2003 г. был член партии «Единая Россия», которая, во-первых, с 2004 г. занимала в парламенте большинство, достаточное для принятия закона, и, во-вторых, является центристской[9], т. е. в соответствии с теорией не ставит вопросы перераспределения выше бюджетной и финансовой стабильности. Результатом такой структуры бюджетного проектирования является утверждение проекта бюджета в первом чтении без поправок, а немногочисленные поправки к проекту закона, как правило, отклоняются.

Таким образом, идеологическая структура парламента скорее не является определяющей при формировании степени пессимизма в бюджетных прогнозах. Отметим также некоторую условность отне-

[9] См., например, IADB Database of Political Institutions. https://mydata.iadb.org/Reform-Modernization-of-the-State/. Database-of-Political-Institutions-2017/938i-s2bw.

сения партий к «левым», так как она основана на анализе программ, а не реальных действий (отметим, что данная проблема характерна не только для данного, но и для других существующих исследований). Похожие выводы можно сделать относительно переменной, отвечающей за партийную фрагментацию (модели $f - g$), которая становится значимой при исключении идеологической структуры из анализа: отрицательный знак перед соответствующей переменной означает, что более *фрагментированный парламент характеризуется меньшим пессимизмом в прогнозах* доходов бюджета – это противоречит выводам существующих исследований. Однако из-за стабильности партийной структуры Государственной Думы и ее ограниченного влияния на проект бюджета в части величины доходов к получаемой значимости коэффициента также нужно относиться осторожно.

Заключение

Проведенный анализ точности официальных прогнозов доходов федерального бюджета России показал, что они обладают системным занижением объема поступлений. Тесты на информационную эффективность, а также сравнение с независимыми прогнозами показывают статистически значимое занижение прогнозных оценок.

На основании полученного результата была произведена эмпирическая оценка описываемых в существующей литературе факторов политической природы. Оказалось, что качество прогнозов доходов федерального бюджета не подвержено влиянию федеральных электоральных циклов и слабо зависит от политической и идеологической структуры парламента. Первое обстоятельство связано, скорее, с наличием у населения фискальных иллюзий, из-за чего решающим для граждан является расходная часть бюджета, а также с особенностями прогнозирования доходов. Второе – с отсутствием значимой корректирующей роли парламента при проектировании и утверждении прогноза доходов. Важным фактором ошибок прогнозов доходов ожидаемо является точность прогнозов социально-экономического развития, так как большинство налоговых доходов бюджета прогнозируется исходя их его параметров.

Вместе с тем высокая значимость константы в моделях и ее положительное значение может говорить о том, что есть некие факторы, не рассмотренные в данном исследовании, которые объясняют существующий пессимизм в прогнозах. На наш взгляд, приведенные обоснования незначимости политических факторов свидетельствуют о том, что пессимизм при прогнозировании доходов бюджета вызван институциональной средой принятия бюджетных решений – теми правилам, по которым бюджетное проектирование осущест-

вляется. В частности, представляет интерес изучение сформировавшихся с течением времени и оформленных в виде законодательно утвержденных процедур «правил игры», по которым составляется бюджет и в которых заложена мотивация Министерства финансов РФ, как ключевого игрока при разработке бюджета, а также возможное влияние бюджетных правил.

Полученные результаты являются мотивацией для более глубокого изучения институциональной среды бюджетного процесса, в том числе вопросов, связанных со стимулами ключевых участников бюджетного процесса, а именно Министерства экономического развития РФ и Министерства финансов РФ, их соотношения и реализации в существующем нормативном поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балаев А.И.* Факторный анализ доходов российской бюджетной системы // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 3. С. 8–37.
2. *Вилков А.А.* «Левый» сегмент партийной системы современной России: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 196–202.
3. *Гурвич Е.Т.* Насколько точны макроэкономические и бюджетные прогнозы? // Вопросы экономики. 2006. № 9. С. 4–20.
4. *Annett A.* Enforcement and the Stability and Growth Pact: how fiscal policy did and did not change under Europe's fiscal framework. 2006 // IMF Working Paper. 2006. No. 06/116.
5. *Alesina A., Perotti R.* The Political Economy of Budget Deficits // IMF Staff Papers. 1995. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–31.
6. *Artis M., Marcellino M.* Fiscal forecasting: The track record of the IMF, OECD and EC // The Econometrics Journal. 2001. Vol. 4. No. 1. Pp. S20–S36.
7. *Auerbach A.* On the Performance and Use of Government Revenue Forecasts // National Tax Journal. 1999. Vol. 52. No. 4. Pp. 767–782.
8. *Bruck T., Stephan A.* Do eurozone countries cheat with their budget deficit forecasts? // Kyklos. 2006. Vol. 59. Iss. 1. Pp. 3–15.
9. *Croushore D., van Norden S.* Fiscal Policy: Ex Ante and Ex Post // Research Department, Federal Reserve Bank of Philadelphia. Working Paper. 2014. No. 14–22.
10. *Herwartz H.,* Theilen B. Ideology and redistribution through public spending // European Journal of Political Economy. 2017. Vol. 46. Pp. 74–90.
11. *Jochimsen B, Lehmann R.* On the political economy of national tax revenue forecasts: evidence from OECD countries // Public Choice. 2017. Vol. 170. Pp. 211–230.
12. *Jonung L., Larch M.* Improving fiscal policy in the EU: the case for independent forecasts. Economic Policy. 2006. Vol. 21. No. 47. Pp. 491–534.
13. *Oller L., Barot B.* The accuracy of European growth and inflation forecasts // International Journal of Forecasting. 2000. Vol. 16. Pp. 293–315.
14. *Perotti R., Kontopoulos Y.* Fragmented fiscal policy // Journal of Public Economics. 2002. Vol. 86. Pp. 191–222.

15. *Pina A.M., Venes N.M.* The political economy of EDP fiscal forecasts: an empirical assessment // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27. Pp. 534–546.
16. *Strauch R., Hallerberg M., von Hagen J.* Budgetary forecasts in Europe – the track record of stability and convergence programmes // European Central Bank. Working Paper Series. 2004. No. 307.
17. von Hagen J. Sticking to fiscal plans: the role of institutions // Public Choice. 2010. Vol. 144. Pp. 487–503.

REFERENCES

1. *Balaev A.I.* Factoral analysis of budget system revenues in Russia // Economic policy. 2017.Vol. 12. No. 3. Pp. 8–37.
2. *Vilkov A.A.* The «left» segment of the partisan system in modern Russia: problems and perspectives // Bulletin of Saratov University. The New Series. Sociology and Political science. 2019. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 196–202.
3. *Gurvich E.T.* How accurate budget and macroeconomic forecasts are? // Economic Issues. 2006. No.9. Pp. 4–20.
4. *Annett A.* Enforcement and the Stability and Growth Pact: how fiscal policy did and did not change under Europe's fiscal framework.// Working Paper. 2006. IMF. No. 06/116.
5. *Alesina A., Perotti R.* The Political Economy of Budget Deficits // IMF Staff Papers. 1995. Vol. 42. No. 1. Pp. 1–31.
6. *Artis M., Marcellino M.* Fiscal forecasting: The track record of the IMF, OECD and EC // The Econometrics Journal. 2001. Vol. 4. No.1. Pp. S20–S36.
7. *Auerbach A.* On the Performance and Use of Government Revenue Forecasts // National Tax Journal. 1999. Vol. 52. No. 4. Pp. 767–782.
8. *Bruck T., Stephan A.* Do eurozone countries cheat with their budget deficit forecasts? // Kyklos. 2006. Vol. 59. Iss. 1. Pp. 3–15.
9. *Croushore D., van Norden S.* Fiscal Policy: Ex Ante and Ex Post // Research Department, Federal Reserve Bank of Philadelphia. Working Paper. 2014. No. 14–22.
10. *Herwartz H., Theilen B.* Ideology and redistribution through public spending // European Journal of Political Economy. 2017. Vol. 46. Pp. 74–90.
11. *Jochimsen B, Lehmann R.* On the political economy of national tax revenue forecasts: evidence from OECD countries // Public Choice. 2017. Vol. 170. Pp. 211–230.
12. *Jonung L., Larch M.* Improving fiscal policy in the EU: the case for independent forecasts. Economic Policy. 2006.Vol. 21. No. 47. Pp. 491–534.
13. *Oller L., Barot B.* The accuracy of European growth and inflation forecasts // International Journal of Forecasting. 2000. Vol. 16. Pp. 293–315.
14. *Perotti R., Kontopoulos Y.* Fragmented fiscal policy // Journal of Public Economics. 2002. Vol. 86. Pp. 191–222.
15. *Pina A.M., Venes N.M.* The political economy of EDP fiscal forecasts: an empirical assessment // European Journal of Political Economy. 2011. Vol. 27. Pp. 534–546.
16. *Strauch R., Hallerberg M., von Hagen J.* Budgetary forecasts in Europe – the track record of stability and convergence programmes // European Central Bank. Working Paper Series. 2004. No. 307.
17. *von Hagen J.* Sticking to fiscal plans: the role of institutions // Public Choice, 2010. Vol. 144. Pp. 487–503.

Дата поступления рукописи: *18.06.2023 г.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Сударев Денис Андреевич – аспирант экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель экономического факультета ЭМИТ РАНХиГС, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7812-7461
d.a.sudarev@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR
Denis A. Sudarev – Post-Graduate Student of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Senior Lecturer of the Economics Faculty of the Institute of Economics, Mathematics and Information Technology of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7812-7461
d.a.sudarev@gmail.com

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF POLITICAL FACTORS ON FEDERAL BUDGET REVENUE FORECAST ACCURACY IN RUSSIA

The purpose of the study is assessment of impact of political factors, such as electoral cycles and ideological range of parliament on systematic deviations of actual revenues of the Russian federal budget from its planned values. The study consists of two stages. On the first stage the quality of federal budget revenue forecast on the period from 2000 to 2022 is made (actual value of revenue is compared with planned one in the first version of the budget law). It is shown that official federal revenue forecasts are characterized with statistically significant under-prediction. The second stage is the empirical assessment of potential factors impact on pessimism in revenue forecasting. The following results of the conducted evaluation are proposed: federal electoral cycles are not statistically significant and ideological structure of the parliament is weakly significant factors of revenue forecasts quality. The result of the study gives the motivation for further investigation of key actors' incentives during budget forecasting.

Keywords: *budget process, fiscal forecasting, budget revenue, forecast accuracy, electoral cycles, partisan fragmentation, ideology.*
JEL: H68, P16.